

Ольга Апреликова

ЗОЛОТОЙ БРАТИК

Ольга Апреликова Золотой братик

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63697267

ISBN 9785005306227

Аннотация

Продолжение «Горького логова» и «Тихой Химеры»: просто выжить для заложника древних планов предков – уже победа. Особенно если ты сирота, невеста где подобранный мальчишкой-императором, инородец, а то и опасный василиск, которому нет резонов доверять.

Содержание

Часть первая. Зимнее небо	5
1. Праздник первого снега	5
2. Хороших – не едят	25
3. Маленькое деревце счастья	56
4. Песенка без ошибок	86
5. Новогодний дракон	110
6. Corona Astralis	132
Часть вторая. Берег яблок	151
1. Солнце и Близнецы	151
2. Василиск из Каменного леса	172
3. Локусы хромосом	210
Конец ознакомительного фрагмента.	232

Золотой братик

Ольга Апреликова

© Ольга Апреликова, 2021

ISBN 978-5-0053-0622-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая. Зимнее небо

1. Праздник первого снега

А ведь хорошо, что природа молчит? Даже если небу, елкам, снегу он не нравится – они-то ругать не будут. Тишина. Больше ничего хорошего здесь – нет. Лес. Мокрый и белый. И холодно... Если б снова туда, где солнце, лето и маленькие, как игрушечные, золотые города! Где даже полотно дорог золотое, узорчатое, а вдоль них – невысокие столбики, чтобы считать мили, с зелеными самоцветиками на верхушке... А тут, дома, вообще никаких дорог нет – только небо, все летают. Ну, еще в парке лабиринт дорожек для гуляния: сколько ни иди, никуда не придешь... Тоска. Зареветь? Нельзя: не маленький. А первоклассник... Тьфу на нее, на эту школу. И на золотую страну – тоже тьфу. Да. Дело-то ведь совсем не в ней. А в Юме. То есть в том, что его нет. Вот сколько ждать, когда он явится и схватит на руки: «Братик мой золотой»?

Брызнули слезы – скорей вытер. Но как жить-то – без Юма?! Без Юма самого по себе, ведь Юм без чудес, простой Юм, не волшебник – даже лучше. Хотя, конечно, он бывает свирепым – попробуй, закапризничай... Зато он таскает на руках, если устанешь... Если занят, то можно тихо-тихо

играть рядом... Если уснешь нечаянно – он всегда так долго работает! – то укроет чем-нибудь, а потом, когда дела закончит и сам станет зевать, подберет и утащит в кровать... Спать лучше всего на нем, хотя, конечно, там на спине очень твердые лопатки. Но если сверху обнять, сколько рук хватит, и ухом и щекой пристроиться под левой лопаткой, тогда не так уж твердо и слышно, как сердце стучит... А утром проснешься и, если он еще спит, можно тихо играть с мягкими игрушечками... И лучше, чтоб эти игрушечки по его лопаткам не гуляли, а то разбудишь – встанет, заворчит, потащит завтракать и буквы повторять... Всегда с ним. Быть бы. Как без него – пусто!!!

И больше никого на свете *нет*.

Ну, конечно, есть ребята, с яслей вместе, названные братики и сестренки, самые любимые... Ну и что. А Юм зато... ЮМ!!

Но его нет тут нигде. Как теперь так долго – он сказал, до Нового года!! – одному?

Да еще эта школа...

Он опять вытер слезы и огляделся. Пустота между стволов и веток. Лес. Как он опять ловко ото всех сбежал. Ну и что. Скоро поймают. И попадет. В прошлый раз ругали, ругали. Громко. Он оглянулся – вернуться? В талых ямках следов видно травку, хвою, коричневые и серые листики. Какой-то мусор, мох. А камешков в лесу нет... Он посмотрел в небо – мутная мгла. По сторонам – черные лапы елок и сырые, дох-

лые хлопья снега, шлепающиеся на белые поляны.

Зато он сейчас один. Противный праздник: обвисшие мокрые вымпелы, лягушачья икра белых воздушных шаров, крики, смех, шум – День Первого Снега. Какой же это праздник, если все вокруг будто серым карандашом нарисовано? Да ну его. А вот праздники Юма, хоть с фейерверками среди ночи, хоть с красными дирижаблями в бездонном небе... Не реветь.

Страшно тут. В пустоте. И время как будто бы спит. Все – как во сне.

Как в чудесах. Может, если не сдаваться – когда-нибудь и чудо случится? Идти и идти. И найдется Юм?

Ведь никогда не угадаешь, когда начинаются чудеса. Последние были недавно. Те золотые дороги с узорами. Но там еще полно было чудес: дирижабли в небе, золотые дворцы, статуи, таинственные комнаты со старинными вещами. Во дворцах – белые от солнца дворы с золотыми узорами в каких-то огромных кругах. Юм на этих узорах иногда танцевал. Они там жили то в одном дворце, то в другом – всегда одни, и Юм все читал старые книги на чужих языках, а он сам, прижавшись к его боку, разглядывал непонятные картинки. От книг пахло пылью и, Юм сказал, сухой ромашкой. На лугах вокруг дворцов этих ромашек, живых, под облаками цветных бабочек, – целые океаны... А игрушки-то были там какие удивительные!!! Карусель-то на круглом столе, где вместо лошадок журавлики и лебеди? А телескоп-то,

и там в черноте звезды, много-много, и все разноцветные, а у ближних видно таинственные шары планет... В другом дворце – настоящая живая лошадка, только маленькая, мохнатая, гривка в косичках, белая, как молоко... Такая пони. Яблоки ела и морковку, щекотно, если из рук, и можно во дворах кататься, пока Юм в библиотеке... Заблудился однажды в дворцовом лабиринте – лошадка тоже не знала, куда идти. Но только он заревел – Юм тут же их нашел. И смеяться не стал... Зареветь все-таки, что ли? Вдруг Юм услышит и найдет... Нет, не услышит... Он далеко. За небом. На другой планете.

Он остановился и растерянно посмотрел вокруг: ну где ж ты, Юм, где? Ююуууум...

Юм! Юм, чудес не надо, ни лошадок, ни дворцов, ни ромашек – пришел бы ты просто...

Он опять посмотрел на небо: какое слепое... Непреодолимое, как граница миров.

А потом что? Если даже Юм придет? Он ведь не может совсем забрать с собой, он объяснял. Только все равно непонятно – почему. В общем, не может. Хоть и волшебник...

Уйдет опять. А тут все – чужие. И всё, даже елки эти, даже учебники там в портфеле, даже каша на завтрак – чужое.

Ведь вот же – этот первый снег, мокрый и шершавый – гадость какая. А он ведь ждал его. Песенки разучивал со всеми. Ждал – как только выпадет первый снежок из песенок – сразу случится что-то. Но ведь день еще не кончился?

Из-за черных елок послышался гул люггера. Сейчас поймут. Гул низко над лесом и все ближе – он шмыгнул под шатер ближней елки и затаился на скользкой хвое, вздрагивая от сильно подпрыгивающего изнутри сердца, сжался, чтоб не царапаться об шершавые обломки засохших веток. Пожить бы здесь под елкой сколько-нибудь... Гул люггера завис прямо над елкой. Кто из воспитателей его ловит в этот раз?

Машина тяжело села. Хлопнула дверца, и на висок со вздрогнувшей ветки больно закапала ледяная вода. Вышедший из-за машины человек... Ох: сам Артем, главный в «Венке» для всех.

Он сам выполз ему под ноги. Поднялся; даже, отряхивая мокрый снег и приставшие серые хвоинки, решился взглянуть – глаза серебристые, нездешние, он никогда ни у кого таких не видел. Показалось, что вокруг стало светлее от этих глаз, будто солнце вот-вот прорвет снежные облака. Жуть. Артему-то – он царь Венка! – что до него?

В салоне на заднем сиденье горой – громадная куртка. Сесть на краешек, чтоб не касаться... Тепло... Машина взмыла. Страшно. Высоко, и подташнивает. Зато в машине тепло. Он не успел опомниться, когда внизу вдруг промелькнули знакомые крыши и неразбериха с белыми шариками на школьной площади. Ой. Недалеко же он ушел.

Ай! Куда это его?

Артем обернулся, посмотрел в глаза, потом на грязную лужу, которая уже образовалась под его раскисшими комнат-

ными ботинками. Отвернулся, прибавил скорость. В том же молчании, очень быстро (а Юм все равно быстрее летает!), невысоко, машина прошла над черно-белым лесом и скоро села в сером просторе площади у главной башни Венка. С трудом он выбрался за Артемом, а тот крепко взял за руку громадной ладонью, повел – не спеша, чтобы не приходилось сбиваться на рысь. В лифте отпустил его онемевшую ладонь и опять посмотрел на ноги. Он переступил чавкнувшими башмаками и испугался этого мокрого звука. И даже не сразу, а лишь когда Артем оглянулся, вышел из кабины.

Серые облака, казалось, вот-вот коснутся прозрачных сводов большого зала. Башмаки позорно чавкали и оставляли лужицы. Артем пропустил перед собой в пустоватую комнату, в которой кто-то был, он не разглядел, кто – но этому кому-то Артем что-то быстро велел. Потом прошли еще через одну светлую комнату, с большим столом, на котором, по кругу, крохотные интересные домики – разглядеть бы получше... Страшно. И бежать некуда. В следующей комнате все было похоже на рабочий кабинет, но Артем повел еще дальше – тут стояла другая мебель и было теплее. Артем открыл круглое гнездо в стене, из которого выдвинулся тепло-вентилятор, включил и велел:

– Иди сюда, снимай мокрую обувь и сушись.

Он боялся двинуться с места.

– Дай, – мягко сказал взрослый.

Его с яслей угнетало совпадение имени с формой пове-

лительного наклонения глагола «дать». Вот и сейчас: называют ли по имени или велят что-то отдать? Он вцепился в кромку платья крепко-накрепко. Ведь ничего нет.

– Дай, – повторил Артем. – Даюшка. Дайчик. Или как тебя называть?

– Не разрешите ли вы обойтись без знакомства? – ох, совсем не так нужно «правильно» разговаривать со взрослыми.

Артем усмехнулся:

– Нет. Не разрешу. А я – рад познакомиться. Меня зови – «Артем». Дай, снимай скорей башмаки. Я боюсь, что ты простудишься.

Так говорит дружелюбно? Ой. С чего это? Всем всегда он – если честно, противный: бесцветный, угрюмый – был неприятен, и они лишь притворялись добренькими. Артему не противно?! Он поднял глаза и замер. Артем улыбнулся. Ой. По правде не противно? Мгновение назад он хотел лишь перетерпеть воспитательную беседу побыстрее – теперь же словно проснулся: да этот взрослый отличается ото всех других! Чем-то знакомым. Какой-то правдой, подлинностью. Он никогда вообще не притворяется, он такой же целый и настоящий, как... Как все настоящее. Как небо, например, или снег, или трава. Или камень...

Как Юм.

– Вы волшебник? – не успел сообразить, что в обычной жизни, где школа и гречневая каша, такие вопросы не задают.

– Ты любишь сказки? – Артем присел совсем рядом.

Дай шарахнулся и стукнулся спиной в стену. Прижался к ней. Никто и никогда перед ним не приседал. Все командовали сверху. Только Юм приседал и вот так же в глаза заглядывал... Что этому Артему надо? Ему-то какое дело до двоичника из начальной школы! Тут наконец всерьез дошло, кто такой Артем – он Хранитель Венка! Всей этой огромной школы! Он самый главный здесь! И ему есть дело до Дая? С какой стати? Что ему нужно? Дай вжался в стену. Артем встал и отошел на середину комнаты, сел там у стола.

– Извините, – поспешно попросил Дай. Отлепился от стены – осталось ужасное мокрое пятно. – Ой, извините...

– Напугал тебя я, а извиняешься ты? – усмехнулся Артем. – Ах, Дайчик... Почему ты назвал меня волшебником? Хочешь чудес?

– Нет. Волшебников тут не бывает. Но вы не такой, как все. Если бы мы были в сказке, то – да, вы были бы волшебником.

– Ты же меня испугался. Значит, я – злой волшебник?

– Нет, не злой. Но очень опасный, – честно ответил Дай. – Хороший, – в уме завертелись обрывки сказочных видений вселенной Юма: музыка, серебряные вымпелы, высокие качели, сады, дирижабли, море, игрушки, звезды, корабли, ледники и синее горное небо – и все это каким-то образом можно привести к общему знаменателю с тем, что он чувствовал в этом большом человеке: – Может, настоящая прав-

да – такая редкость, что кажется чудом?

Артем выпрямился:

– Это какая же во мне правда?

– Как в звезде. Таги ведь как звезды – не врут. Звезда светит, и все. Зачем ей врать. Таги... Ну, тоже светят.

– ...Ух, – растерянно сказал Артем. – Ты всерьез?

– На свету не соврешь. Вот, я ведь моментально перестал притворяться и веду себя как настоящий. Как вы это сделали?

– Да ничего я не делал... Дайка. Как понимать – «ты настоящий»?

– Ну, не придурковатый невротик-первоклассник, а просто – я.

– А кто это такой – ты?

– ...Я не знаю, – растерялся Дай. – Сам никак не пойму. Умник, да, только очень трусливый. Какой-то я тут всем... Лишний, что ли, хотя ведь тоже вроде человек...

– ...«Вроде человек»?!

– Ну, чужой. Вы все друг другу свои, а я – нет... И надо всех слушаться. Нельзя ничего настоящего. И ни с кем здесь говорить честно нельзя. С большими я и вообще не говорю.

– Вообще?

– Ну – задачки, стишки наизусть... Я слушаюсь и все. А вы другой. Вот я и подумал, что вы тоже волшебник.

– «Тоже»? У тебя есть знакомый волшебник?

– ...Разве волшебники у кого-то «есть»? Они сами прихо-

дят, когда захотят. Так во всех сказках, – Дай сам удивился своей изворотливости. Это от ужаса. Юма никому и никогда выдавать нельзя.

– А к тебе приходят волшебники?

– Вы же пришли.

Артем засмеялся тихонько:

– Ладно, не трус, я не буду спрашивать. Хотя глаза твои сделались живые, зеленые... И очень хитрые... Да не бойся! Знаешь, я правда рад знакомству. Я-то думал, ты... Ох. А ты – правда чудо!

– ...Я – «чудо»?

Артем кивнул:

– Да. И давай-ка договоримся: раз мы видим друг в друге правду, так никогда не будем ни обманывать, ни притворяться, ни даже хитрить, вот как ты только что, да?

Вот кому рассказать бы про Юма. Нельзя. Никогда. Никому. Юм так велел. Так, не реветь. Страшно как. Не из-за Артема, Артем не страшный, а добрый. Но Юм – это тайна. Чтоб спрятаться в самом себе, он присел распутывать шнурки, потом, жмурясь, чтоб не плакать, встал в жаркий поток воздуха. Артем встал, подошел и снова присел перед ним:

– Ты ведь хочешь такой договор про правду, да?

Слезы тут же вылились. Как из переполненной чашки. Только не выть. Артем мягко подхватил на руки:

– Ты скрытный, да? Давай так, мой маленький, я ведь тебе тоже не собираюсь вываливать все тайны моей жизни. Если

считаешь, что нужно что-то скрывать – скрывай... Ох, Дайка, ты весь мокрый, как лягушка, – Артем поставил на ноги и вдруг вытряхнул его из праздничного платья: – Так быстрее высохнешь.

Он с платьем что-то сделал и вдруг встряхнул уже сухое, потом махнул рукой на башмаки, и даже лужа, пахнув паром, вокруг них, высушенных, исчезла. Провел ладонью по своей груди и плечу, и мокрое пятно на его рубашке тут же посветлело, высохло. Слезы Дая тоже высохли. Как Артем все это делает? Правда: волшебник.

В потоке жаркого сухого воздуха сам он весь согрелся, и высохли футболка и штаны. Он еще погрел ладошки. Как вести себя с этим Артемом? Он похож на Юма... В самом деле похож. Даже говорит с такими же интонациями. Значит, не чужой? Как же быть? А этот договор про правду – зачем? Ведь все равно прогонит. Кто он – и кто Дай... Да. Вот почему страшно: Артем хороший и похож на Юма, но он отправит обратно в школу. С ним нельзя остаться. Зачем ему такая головная боль, как Дай. Так, не реветь. Он на белом свете нужен только Юму. Больше никому.

И все.

Глупо было с Артемом так разговаривать. Еще глупее надеяться... На что? На то, что внимание царя Венка к нему – больше, чем просто работа? Наверно, он будет решать, куда теперь его деть со всеми двойками и побегами. Все. А Юм тут не при чем. Ну... Пусть. Все равно надо говорить Артему

правду. Надо говорить с ним. Надо говорить. Надо:

– ...Извините...

– Слушай, малыш, ну нельзя так мучиться. И еще нам всем тут побеги твои надоели, – Артем отдал ему платье. – Что с тобой делать?

– Ничего не делать. Я ведь сам ни с кем не хочу дружить понарошку. Я сам стараюсь, чтоб большие не говорили со мной больше необходимого. Я сам делаю так, чтоб им было противно. Чтоб не подходили.

– Ага. И как это?

– Это легко, – махнул рукой Дай. – Грязная рубашка, взгляд тупицы. И у меня обычно тяжело на душе – это людей отталкивает.

– Почему тяжело?

– Какая разница, – Дай скомкал и стиснул платье. – Очень вас прошу, скажите, пожалуйста, что вам от меня надо?

– Посмотри мне в глаза.

– Нет. Я очень боюсь. Вы – и так ужас, что царь Венка, так ведь еще, похоже – дико мощный таг! Вы ж можете мне внушить все, что вам угодно! Я не хочу!

– Куда ж ты денешься, – Артем мягко отобрал скомканное платье, встряхнул и снова подал: – Да оденься ты уже, в конце концов. Дребезжишь весь...

Дай закопошился, путаясь в жестковатой ткани. Артем молча наблюдал, потом платье отобрал и в секунду помог надеть. Попросил:

– Дайка, давай решим, как будем жить дальше.

Он поднял голову на ласку, которая позвучала в этом голосе. Да, глаза у Артема – в самом деле серебряные и светят... Артем улыбнулся:

– Тебе бы раньше знать, что твоим главным опекуном являюсь я – да я думал, ты еще бестолковый, маленький. А ты – жуткий одинокий умник.

– Опекуном? Как у всех сирот здесь, – Дай отошел.

– В формальном смысле – да, ты прав, я отвечаю здесь за каждого ребенка, все равно, сирота он, или из другого созвездия, или родители тут же в Венке работают. Но ты, под моим личным опекуном, такой один.

Дай пожал плечами:

– Ну, и зачем? Вы выбрали самого плохенького первоклассника, чтоб применить... эти... педагогические технологии?

– Ужасная мысль, – огорчился Артем. – Ты, солнце мое плохенькое, я тобой интересовался всегда. Знаю все о твоём здоровье, об однокашниках, о школе, о поведении...

– Зачем?!

– ...и с весны уж хотел вмешаться, – спокойно договорил Артем. – И надо было. Ты – совсем не то, чем выглядишь со стороны... Будто призрак, а не ребенок. Все. Так. Привыкни к мысли, что ты теперь – мой воспитанник.

– А я же – не хочу?

– Хочешь, – улыбнулся Артем. – Я же вижу. И дальше тебе

одному – никак. Не горюй. Привыкнешь.

– ...Я буду слушаться, – Дай не знал, что еще сказать.

Артем усмехнулся, на секунду положил ладонь Даю на темя:

– Не сомневаюсь. Не бойся, я не отлучу тебя от ребятки.

Но теперь время от времени я буду за тобой посылать или даже сам буду тебя забирать из интерната.

– ...Зачем?

– Воспитывать, – снисходительно улыбнулся Артем. – Да не пугайся. Буду брать в гости. В остальном все пойдет как раньше. Правда, эти твои единицы за первую четверть... С этим надо что-то сделать.

Дай затосковал.

– Подними глаза, – попросил Артем.

Дай помотал головой и посмотрел на дверь. Закрыта. Да и куда бежать-то? Ладно, что же делать?

Он хорошо представлял, что Артем сейчас видит: щуплый некрасивый мальчик с угрюмыми глазами неприятного цвета, вялый, с противным желтоватым оттенком кожи, с жидкими тонкими волосами, кое-как сплетенными в неопрятную косичку. Все побыстрее отводят взгляд. Самому противно смотреть в зеркало. Откуда этот Артем знает, что он совсем не такой, каким тут, в школе, выглядит? Когда он с Юмом, то в зеркале – золотая игрушка: глаза зеленые, а волосы светятся. И Юм говорит: «Чудо мое золотое» и «Светлячок». Потому что Дай умеет светиться. Весь. Когда хоро-

шо. А здесь... Ну да, он всегда держится в стороне. Хотя ребята все хорошие, веселые – только очень шумные и быстрые. А он и медленный, и учится хуже всех... Чуть не заплакав от стыда, он заявил:

– Я не поеду ни в какие гости! Я не хочу!

– Да почему? Ты ведь меня не боишься?

– Нет. Да. В общем... Ведь потом все равно... Все равно...

– Что «все равно»? – Артем схватил его на руки. – Все говори!

– Все равно ведь обратно в интернат... – Дай уперся руками в грудь Артема: – Пустите. Ну... Да отпустите же меня немедленно!

Артем осторожно поставил его. Дай отошел к стене и попросил:

– Оставьте меня в покое, пожалуйста. Разве вы будете дружить с таким, как я, по правде? Отпустите меня. Вам что, воспитывать больше некого?!

– Ты зачем грубишь? – мягко спросил Артем.

– Отпустите меня, – тупо повторил Дай и оглянулся, куда бы спрятаться.

– ...Может, у тебя есть еще какая-то другая жизнь?

– Какая другая... – Дая качнуло.

– Та, из которой так тяжело «обратно в интернат». ...Дай-ка?! Да что ты белеешь, – Артем опять скорей подхватил его на руки: – А ну-ка держись. Чего испугался?

– Всего, – так проболтаться! Свет стал каким-то черным.

Что теперь будет? Что сделает Юм, когда поймет, что Дай его выдал? А вдруг... А вдруг он больше не придет?! Совсем не придет? – он, не решаясь вырваться, посмотрел Артему в глаза и взмолился: – Зачем вам такая обуза? Я отвратительный, – как бы и Артема отвратить? Сопли распустить? Описаться? Ффу! И тут вспомнил самое противное: – Я – змееныш!

– ...Кто?!

– А вот, пустите, – Дай вырвался, прыгнул к большому креслу, взлетел по нему, в воздухе перевернулся и встал на руки.

– ...Этакой истерики я еще никогда не видел, – сказал Артем и сел на диван. – Только – аккуратней, ага?

Дай всегда все делал аккуратно. Ведь очень больно, когда вправляют сустав. Он поставил подошвы на голову и несколько мгновений, пока не заныла спина, простоял так. Артем молча наблюдал, опять так же зорко, как сразу несколько тагетов. Похоже, эквилибром его не напугаешь... Ему что, не противно? Еще сильнее прогнувшись, он наконец поставил ступни и медленно – но все равно голова закружилась – выпрямился. Бесшумно соскочил на пол.

– Невероятно, какой ты сильный. И гибкий, – Артем смотрел все тем же зорким взглядом. – Змееныш, ага. Но все равно никакой ты не противный. В цирк отдать – хоть сейчас... И чувство равновесия уникальное. Покажи еще что-нибудь. У тебя это как-то необыкновенно получается.

Дай вздохнул и вспрыгнул на пустой черный стол. Лег на пузо и сложился в коробочку, потом перетек в другую фигуру. Немного мешало жесткое платье. Он с пеленок занимался этим эквилибром – даже прозвали Змеенышем. Он выплетал из своего тела все возможные – и нужные – узоры и изгибы. Никто не знал, зачем эта игра. Никто не понимал, что это за упражнения такие. Его смотрели хирурги и психологи, всех он удивлял, но глядели они одинаково – им было интересно и противно. Почему Артему не противно?

– На самом деле будто костей у тебя нет.

Это Дай уже много раз слышал. Да, он Змееныш. Ничего больше не умеет. Хорошо бы в настоящую змейку превратиться и уползти куда-нибудь в другие пространства... Стало Артему как следует противно или нет?

– А ты не вывернешься случайно в какое-нибудь другое измерение?

Такой вопрос был чем-то новеньким, и Дай покосился из-под колена – Артем так шутит?

– Расплетайся, – попросил Артем. – А то смотреть жутко, – и добавил неожиданные, не предугадать бы, слова: – Страшно за тебя. Будто ты кричишь, только никому не слышно.

Дай ошеломленно замер. Но взглянуть на Артема было невозможно, и он поспешно начал выползать из одного положения в другое в предельном для позвоночника изгибе. Жаль, что любимая игра – странная и всем заметная. Он

вдруг ослаб: развернулся, шлепнулся на пузо и поднял глаза на Артема:

– Вам правда не противно?

– Нет. Но жутко.

– А всем противно.

– Да тут никто не понимает, что это такое – твой эквилибр с гимнастикой. Ах, Дайка. Так ты меня отвратить хотел? Не вышло. Только интереснее.

– Это игра!

– Ну да, как же. Я-то, дорогой, представляю уровень работы, которую нужно было проделать вот для такого уровня... Этой твоей гимнастики. И еще я примерно представляю... Для чего она готовит. Такая вот гимнастика, растяжка и баланс. Тебя учили, Дайка. И я даже догадываюсь, кто. Но ты, похоже, все, чему научен, превратил не в пользу, а в какой-то... безмолвный крик. Тебя... Спасать пора. Змееныш – не змееныш, призрак не призрак, а будешь мой. Глаз с тебя не спущу. И все, беру тебя в свои руки. Пора. Теперь ты мой будешь воспитанник по-настоящему. И вот что, мой дорогой. Никаких «в гости». Я передумал: ко мне ты будешь ездить не в гости, а домой. Домой. По правде. И насовсем.

Дай скорее закрыл лицо руками – брызнули горячие слезы:

– Нет!

– Да. Понимаешь? Дом. Я. Насовсем. Будешь бунтовать – возьму за шиворот и унесу. И придется нам проходить че-

рез принуждение, дрессировку, подкуп и прочее приручение. В итоге никуда не денешься.

Дай нечаянно всхлипнул в ладошки. Артем вздохнул:

– Да ведь знаешь же, знаешь, что мы с тобой уже – друзья.

Если жить по правде.

– Да откуда ж вы знаете эту правду? Что я хочу быть друг? – сдался Дай и открыл лицо. – Потому что таг и видите меня насквозь?

– Насквозь я тебя не вижу, не выдумывай, – Артем подошел и сел за стол, где Дай так и лежал на пузе. – Но то, что я вижу... Тебе нужен дом, твердая рука и правда. Понял?

– ...Понял.

– Не смей реветь.

– Дом насовсем... Это не бывает.

– Бывает. За шиворот унесу.

Дай снова всхлипнул:

– А как же свобода воли?

– Ну, знаешь, к примеру, новорожденные ни дома, ни родителей тоже не выбирают. Что достанется. Тебе достался я. Привыкнешь.

Дай вздохнул. Слов не было.

– Попробуем хотя бы, – Артем встал, взял за бока и поднял со стола, как куклу, посадил на стул: – Посиди. Я скоро вернусь.

И вышел. Дай долго не шевелился. Нервы скулили... Надо быть сильным. Как? Ведь все так страшно. В этой комнате

высоко над лесом, над всем огромным Венком, и, кажется, над всем материком застыла серая, как бесконечное зимнее небо снаружи, тишина. Артем тоже – тихий. И огромный. И в самом деле не такой, как все большие. Он таг. Настоящий таг. Редчайшее чудо. То есть не чудо, а природа – Юм что-то пробовал про тагов объяснить, но Дай не знал, что такое хромосомы, и Юм пообещал потом объяснить, когда Дай хотя бы начальную школу закончит. А он вон в первом классе еле-еле держится...

Но зачем этому тагу Артему – он, тупой и противный? Зачем он взял его под опеку «насовсем»? Да еще домой к себе заберет... «Домой» – это такое слово, что почти не вытерпеть. Сразу как в безвоздушной бездне, падаешь и падаешь... Не надо про «домой» думать. Вдруг Артем передумает...

Он закрыл глаза, сложил руки на столе и опустил на них голову – чтоб не видеть тусклого зимнего света за окном и чужой комнаты. Юм учил принимать жизнь, как есть. Приспосабливаться. Жить, и все. Но как тут приспособишься: «домой»? Это правда?

2. Хороших – не едят

Артем разбудил. Потрепал по волосам, сказал что-то теплое, поставил под нос чашку чая с молоком и ореховый коржик на белом блюдечке, сел напротив и стал наблюдать, как Дай постепенно приходит в себя. Дай чувствовал себя под этим взглядом так, будто учился летать в безвоздушном пространстве. «Домой»?! Это было? Дай мигом проснулся и уставился на Артема.

– Я твоих воспитателей в интернате предупредил, что забрал тебя.

– ...А школа?

– Денька два прогуляешь.

Дай уронил кусок коржика.

– Часто такое не будет случаться, – усмехнулся Артем. – Но время от времени – почему бы и нет. Ну, допивай уже. Поехали домой.

Остаток коржика целиком упал в чай. Выловить? Грязь только разводит... Он смотрел, как размокает коржик.

– ...Дай?

– Я верил, что вы не передумаете, – поднял глаза Дай.

– Дайка. Ну поверь, пожалуйста: и нормальная, обыкновенная жизнь может быть счастливой. Понял? И я тебе ее обещаю. Все, поехали. Одевайся.

Артем принес еще коробку с новыми теплыми ботинка-

ми и пакет с комбинезоном. На ботинках были нарисованы пингвины. Да и комбинезон был каким-то ясельным – веселые полоски. Ну... Что ж. Если сам такого роста... Ясельного.

Снаружи летел уже не мокрый, а резкий, сухой, совсем зимний снег; графитовый рисунок мира казался полустертым. Темнело, и куда холоднее. Летели долго, минут пятнадцать. Дай смотрел сквозь бешеный снег на верхушки елок и сосен внизу, в фиолетовые провалы между ними. Артем. Он хороший. Трудно молчать. Только о чем говорить? О чем спросить?

Дом Артема стоял далеко ото всех других домов – посреди глухого леса, возле белого пятна застывшего озера. Оранжевые фонарики стоянки все ближе, ближе... Люггер сел. Метель скоблила по окнам так, как будто он все еще летел. Артем вышел в зиму, на миг Дай остался один в тишине, но тут же Артем открыл дверцу и помог выбраться в синюю метель, повел за руку к дому. Или – домой? Навстречу загорелись большие белые фонари дорожки вокруг дома, дальше, золотом – свет на веранде и в окнах.

– Там кто-нибудь еще есть? – испугался Дай. Ведь у взрослых бывают дети, жены, всякие родственники, кошки, собаки...

– Нет. Я живу один. Иногда внуков беру на выходные. Они в Венке учатся, двое.

Сил не было спрашивать, почему у Артема только внуки

и где их родители. Какие дети у Артема. Где его супруга. Где все. Как такое спросишь. И ноги заплетаются. И метель еще – по щекам, по глазам, как не жмурься... Вот тебе и День первого снега. Целая зима как с цепи сорвалась.

Ступеньки, веранда. Дверь большая. Холл. Артем помогает снять пингвиновые ботинки в снегу, комбинезон, что-то говорит. Дай посмотрел – глаза серебряные у Артема, добрые – глубоко вздохнув, сосредоточился.

– Смелее, пожалуйста, – попросил Артем.

– Я боюсь... Потому что если «домой» – это правда, то... Как жить-то дальше. Я не умею. Буду ошибаться, – Дай открыто взглянул в серебряные глаза. – И вдруг вы меня прогоните.

– Ну что ты. Нет. Верь мне.

Дай улыбнулся через силу и сказал:

– Да, я знаю.

– Ну и молодец. Идем... Где ж тебя устроить... Ага, вот есть большая комната, и окно на солнце... Заходи. Тут не готово, я ж не знал, что ты уже сегодня мне в жизнь свалишься, как яблоко с ветки. Сегодня так переночуешь, а потом все устроим, как захочешь.

Тут пахло хорошо. Только все – старинное. Дай не очень понимал, что видит, да вещи – ведь не важно, главное:

– Это... Дом?

– Дом, – серьезно сказал Артем. – Твой. Хоть и выглядит еще не по-твоему. Дело поправимое.

– Дом насовсем...

– Что бы ни случилось. Какие бы ты потом себе другие дома не завел. В любой момент: приходишь – и живешь. Ясно?

– Еще не очень, – честно ответил Дай. – Я думал, так не бывает.

– Привыкнешь. Пойдем, все остальное покажу.

Дом был большой, только это и запомнилось. Голова кругом. Артем все понимал, поэтому накормил котлетками (большая светлая кухня, оранжевая тарелка, Артем в футболке и у него тоже котлетки на оранжевой тарелке, а еще вот молоко и печенье, и ничего не страшно, только будто во сне), отвел обратно, устроил постельку на диване, принес еще миску с яблоками «на всякий случай», громадную коробку с игрушками и несколько старинных детских книжек с картинками и сказал:

– Давай привыкай. Обживайся. Я пойду делами займусь. Через часок приду и загоню спать, потому что завтра есть интересное дело.

Юм тоже всегда обещал на завтра интересные дела. И никогда не разочаровывал. Поэтому Дай улыбнулся и кивнул.

Утро было ясное, яркое, счастливое. Такое, что не имело значения, что не выспался. (Вообще бы не смог уснуть, сидел в одеяле и думал про жизнь, но в середине ночи пришел Артем, сел у стены на пол и, зевая, рассказал сказку – интересную. Только надо было слушать лежа. Дай выслушал, уточ-

нил детали сюжета – и уснул, будто в голове свет выключили. Артем – волшебник.) На залитой солнцем кухне – завтрак. Творожок с ягодами из расписной мисочки. Дай стрескал его стремительно, потому что – «интересное дело». Ну, и вкусно. Артем сказал, что он молодец и велел скорей одеваться. Да, сейчас. Да, полетим. Да, далеко. Иди побегай вокруг дома пять минут.

Дай влез в веселый комбинезон, обул пингвинов и вылетел наружу. Пахнуло снегом и елками. Ой, да тут целый лес вокруг, с елками, соснами – но больше всего громадных кедров. Он побежал искать шишки, но внизу – нету, только снег, а с веток – не достать... И не залезть... Артем застукал, как он ходит, задрав голову и обалдев, как много на ветках (там – вверху – не достать – никак!) громадных шишек, засмеялся, подхватил и поднял высоко-высоко. Дай дотянулся и сорвал – какая большая! Тяжелая! Холодная!! Мокрая немножко... И пахнет, пахнет смолкой, как счастье...

– А что одну сорвал? – удивился Артем, неся его к машине.

– Мне ее не надо – есть, надо – нюхать...

Долгую дорогу эта шишка скрасила. Правда, на щеке и на ладошках прилипла смола, которая тоже пахла как счастье, и Дай, в общем, был не против смолы – но Артем дал «туристические салфетки» и велел оттираться. А шишку велел положить в дверцу «на потом», потому что сейчас будет не до шишек – наконец прилетели. И все теперь очень се-

ррезно.

Сели у какой-то страшной башни, непонятной и черной, не похожей ни на какие дома, которые Дай видел. Даже картинок с такими домами он никогда нигде не встречал. Стало не по себе. Очень серьезно? Похоже, да. Насколько? Струсить? Артем, не открывая двери, даже не отрывая рук от штурвала, словно был готов в любой момент взлететь прочь, объяснил:

– Дом испытания. Виртуальный лабиринт. Вообще-то мы сюда постарше ребяток приводим, да ты уж... Хочется побыстрее понять, что ты из себя представляешь и чего можно от тебя ждать, чему нужно учить. Заглянуть в твое будущее.

– Моя жизнь вовсе не кажется мне бессмысленной. Я уже почти выстроил курсовое сечение и подбираю возможные...

– Как ты сказал? «Курсовое сечение»?

– Я понимаю, кем мне нужно стать.

– Тогда скажи мне.

– Я буду изучать камни.

Артем как-то странно, будто испугавшись, посмотрел:

– Камни... А что тебя привлекает в камнях?

– Они вечные. И такие все разные. Скалы батолитовые до облаков – или аметистовая щетка. Алмазы твердые и прозрачные – а тальк как порошок, а он тоже ведь минерал... Я уже две книги прочитал про камни. Одну малышovou, а другую для студентов-геологов. Где бы еще взять, и чтоб картинки объемные, как по правде трогать?

– Найдем, – пообещал Артем. Задумался. Сказал: – Если ты откажешься сейчас входить в башню, то я не буду настаивать.

Дай потер бровь:

– А там страшно?

– Кому как. Там просто Круг. Круг испытаний.

– А если не сейчас, то потом все равно придется?

– Тебе – да.

– Потому что я чужой?

– Потому что ты талантлив.

– Я?! Что-то вы совсем сбиваете меня с толку. Мне надо подумать. Я лучше сейчас пойду туда в Круг. Я ведь тоже толком не знаю, кто я... И хочу знать про себя правду. Правда я чужой, или можно как-нибудь и тут тоже стать хорошим... А там кто-нибудь есть, в этом... Лабиринте?

– Никого. Только умные машины и немного волшебства. Глубоко не рвись, маленький еще, достаточно будет, если просто дойдешь до Зеркала, а потом расскажешь, что там увидишь.

– Обязательно рассказывать?

– Если захочешь, – Артем открыл дверцу и помог выбраться.

Сырой воздух леса остудил лицо. Дай словно умылся после сна, и стало легче. Он с любопытством подошел к башне, которая больше почему-то не казалась страшной. Артем шел следом. Дай оглянулся:

– А вы со мной?

– Нет. Я тебе только вот эту дверь открою, – Артем вынул из кармана золотистую пластинку ключа, сунул в черную щель. – А дальше ты сам. Это как судьба – никто ведь твою жизнь за тебя не проживет.

Дай кивнул. Ему хорошо было знакомо это чувство неизбежности. Никуда не денешься. Живи и терпи.

– Ну, я пойду?

– Потом поговоришь со мной? – Артем вдруг присел и бережно взял его за плечи. – А, умник мой уклончивый?

Дай смутился, высвободился и проскользнул в темную щель приоткрывшейся двери прежде, чем Артем успел что-то сказать.

Он оказался в другом мире, и возникло жутковатое чувство, что Артем остался где-то слишком далеко, за горами, за лесами, за рекой, Лигоем этим широким и глубоким. А он тут совсем один. И здесь как будто начиналось опасное подземное царство. Вот бы оказаться, как в сказке, у врат настоящего подземного царства, где находят самоцветы!

Дай оглянулся назад – двери не было. Ровная керамлитовая стена противного серого цвета. Значит, выйти можно будет, только если выдержишь испытания? А если нет? Но ведь не запрут же здесь насовсем? Лабиринт ведь не каменный, а понарошку... Он снова обратился к той глубокой, какой-то врожденной всегдашней уверенности на дне души – он в союзе со всей Вселенной, а все остальное – частности; бояться

некого и нечего. И побрел вперед по широкому серому коридору, подозрительно всматриваясь во мглу впереди. Похоже было, что коридор заполняет туман. Становилось темнее. Пахло мокрой пылью, было жарко и душно. Он расстегнул новый неловкий комбинезон. Платье под ним скомкалось, мешало.

Что это значит – «дойти до зеркала»? И что это за лабиринт в один прямой коридор? Нет, он все-таки дурачок. Он никогда ничего не понимает быстро. Захотелось плакать, но он перетерпел. Смотрел вокруг. Коридор был без всяких боковых дверей. Иди и иди. И не свернешь, и скучно. Все это делают умные машины. Показывают такую среду. Не страшно. Он не ждал, конечно, что тут всякие чудовища будут выпрыгивать. Зачем Артему его пугать? Испытание... Ну, что ж...

Шел и шел. Навстречу потянуло запахом воды, а впереди замерцал зеленоватый неприятный свет. Захотелось повернуть обратно, но что он там будет делать, когда вернется к сплошной серой стенке? Царапаться?

Дай брел еще с четверть часа и в итоге все-таки уперся во вдруг возникшее из зеленоватой мглы зеркало. Там стоял перепуганный некрасивый малыш в нарядном комбинезоне. Ну и что, это – то Зеркало, о котором говорил Артем? И теперь можно обратно? Оглянулся: сразу позади, даже прошуршал по ней откинутым капюшоном, встала каменная стена. Серая. Непреодолимая. Он повернулся к зерка-

лу: ой!! Он в зеркале стал противным уродцем, исподлобья смотрящим прямо в глаза. Угрюмый какой, больной... Это он сам такой будет?! Нет! Неет!! Карлик, плечи до ушей, куча тусклых косичек на большой башке... Кривоногий, косопузый, сгорбленный. Это ведь надо умудриться так изуродоваться... За что?!

А карлик вдруг выпрямился сколько мог, поднял голову, и Дай вздрогнул: какое красивое лицо! Правильное, большеглазое, слегка сумрачное и очень спокойное – будто ангел со старинных картин. И знакомое – это правда он сам. А ведь он видел где-то такое лицо, видел, где-то в книге... Или в музее? Или – где все золотое? Где-то там, в Плеядах, да, точно! Фигура большого мальчика с таким же лицом, будто выступающая из стены, Юм еще сказал, что называется «барельеф»... Но тот был – бог, белый и мраморный, а этот живой...

Карлик усмехнулся – что он знал уже про него? – распрямляясь, а косы его вспыхнули жидким золотом. Дай отпрянул, ударившись спиной о стену – а уродец не спеша подрос и развернулся в золотую живую, прекрасную статую с яркими зелеными глазами. И стал похож на Юма...

Это тоже он сам?

Или это Зеркало предупреждает – можно стать уродом, а можно – красавцем? Смотри что натворишь? Нет, лучше он самим собой останется. Но золотой мальчик правда был очень красивым. И грустным. Захотелось утешить, он про-

тянул руку, и мальчик отозвался точным зеркальным движением – ожидал прикосновения к холодному стеклу, но пальцы встретили пустой холод, и от них поплыла во все стороны черная глубокая клякса. Золотой мальчик улыбнулся совсем уж грустно и растаял.

Дай ужаснулся, но потом собрал разум в кучку, подумал и решил, что ничего неправильного не сделал. Зеркало и должно было растаять, чтоб открыть ему дорогу дальше. Он оглянулся – стены не было. Что, можно обратно? Но он же ничего не узнал и не понял про себя! Что же ему рассказывать Артему? Не сразу решившись, на цыпочках, он прошел чуть-чуть вперед.

Большая пещера. Тихо. И – ужасная черная глубокая вода начиналась прямо у ног, и что-то из глубины светило страшноватым зеленым светом. Зеленоватые неподвижные отсветы полотнами и вымпелами стелились по неровному потолку пещеры. Дай снова посмотрел под ноги – вода. Еще шажок – и бездна. Его замутило. Когда много воды – он не мог. Он даже бассейнов боялся, даже мелких речек. Его и на море со всеми не возили, потому что на берегу он выл, а потом закапывался в песок, а в бассейне тренер бледнел, встречая взгляд такого же бледного, наверное, Дая. Бросить его в воду можно было только силой. Никто этого, к счастью, еще не делал.

Вода. Глубокая. Завизжать и убежать? Куда?

Наверное, эта волшебная башня знает про ужас перед

большой водой. Тем и испытывает. А на самом деле, в реальности, ничего такого нет. Это только «умные машины и немного волшебства», как сказал Артем. Вода, наверно, не настоящая. Тогда не страшно, раз ненастоящая? Он потрогал носком ботинка стекло воды. Родились и побежали, тая, водяные круги. Прозрачные тяжелые капли соскользнули с ботинка. Дай вздохнул и пожал плечами. Лезть в эту черную воду? Плыть? Он плавать-то ведь не умеет... А за этим бездонным огромным колодцем, прямо впереди – такое же прямоугольное отверстие в стене, как то, в котором он стоит. И оттуда светит слабым, но вполне живым, сереньким, дневным светом. Там выход. И Артем.

Он опять вздохнул. Эта башня действительно выворачивала наизнанку: он ведь действительно мог перейти на тот берег и даже ног не замочить. Что, вперед? Застегнул комбинезон. Сосредоточился. Зажмурился. Шагнул на воду. И пошел. Сперва качало, и тогда он немного увеличил ширину и толщину ледяной дорожки, расстилающейся под ним. И пошел, как по полу. Тогда только отважился открыть глаза – он шел по чуть-чуть матовой полосе льда. А вокруг – черная бездна. Он заплакал и пошел быстрее. Тише, тише. Только не потерять сосредоточенность, а то... весь этот ледок... Хорошо, что пингвинчики не скользят... Слезы лились горячее, и молчать он уже не мог. Подвывал чуть слышно. Ныл. И все в нем выло и ныло от ужаса. Из-за этого он даже не сразу заметил, что вокруг стало светлее, что вым-

пелы зеленых отблесков на потолке закачались и затрепетали. Почему светлее? Дай краешком глаза покосился в воду – то, светящееся зеленым, всплывало! Светлело, вздымаясь, огромное-огромное.

Он было задохнулся. Сглотнув, одним усилием воли раскатил ледяную дорожку до конца жуткого пути, до выхода – и помчался бегом, визжа на одной ноте. Визг добавлял скорости. Слезы срывались со щек горячими крупными каплями и тяжело плюхались в черную – точно ненастоящую? – воду позади. Он не хотел видеть, что там всплывает. Он даже знать этого не хотел!

А оно всплыло.

И ледяная дорожка разбилась. Расколосась по догнавшей волне на жалкие льдинки. Его невысоко подбросило ленивым толчком, и, беспомощно болтая руками и ногами, он в брызгах ухнул в густую прозрачную воду, которая не вода.

И увидел.

Черное, жуткое. С сапфировыми, почему-то знакомыми огромными глазами. Разевающее черную пасть. И там мрак поблескивает белыми точками.

Окоченев, он тонул быстро, как камень. А пасть разевалось над ним все шире, и легкие уже рвались от удушья и ужаса. И сердце рвалось.

– Хоть бы голову сначала откусили, – кто-то всегда умный подумал внутри головы. – Ладно, уже скоро. Вот, вот. И все.

Пасть накрыла его, как огромный шатер. Дай внезапно за-

бился зачем-то, опять замахал руками и ногами, но только тупо стукнулся ботинком обо что-то – об зубы? Мрак с белыми искрами понесся отовсюду, смыкаясь. Он закричал, и жгучая ледяная не-вода хлынула в рот и горло. А крик был неслышным. Кричи – не кричи – зря. Вокруг качался и глотал его черный невозможный космос.

Сознание меркло.

Кто же это его сожрал?

– Да скажи, что ж ты такое увидел?! Что напугало?

Не будет он рассказывать. И не расскажет. Никому! Дай в который уже раз отрицательно помотал головой. Сожрали, как червяка. Такое даже Юму вряд ли можно рассказать. Хороших не едят.

– Ты чудовищно скрытен, ребенок, – устало сказал Артем. – Не знаю я, что с тобой будет, если ты не изменишься... Можно подумать, ты какие-то страшные тайны скрываешь. Это просто примитивный прогноз на основе твоих же простейших реакций. Твои представления о будущем. Чтобы проще подобрать образование. И все такое. Я же все равно посмотрю запись. Техники говорят, там какой-то сбой, потому что у тебя энергетика мозга какая-то нечеловеческая, но они ведь расшифруют... Да что ж ты окаменел?

Дай не понимал уже ничего и мог только молчать. От Артема, наконец приведшего его в себя, хотелось убежать. Только куда денешься из люггера? Внутренний визг уже,

к счастью, утих. Ведь все прошло. Ведь на самом-то деле ничего не было. Даже одежда сухая. Остатки дрожи колотились по плечам, но с этим уже можно было справиться. Утаить. Он аккуратно, вздрагивающими ладошками, поправил шапку. Покопался на Артема. Что за сбой? Расшифруют? Хорошо, что сейчас Артем ничего не знает. Как его сожрали. Можно держаться. Как будто ничего и не было. Молчать. Вслух он никогда теперь не завизжит. И так горло саднит. Еще бы – так орать... А вода правда была вовсе и не вода, а – как во сне... И уж тем более не расскажет Артему о том, что видел там, в башне. «Дом испытаний». Лучше б на самом деле съели. А то живи и помни.

– Может, все же расскажешь?

Дай помотал головой. Хороших не едят...

– Или ты просто не хочешь, чтобы я тебе помогал?

Дошло наконец-то. Дай даже не постеснялся кивнуть. Артем покопался и направил люггер вниз. Сказал угрюмо:

– Конечно. Я на твоём месте теперь даже близко ко мне не подошел бы. Но ты веришь, что я не ожидал, что так обернется? Я не хотел настолько пугать. Прости. Пожалуйста, прости.

Дай кивнул. Артем уж точно не при чем, что его сожрали...

– Надеюсь, с тобой все в порядке. Надеюсь, что обида твоя пройдет и ты все-таки будешь со мной разговаривать.

Дай опять кивнул. Он и не обиделся – просто очень устал.

– Домой поедем?

Дай отрицательно покачал головой. Нет. Нет!

– Что, в интернат тебя отвезти? – недоверчиво спросил Артем.

Дай кивнул.

– Как пожелаешь... Да, и со школой. Надо постараться, малыш. Просто запомни, что отныне ты все свои неуспехи будешь мне объяснять. А успехам твоим я буду радоваться... Дай. Дайчик. Ну что ты молчишь? Нехорошо. Невежливо. Так ничего и не скажешь?

Ребята все еще были на экскурсии, на этаже – тишина. Он посидел на кровати, оглядывая свою комнату: знакомые вещи, тетрадки с недоделанными уроками на столе, неинтересные игрушки – под столом... Он чувствовал себя вернувшимся из унылого и напрасного путешествия, и, будто впервые, прислушивался к одиночеству. Комната казалась чужой. Будто вовсе не его вещи. Это не его школьная форма висит, не его ботинки стоят, не его ранец с книжками... Зачем Артем провел его через этот ужас в непонятной башне? Не вспоминать бы...

Тут в комнате казалось, что черное страшное, когда дорожка раскололась на льдинки, было не с ним. И, посматривая на синюю вечернюю тьму за зелеными шторками с медвежатами, на вещи, на ранец, на подушку, он чувствовал, что душное и нестерпимое отпускает, уходит. Страх разжимает-

ся. И вещи все вокруг становятся хорошими. Здесь не страшно. Он даже нерешительно протянул руку и потрогал белую подушку. Хорошо быть тут. А не там, где всплывал медленный зеленоватый свет... Хотя, наверное, какой-то кусок его сознания теперь всегда будет там.

Он еще посидел, бессмысленно болтая ногами. Ну и что, что его кто-то сожрал. Как-то ведь все равно выплюнул? Надо жить дальше?

Коридор внезапно наполнился топотом и воплями. Приехали. Да, эти шесть человек могут создавать столько шума. Без усилий. Хорошие они. Без них жизни не представить. Только вот шум... Выкрики, смех, визг; бессмысленные разговоры, о которых они забывают завтра, суетливые игры с беготней и лишними движениями... Любимые.

Он на цыпочках подошел к двери и прильнул к щелке. Вот они все. Лавина счастья. Румяные, шустрые, в ярких куртках, варежки и шапки роняют, зачем-то хохочут, бегут по своим комнаткам. С самого младенчества – они вместе. У них тоже нет родителей, они все друг другу братья и сестры. Как они росли в яслях вместе, так их и переселили сюда этой весной. Дая, правда, хотели оставить еще в яслях, потому что он плохо растет и глупый, но пожалели... Так что это они – вместе, а он уж так, при них... Но они его никогда не обижали и не обижают. Никогда не колотили, хотя между собой время от времени дрались все. Но с Даем никто не дрался, потому что он самый мелкий и тихий. А летом

в лагере, где они все были самыми маленькими, даже защищали от чужих больших мальчишек, которые дразнили Дая змеенышем.

Дай согрелся внутри, улыбнулся им всем, будто они могли его видеть. Они все крупные, красивые и умные, он среди них – заморыш, по какой-то ошибке попавший в ясли вместе с ними. Пусть они шумят, сколько им нужно. Он всегда гордился, когда в лагере они выигрывали у других во всякие игры. Да и радовать их легко всякой ерундой, и секреты они хранят крепко. Он сам – вообще их общий секрет. Потому что если взрослые проведдают про всякие его мелкие чудеса и фокусы с синим огнем, то они его куда-нибудь заберут. И для ребят чудеса кончатся.

У Амешы были ясные зоркие глаза сигмы. Она пробежала к соседней двери, разматывая ярко-красный шарф, мельком скользнула взглядом по двери Дая. Дай отпрянул. Потом снова тихонько посмотрел – Амеша стояла прямо перед его дверью и, увидев его в щелку, растерянно шепнула:

– Змеюшка... – и закричала: – Змейка! Ребята, Змейка здесь! – распахнула дверь, схватила Дая, вытащила в яркий коридор и мгновенную тишину, затеребила: – Дайка! Дайка-Змейка, где же ты был?

Они налетели холодной румяной кучей, закричали, затеребили; ласковые девчонки трогали лицо, гладили и тискали, кто-то несильно и часто хлопал по лопаткам. Дай обомлел. Что это они так? От них пахло снегом и синим зимним

воздухом, и – мятными конфетами. Смеялись и толкались. И вдруг притихли. Перестали теребить. Сережка растерянно взмахнул руками:

– Дайка, не плачь! Что ты ревешь-то?

Дай испуганно схватился за мокрое лицо – он плакал и не заметил?!

– А мы думали, что ты плакать не умеешь, – тихонько удивилась одна из двойняшек.

– Где же ты был?

– Сказали, тебя забрал кто-то самый главный...

– Ну что ты молчишь?

– Тебя правда царь Венка забирал? Зачем?

– Дайка! Дай?

Дай торопливо вытер глаза, хотел им все, все рассказать – потому что кому же еще? Скорей – но слова провалились в жуткую холодную пустоту там, где рождается голос. Из рта вырвался лишь свистящий сип. Еще попробовал – ни звука. И он как-то сразу понял – все, непоправимо. Голоса нет и не будет. И шепота не будет. Ни губы не шевелятся, чтоб говорить, ни там ничего не происходит, где связки... Ребята стояли, не шевелясь. Глаза у всех стали темными и жутковатыми. Дай схватился за горло. Где голос? Он попробовал еще заговорить, но только зря хватал и жевал, давясь, воздух. Свет померк и лица ребят начали таять. Тогда он испугался еще больше и каким-то чудом взял себя в руки. Выпрямился и почти спокойно пожал плечами. Ре-

бьята замерли и не шевелились. И на эту нестерпимую тишину прибежали воспитательницы:

– Что тут у вас стряслось?!

Дай стоял прямо, даже голову не опускал, только, как днем у Артема, вцепился крепко в жесткий подол. Почему-то казалось диким, что на нем все то же вчерашнее праздничное платье. И еще казалось, хотя вокруг и теснились ребята, что он стоит где-то в ледяной пустоте. Что – ни с кем никогда не говорить больше? И даже с Юмом? И с Артемом?

Сережка сказал:

– С ним что-то плохое сделали.

– И заколдовали, чтоб рассказать не мог, – сквозь зубы добавила Торпеда. Вообще-то взрослые звали ее Катей. Но она всегда так легко злилась.

– Он заболел, – сказала Амеша. – Зачем его забирали?

– Где он был?

Воспитательницы не знали, как их успокоить, и по растерянности этих, обычно всегда надежных и требовательных пожилых женщин Дай понял, что стряслась настоящая беда. Ребят силком разогнали по комнаткам. А он обмер изнутри. Может, Артем правда – злой волшебник и так заколдовал? Да бред. Зачем Артему его немота...

Ох, так ведь теперь никому ничего и не надо говорить! Не надо! И про Юма даже если захочешь, даже Артему – не скажешь!! Немой. Все, теперь он – немой. Это хорошо? Что-то не похоже... Но вот Юм придет и расколдует. Навер-

ное...

Потом пришли врачи, осматривали. В его комнатке стало тесно от взрослых. Голова почему-то все падала и глаза закрывались. Он даже плохо понимал, что они все от него хотят. Но в покое оставили быстро, и никуда не увезли, не кормили лекарствами, только дали молока и уложили спать. Ушли и дверь закрыли. Дай полежал, глядя на синий зимний свет снаружи, потом в который уже раз за сегодняшний день вспомнил Юма: надо только его дождаться. Он расколдует. А не сможет расколдовать, так все без всяких слов все поймает.

Утром опять – врачи, уже совсем незнакомые, но в школу все-таки отпустили. Сказали про привычную среду, и воспитательница за руку отвела ко второму уроку. Кстати удалось избежать завтрака с противной кашей. А в классе, к середине урока вдруг дошло: да немота – это удача!! Подарок! Не надо говорить с учителями!! Он и так почти ни с кем не говорил и терпеть не мог устно отвечать уроки. А теперь он вообще ото всех разговоров со взрослыми был избавлен! На мгновение он даже улыбнулся. Писал он к тому же еще медленно, на клавиатуре подбирал слова еще хуже, и теперь растерянные учителя не знали, как с ним быть. Он сидел за партой на своем месте, решал задачки, отсылал на учительский экран свои карточки ответов, как всегда, выжидая последний момент; на другом уроке списывал, расставляя буквы,

упражнения из легийской грамматики. Поглядывал за окно – там шел снег. Хороший снег, не мокрый и не бешеный...

Вдруг посреди четвертого урока в класс вошел Артем. Очень большой, в черной куртке, с тающим снегом на плечах, великан рядом с молоденькой учительницей природоведения и игрушечными зелеными партами. Дай закрыл лицо задрожавшими ладошками. Артем что-то вежливое сказал учительнице, потом велел:

– Дай, иди сюда.

Дай встал, но ноги отнялись, и он плюхнулся обратно. Навалилась звонкая злая тишина. Что-то прошипела Торпеда. И вдруг громко и тоненько сказал Сережка:

– Да ведь нельзя же так!

Артем усмехнулся и спросил:

– А как можно? И ведь ему же нужно помочь? Пойдем, Дай, не бойся.

Ага, «не бойся». От ужаса в раздевалке Дай ронял то шапку, то варежку, а тугие застёжки на ботинках так и не смог застегнуть. Артем вздохнул, поставил на скамейку, в секунду щелкнул застёжками ботинок, одним движением застегнул куртку, аккуратно замотал шарф. Попросил серьезно:

– Ну, не дрожи. Я виноват, правда. Очень виноват.

Дай опешил. Артем плавно поднял руку и согнутым пальцем нежно погладил ему переносицу:

– Больше ничего подобного, обещаю.

Так делал только Юм. Больше никто и никогда не гладил

Даю переносицу согнутым пальцем. Попробовали бы, посмели, ага. Без пальцев бы остались... Но Артем... Не чужой?

– Я хотел узнать, что ты скрываешь, какие способности таишь, чего от тебя ждать, – объяснил Артем. – Не слишком удалось. До зеркала каменный коридор, а потом – вроде вода... Дальше не расшифровывается, а ты рассказывать не хочешь. Ну и что – онемел, захотел бы – написал на бумажке...

Он смотрел ласково, без укора, но очень внимательно. Дай поскорее опустил глаза. И услышал:

– Я не буду выпрашивать. Не бойся. Я и так вижу, что ты чудесный. Ну, прости. Зря мы тебя мучили с этой башней, – Артем зачем-то еще раз поправил ему шапку.

В знакомом люггере обнаружилось установленное на сиденье рядом с водительским детское кресло. Красивое. Белое. С золотистыми кантиками, новехонькое, и пахло чудесно: весельем и путешествиями. И почему-то – кораблем Юма... Артем поднял Дая за бока, аккуратно туда усадил и сказал, пристегивая: – Теперь так, по всем правилам. Ты – маленький еще очень. Удобно? Ты много будешь летать со мной.

Ой. Куда много летать? Зачем? Дай еще понюхал белую обшивку – точно, пахнет новизной, игрушками, космосом и Юмом. В кресле стало спокойно, как в объятиях Юма. Какое-то время Артем молчал, а Дай думал, откуда взялось желание залезть к Артему – как к Юму – на руки и затаиться. Артем сказал:

– Смотри, Лигой внизу... Лед еще не встал.

Лигой сверху оказался так красив, что Дай очень быстро пережил страшное слово «лед». Черная широкая река несла узоры танцующих тонких, прозрачных и белых льдинок, которые складывались в странные, смутно знакомые узорчатые ленты, полосы, поля. Несколько минут, пока нарочито медленно, наискосок, Артем вел люггер над рекой, Дай почти не дышал. Вот с рекой бы поиграть, а то что – ледышки в луже или снежинки...

– Молчишь... Плохо это. Да знаю, знаю, что ты не нарочно, знаю. Врачи говорят – «стресс». Говорят, перепугался. Но обещают, что, если тебя беречь и баловать, все пройдет. Я уже по твоему голосу скучаю...

Путь опять был дальний. Внизу сплошной черно-белой щеткой торчал лес. Дай вспомнил про шишку, вынул. Шишка все равно пахла счастьем.

Артем привез его к старенькому – доктору? Удивило лицо старика – большие желтые глаза, прозрачно ясные, и нос немножко крючком. Как у птицы. И столько морщин и такие затрудненные движения – ему, наверно, уже лет триста? Но не страшный. Добрый? В доме, стоящем на вершине пологой, заросшей лесом горы, интересно пахло сушеными травами, яблоками, пылью и старым музеем: так много тут было настоящих старинных вещей и книг. И сам дом был необыкновенным, тоже каким-то древним и нездешним. По-

ка Артем тихо разговаривал с радостно смотревшим на него стариком, Дай не удержался и на цыпочках подкрался к большой книге на черном столе. Ох какая огромная, с золочеными и черными металлическими драконами, да еще и на замочке. Это же какие секреты там заперты? Даже там, далеко, в золотых библиотеках волшебного мира таких книг не было. Этой, наверное, лет тысячу. Или даже больше. О чем там написали столько лет назад? Про черных и золотых драконов? И можно ли хоть потрогать? На обложке названия нет. Тайна.

– ...я не понимаю, – донесся голос Артема. – Очень боюсь что-то сделать не так. Он ведь уже пострадал вчера. Не могу понять, что он из себя представляет, а угадываю что-то очень... Очень важное. Очень необычное.

– А что слышно от... Младшего твоего? – непонятно спросил старик.

– Да ничего, – грустно сказал Артем. – Как всегда – только работа.

– Он не может не знать об этом ребенке. Малыш-то с высоких небес.

Дай так изумился, что перестал делать вид, что ничего не слышит и занят книгой. Обернулся ко взрослым. Старик усмехнулся и сухо велел:

– Подойди-ка сюда.

Дай подошел. Нет, наверное, он все же не доктор. А старый учитель Артема, к которому тот приехал показать его

и посоветоваться. Старик погладил по голове костлявой ладонью:

– Что, радуешься немоте? Никто ничего теперь не узнает? Дай растерялся. Потом все-таки кивнул и усмехнулся, вложив в усмешку всю, какую мог, иронию.

– Одинокий умник, – тоже усмехнулся старик. – Но твои тайны куда больше, чем ты сам, детка. Молчи – не молчи, а глазки тебя выдают. И лицо... Да, Тема? Очень похож. Только масть другая. Золотой.

– Вижу, – вздохнул Артем. – Очень похож. Так похож, что мороз по коже. Понять только не могу, как, почему...

– С какой же целью он оставил его в Венке, если... если такое сходство – тогда кто малыш, откуда? Кто родители? Ну, а если к тому же ребенок – тот, настоящий? Которого он столько ждал?

Дай попятился обратно к большой книге.

– Дайка, не бледней так, – Артем поймал, притянул к себе. – Успокойся, мы не будем расспрашивать... – Он поцеловал Дая в макушку и повернулся к старику: – Ох, Иероним, ты же знаешь Химеру. Иногда его вообще не понять. А Дайчик... Слишком сильный, да. Даже если только по вчерашнему судить. И судьба – каменным коридором. Вообще без вариантов. Но что после зеркала – не сказал, а я чувствую, что стряслось что-то страшное... – Артем опять поцеловал в макушку – сдавшись, Дай наконец сам прижался к нему, как к Юму, как хотел еще в люггере – Артем вздрог-

нул, тут же вздохнул и погладил по голове, вновь повернулся к старику. – Эта немота – его Круг, думаю.

– Допускаю, – кивнул старик. – Таги рано начинают. А ребенок – из таких, это ж видно. Но скрывает. Приучили все скрывать. Ладно внешность, кто твоего Младшего или Ние в детстве не видел, тот не поймет, но... Уже опасно. Смысла-то нет его в школе держать, – он мгновение зорко глядел на Дая, затем медленно спросил, как у взрослого: – Ты – свет во тьме, зачем же тебе притворяться никем?

Дай растерялся и уткнулся в Артема, спрятав лицо.

– Скрытный, да. Потому что один и всех боится, – заключил Артем. – И меня боится – что я буду выпрашивать его тайны. Вот и замолк.

Они оба посмотрели на Дая, потом переглянулись, и Иероним спросил:

– «Академия-2»?

– Нет, – покачал головой Артем. – Не может быть. Василиск? С таким лицом? Да что ж, теперь любого скрытного ребенка принимать за ехидну?

– Я имел в виду возможность только тамошнего специфического обучения. Этого бы там точно в пятки целовали... А здесь ему – буквы да циферки? – Старик усмехнулся. – Солнышко-то он солнышко, но что-то уже умеет... Это несомненно. Я посмотрел медицинские документы – таким мощным, таким развитым нейроструктурам нужна постоянная нагрузка. И они никак не выглядят бездействующими.

А мальчик предоставлен самому себе – опасно. И так уже довели.

Артем кивал на каждую фразу своего учителя, потом сказал:

– Это еще не все. Кое-чего он скрыть не может. Даюшка, покажи нам свою гимнастику. Пожалуйста.

Дай немного удивился и скованно повел плечами. Но ведь – просят, а не заставляют. Кроме того, интересно, что еще может про него сказать этот похожий на филина старик, кроме непонятных слов. Он вылез из теплых рук Артема, огляделся, вытащил на середину комнаты тяжелый черный стул. Высвободил ступни из жарких тяжелых ботинок, снял школьное неудобное платье. Вспрыгнул на стул, взялся за спинку, покачал стул вместе с собой. Улыбнулся, взялся покрепче и вскинул себя вверх ногами. Сплелся в клубок черных ног и голых рук, извернулся, качнул опору и стек пониже. Только поосторожней... Еще холодно. А потом он и вовсе перестал думать. Тело притворялось змеей и в такт вечно звучащей в нем музыке играло дугами изгибов, плавными точными движениями и равновесием. Иногда эта музыка звучала в песнях Юма... Взрослые что-то говорили, но они были далеко... Нервы успокоились, мышцы разогрелись. Интересно, кто такой Младший Химера? И почему старик назвал его самого тагом? Разве он не глупее всех в классе? На миг он замер и словно увидел себя со стороны: что-то извивающееся, большеголовое, растрепанное, со впалым,

мягко пульсирующим животом, в общем – жалкое. И неприятное. Сразу вспомнился вчерашний уродец в зеркале. Дай скорее начал расплетаться. А старик сказал Артему:

– Больше всего это похоже на плач. Сам эквilibр, я имею в виду.

– Да, – задумчиво согласился Артем. – А еще мне кажется, что если бы Юмиса не положили в ротопульт с младенчества, то и он бы вытворял что-то подобное. Грустно. Но вот подготовка... Растяжка-то под ротопульт. Грамотная очень растяжка.

– Кто-то учил, – кивнул Иероним. – Подготовка к такому, насколько я понимаю, требует работы суперспециалиста. В Венке есть такие?

– Цирковые – есть. Под таймфаг, вот как Дайчик все делает – нет. Наши тоже сказали, что тут, похоже, Геккон поработал. Но Дай никогда там не был. Он уже два года под Бетой, с него глаз не спускают. Все улучшения навыков отслеживают. Но так и не засекли того, кто его обучает.

– Но ты догадываешься.

– Да, я догадываюсь.

– Для мальчишки – плохо, что он должен молчать о... о своем наставнике. Тяжеловат груз-то. Ах, Темка. Слушай. Как думаешь, а если твой Младший его просто-напросто тут прячет?

– ...прячет?

– Ну да. Ты знаешь более скрытное существо, чем Химе-

ра?

Оба посмотрели на Дая. Артем усмехнулся:

– Теперь знаю.

– Очень похоже, что прячет, – кивнул Иероним. – А ребенка не спрашивай. Это вообще не его игры.

Дай сидел на стуле, тяжело дыша. Как быстро они поняли, что эквилибру обучал Юм. Да, Юм. Да. Под таймфаг, потому что он хотел уметь все, что умеет Юм и клянчил. Потому что, сколько себя помнил, всегда повторял за Юмом все те упражнения, что он делал каждую свободную минуту. Очень трудные упражнения. Его маленького Юм сажал себе на плечи и так отжимался, потом начал учить простым стойкам, кульбитам, сальто и как держать равновесие, как правильно растягивать мышцы...

А вот что такое таймфаг, он давно знал. Даже не помнил, с каких пор. Когда в путешествиях Юм залезал в ротопульт, мешать, конечно, ему было нельзя, но смотреть-то можно. Хоть и страшно... Руки-ноги мелькают... Когда наконец корабль выходил из таймфага, Юм еще долго валялся в гнезде ротопульта, приходя в себя, подправляя курс, иногда дремал – и, едва рабочие обручи ротопульта раскрывались, Дай, истосковавшись и весь изведясь от соперничества, тут же влезал к Юму в гнездо: когда был маленьким – они просто спали там вместе, пока Юм отдыхал; когда начал соображать, Юм охотно отвечал, зачем какая кнопочка, заодно обучая азам навигации и небесной механики. Формулы

сладкие, как леденцы... Года два назад завел для Дая шлем и уже всерьез объяснял и показывал, всерьез учил, сначала на маршевых, а там и по чуть-чуть давал почувствовать тягу таймфага. Дай влюбился в радужную воронку таймфага почти так же, как в музыку. Юм хвалил и объяснял все больше. А там и первый настоящий черный комбинезончик подарил, и наконец разрешил лечь в гнездо одному, правда, минут на пять, и на очень простом треке, на простых цветах воронки... Дай потом просился еще покататься, но Юм сердился и говорил, что он еще маленький, что больше пока нельзя – и так ведь все болит? Да, спина болит и руки-ноги, потому что двигаешься на пределе анатомических возможностей... И еще потому тяжело, что еще маленький. До некоторых секторов не дотянуться, хоть Юм и настраивал ротопульт на него... Расти надо. Маленький. Как и эти вот говорят. Сколько еще терпеть себя маленьким? Потная футболка липла к телу. Он озяб, подобрал с пола платье и долго возился, одеваясь. Старик говорил скрипуче и устало:

– Сколько ему лет? Семь? По глазкам-то судя – постарше, постарше... Рисунок прошлого странный, видишь? Временные петли, уходы... Кто-то его уводил.

– И не один раз. В последний, похоже, надолго, – согласился Артем. – И он куда старше, чем кажется. Нахватался навыков, опыта. Теперь насквозь нездешний.

3. Маленькое деревце счастья

Когда Артем появлялся, Дай ронял из рук всю школьную ерунду. Только не бежать. Побежишь – подхватит на руки, а как другим ребяткам на такое смотреть? Он шел к Артему сдержанно и за руку вести не давал. И шапку, шапку поскорее надеть, а то вдруг волосы золотятся... Он теперь все время ждал Артема: иногда он забирал сразу после уроков на целых полдня, а иногда заезжал вечером на полчасика погулять в парке у интерната.

А школе все было серым. И в яслях воспитатели следили в десять раз больше, чем за остальными, плачь – не плачь, ори – не ори, убегай – не убегай, все равно будешь виноват, даже если тихо сидишь в уголке на стульчике. Но в школе... Страшно голову от учебников поднять. Сплошные уроки. Вставать тогда, когда спать хочется до слез, потом завтрак, потом, догоняя всех, бежать в школу – близко, но почему-то долго – он часто опаздывал. И уж в школе оставался до темноты. Пять-шесть уроков вместе со всеми, обед, когда от голода уже тошнит, уроки на завтра, потом, если не забирал Артем, два часа бассейна или катка. После этого все домой, а он опять в класс. Или в группу отстающих, или на индивидуальные занятия. И теперь все время – пиши и пиши, потому что устно его невозможно спрашивать...

Но вообще-то и радость была, много: коньки. Осенью, по-

ка спортом занимались в зале или бегали на стадионе, все было привычным, как в яслях. Прыгал Дай высоко и далеко, бегать – терпеть не мог, но умел – его даже Торпеда догнать не могла. Но однажды принесли коньки и велели ходить в них по полу – да тут задачка с равновесием и скольжением! Потом снял один конек, лег на пол и стал изучать, как лезвие соприкасается с поверхностью при разных наклонах. Пытался понять, что будет, если добавить скорость... А как повернуть лезвие на дуге? Тренер заметил его возню и вроде бы даже обрадовался, кивнул и велел посмотреть выступления фигуристов – и вот вечером он включил свой детский экранчик. «Фигурное катание». Ага. Вот? Вот это вот? Это... да если такому научиться... С того вечера он теперь каждую свободную минуту смотрел записи и чемпионатов, и представлений, и учебные съемки, а перед сном заглядывал в шкаф и проверял, как там коньки. Скорей бы... Как только был готов каток и их пустили на лед, он минут пять поцокал конечками у бортика, потанцевал на зубчиках, попробовал, как лезвия режут лед и поехал вообще без усилий. Почему остальные падают?

Занятия короткие, но он успевал порадоваться. Пахло глетчерами и зимой. С севера подкрадывались сумерки. След конька оставлял плавную послушную линию острой, искрящейся точности. Только почти весь урок нужно было выполнять скучные «дорожки» и несложные прыжки, и он уныло путался в последовательности движений. Ему плохие

оценки ставили. Но зато, когда разрешали просто покататься, он улетал подальше от всех и крутился вволю, вырисовывая на звонком льду свои узоры, и пробовал простые прыжки – насмотрелся «фигурного катания». Разок разбил коленку, да – тренер отругал у бортика:

– Больно? Сам виноват. Снег приложи. Вот посмотри, что ты делаешь. Эти твои каскады технически втрое сложнее, чем эта ерунда, которой я от тебя добиться не могу. Держи, держи снег. Сейчас к доктору пойдем... Как же ты не запомнишь? Нет, прыгать я тебе больше не разрешу. Ты еще не готов.

Ну, что поделать. Дай прыгал свои обороты без коньков. Поближе к сугробам, потому что падал пока часто, да. Как бы проникнуть на лед? Он верил, что на льду прыжки лучше получатся. Но вечером на катке было слишком много старших ребят, и музыка пугала глубокими громкими нотами. Да и воспитательницы ни за что бы не пустили их, маленьких, в эту тесную, хохочущую толпу, плывущую по кругу на сотнях сверкающих лезвий. Был бы он посмелее, он решился бы тайком покататься ночью – все равно не спит-ся. Но он теперь знал, что за ним следят не только воспитатели и учителя, но и какие-то «Волки» – Артем рассказал, что давно следят, чтоб беды никакой не случилось... А какая может быть беда? Дай сначала и внимания почти не обратил на слова Артема, потом задумался – и перепугался. Волки... какие такие волки... Невидимые? Жуть. Какой уж тут

каток... Стал вести себя еще незаметнее, тише, послушнее – боялся всего, что могло не понравиться невидимым волкам, всем взрослым или Артему, которому тоже надо показывать тетрадки и дневник. Он так велел.

Дай стал самым послушным. Перестал прикидываться грязнулей и тупицей. Никогда не шалил. На прогулке не бегал с ребятами – да и не хотелось почему-то – а садился на лавочку и думал. Или, когда воспитатели заставляли, гулял по дорожкам и даже ледышки не пинал. И не катался с ледяных горок. И зачем эти прогулки, когда столько уроков? Его тетрадки выглядели новенькими, если не открывать и не смотреть на ненавистные каракули и мерзкие отметки. Как ни упирайся, они все равно оставались низкими, «нули» да «единицы».

Почему никто из ребят, даже Торпеда-двоечница, не испытывает ужаса перед голубоватыми бланками контрольных работ? Почему они свои уроки отвечают весело? На проверочных он тупел глубоко и мгновенно и не мог сложить два числа. Ладно задачки. Он ведь даже кораблик или елочку нарисовать не может, одна пачкотня. Стыдно-то как... Теперь-то... Когда – есть Артем. Лавиной накатывала тупая одурь, если вспомнить пристальный взгляд Артема, когда он поднимает глаза от страницы дневника...

Артем не ругал. Он запихивал дневник обратно в ранец Дая, брал за руку и забирал до вечера. Раньше пробовал

говорить об уроках, расспрашивал – теперь лишь пожимал плечами. Летал с Даем по своим делам. Смысла-то разговаривать с немым. Артем и не разговаривал, только задавал простые вопросы, на которые можно было ответить жестами. Так даже было легче. Лишь бы просто быть рядом. Он сидел рядом с Артемом в нарядном белом креслице, слушал непонятные разговоры, смотрел сверху на Венок, прекрасную школу, в которой он никогда не будет учиться.

Да: тупой и немой ребенок на каждые выходные и на несколько часов среди недели – это наказание и противная обуза. Если б он мог быть веселым и болтливым, мог бы хоть что-то сделать, помочь... А так... Ничего не придумал – только однажды взял и все цветы у Артема в доме полил, потому что земля была засохшая, и потом каждую субботу поливал. В «домой» он, конечно, все еще никак не верил. Не может быть, чтоб вдруг появился настоящий дом. Так не бывает. Артем просто слишком добрый. Все равно, спасибо до неба, что привозит сюда!! Тут спокойно. Тихо. И Артем близко, в кабинете. Дай иногда подкрадывался к дверям кабинета – заглядывал, проверяя, что Артем правда тут, и скорей уходил к себе, уроки делать. Артему нельзя мешать, у него полно работы...

Счастье быть в доме, где за окнами во все стороны – громадный зимний лес, а не в шумном интернате: там даже если сидишь в своей комнате один, все равно в любой момент кто-нибудь ворвется с игрушками или воплями, или воспи-

тательница придет уроки проверить... И тут – никаких «Ты почему руки не вымыл?!» и «Где задание по письму?!» Так что Дай жил как мышка в комнате, про которую Артем в первый вечер сказал: «Дом», тихонечко решал задачки за большим столом, стоя на стуле на коленках, потому что иначе было высоко. Потом читал настоящие, бумажные или пластиковые книги со сказками – Артем их много принес, и стареньких чьих-то, и новехоньких.

Артем не заходил, будто тоже старался не мешать; когда нужно было идти кушать или утром вставать, звал с порога. Не воспитывал и не ругал за оценки. Заботился. В первый вечер еще принес большую коробку с чьими-то пожившими игрушками, и время от времени Дай расставлял на полу машинки, домики, человечков, звериков – больше всего нравилось, что это старые игрушки, что они долгие годы пролежали где-то в кладовой в подвале, а теперь будто снова оживают. Но перед сном Дай опять все в коробку убирал, потому что нужно соблюдать порядок. Юм любит порядок. И у Артема в доме тоже всегда был идеальный порядок и чистота.

Еще в коробке обнаружился малышовой музыкальный инструмент с клавишами, исцарапанный и едва живой, и Дай подбирал наугад сочетания из песен Юма. Едва слышно, правда, потому что элемент питания почти сел. А новые, сколько Дай не приносил вынутых из интернатовских игрушек – не подходили. И некоторые клавиши западали – но иногда музыка все-таки получалась... Попросить у Арте-

ма новую такую штуку для музыки стеснялся – Артем и так много заботится. Да и к тому же музыка – это Юм, не стоит выдавать, откуда знаешь ноты... И от музыки только тоска сильнее, потому что ведь вся жизнь с Юмом – это жизнь в музыке. Юм и учил. И петь, и простейшим гаммам, хоть на синтезаторе, хоть даже на маршевом пульте в рубке – без музыки Юм разве что спит. Или трудно работает, когда экраны с непонятными данными и столбцами цифр вокруг него в несколько слоев оборачиваются... А так всегда музыка. Или он сам напевает, мурлычет, посвистывает – а иногда все-таки поет, как надо, и тогда от его голоса все вокруг становится золотым и волшебным. Или он танцует. Или сам играет на синтезаторе или на какой-нибудь простенькой дудочке. Или просто музыка звучит, звучит, звучит... Или ведет корабль, и маршевый пульт под его руками звучит как орган или целый симфонический оркестр. А если он в ротопульте, то этот тяжелый бит катушки ротопульта под точной музыкой движений самого Юма уже не просто симфония, а что-то прекрасное и запредельное... Тоска. Дай терпел и потихоньку повторял заученные аккорды простых маршевых треков и любимых песенок. Хоть что-то...

Тихо сидеть – больше нечего делать в этом большом пустынном доме (да он и боялся тут ходить, сидел у себя, поначалу даже в туалет боялся выйти). Но тут было спокойно. И не страшно засыпать на старинном диване с высокой спинкой, от которой пахло старым деревом и музеями,

и сквозь сон вспоминать сказку про доброго богатыря, что еще в первый вечер, когда Дай боялся всего, не мог даже лечь и сидел до полуночи столбиком в постели, рассказал Артем: богатырь каждую ночь объезжает землю на всевидящем синем коне с золотой гривой и серебряными копытами и следит, чтобы все было хорошо... А с утра все воскресенье можно гулять вокруг дома, кататься на красивых старинных санках – или Артем брал с собой куда-нибудь, чаще по делам; потом они где-нибудь обедали, в каком-нибудь кафе для взрослых, и ближе к вечеру – в интернат. Дай привык к этим тихим дням. Однажды только в гости пришли два больших шумных мальчика, Артем сказал, что внуки, и они весь вечер субботы играли с Даем – Артем, наверное, их попросил; а в воскресенье вчетвером поехали кататься на лыжах – Дай посмотрел на внуков и научился, даже с горок катался и не падал. Внуки болтали и смеялись, Артем тоже. Дай первый раз пожалел, что не может говорить. Может, он тоже мог бы смеяться. А то внуки, наверно, думали, что он умственно отсталый какой-то... А разве нет?

Он привык к Артему. Артем выполнял чудовищную, огромную работу, да еще тратил время на тягостную возню с ним. Понаблюдав близко за этим самым главным в Венке, да и, наверное, на всем Айре человеком, Дай не знал, что делать. Уже с четверга начинало трясти, что скоро выходные... Но еще страшнее, что Артему все надоест, он позвонит и скажет, что не получается и «домой» не заберет. Все тяжелее

было изнемогать от ужаса, ожидая последнего урока недели, на котором говорят про поведение и выдают дневники.

А Юм что скажет, если увидит его «нули»? Как он Юму-то свои оценки покажет? Юму-то?!!

Он сжег дневник.

В ту субботу с утра все пошло плохо. На музыке, когда пели, делать было совершенно нечего, он бы подремал, но пели все страшно громко. Только голова заболела. Вообще-то в классе на полках лежали такие же, как старая игрушка, музыкальные штуки с клавишами, только большие, для четвероклассников, но подойти к ним он боялся. Хотя иногда очень хотелось. Но как? Урок ведь, и все поют про новогодний снежок... Новый год-то разве близко? На следующем уроке, пока все разговаривали про запутанную сказку, ему дали переписывать, вставляя буквы, два таких огромных упражнения, что он чуть прямо при всех не заревел. И еще всю перемену дописывал.

А потом – бассейн. Все научились плавать давным-давно, а он до сих пор боялся зайти дальше, чем по грудь – но даже это и он сам, и тренер по плаванию считали подвигом. Потому что еще весной Дай просто ложился на пол, чтоб не идти в бассейн. И визжал, если его туда приносили. Воду, если ее много, и она не снег и не дождь – он ненавидел. Всегда. И особенно теперь, после той пещеры с зеленоватым светлеющим отсветом на потолке, которую он уже и не надеялся

забыть.

Но в детском ярком бассейне, где сквозь голубую воду видно белое дно, было стыдно визжать и бояться, и постепенно, в течение всей осени, он совладал с собой – сначала согласился сидеть на бортике, болтая в воде ногами, а недавно даже стал спускаться на мелководе и играл там с надувными игрушками. Только не сегодня. Его мутило, и сами собой вздрагивали пальцы. Он прочно сел на бортик. Тренер не рассердился, он Дая хорошо понимал и без слов. Только по макушке потрепал огорченно. Постепенно Дай притерпелся к гулким звукам и успокоился. Стал смотреть, как легко и стремительно прыгают с нижней вышки мальчишки – вот так прыгать в воду Даю хотелось. Он-то был скоординирован куда лучше. Он бы успел в воздухе втрое больше переворотов и фигур и вошел бы в зеркальную воду как луч, без единого всплеска – только что потом, в этой синей глубокой воде? Нет, на мальчишек лучше не смотреть. Вон Катька Торпеда новый рекорд устанавливает...

Кто внезапно скинул его в воду, он не видел. Толчок – и он летит. Всплеск. Синяя мгла. Вот светлое дно внизу, вот серебристая изнанка воды... Он упруго развернулся, вытянул руки и повторил прекрасные и четкие движения Торпеды. Вода послушно пропустила его сквозь себя. Он попробовал еще, понял суть движений и поплыл быстрее... Только все равно жутко... Он выкрутился наверх, хватанул воздуха, и тут его подхватил и выбросил на бортик тренер, пря-

мо в руки другим подбежавшим взрослым. Дай кое-как отбилась от этих рук и встал на ноги. У стены стоял Сережка, такой же белый, как мраморная облицовка – его все оглушительно и неразборчиво ругали. Дай отжал косичку, бездумно глядя на взблескивающую воду. Торпеда уцепилась за бортик и внимательно смотрела снизу круглыми, такими же ярко-синими, как ее купальник, глазами. А ведь она была рядом, наготове. Это у них сговор с Сережкой! На прошлой неделе это они басни рассказывали: если человека скинуть на глубокое место, то он сразу плавать научится...

Потом, уже одеваясь, он вспомнил, что еще час – и придется нести Артему дневник. А там... Что-то противно взвизгнуло внутри. Заломило висок. По математике за неделю было две самостоятельных и одна контрольная. По легийскому диктант. Еще сегодняшняя двойка по письму. И во вторник сочинение писали... Обедать он не смог. Обычный запах супа почему-то стал тошнотворным, а когда воспитательница стала уговаривать, он вскочил, проскользнул мимо и убежал. В классе – пусто. Он быстренько сел на свое место и сложил руки на парте. Минуты растягивались, как резиновые, а потом внезапно и слишком быстро лопались. Когда стали возвращаться ребята, он так боялся поднять голову, что даже учебник какой-то из парты достал и сделал вид, что читает. Потом пришел старший воспитатель, принес стопку их одинаковых, в синих обложках, дневников и коробку с призами. Стал всех хвалить, раздавал на-

грады по разным предметам – и вдруг положил перед Даем пластмассовый зеленый листик. По природоведению? Ему?! Ах да, было ведь два урока по строению планетной коры. А у Дая любимая-то геология – ага! – и он бланк ответов оба раза тесно-тесно исписал, и даже на обороте писал, и рисовал молекулярные решетки базальта и туфа. Вот листик и дали... Он долго возился с колючей тугой застежкой, прикалывая значок, и прослушал, что еще говорили. Но если бы сильно ругали, он бы очнулся. Вот положили его дневник в чистой синей обложке... А у других – серебряные и золотые звездочки. Даже у Торпеды уже штук десять серебрушек накопилось... Он открыл дневник, глянул и тут же захлопнул. Внутри виска опять заболело, будто отвертку вкручивали, и от этой, полголовы замораживающей боли хотелось омерзительно завывать. Живот стал твердым, как доска, но что-то противненькое где-то в самой середине дрожало и болезненно дергалось. Сползти бы с сиденья в полутьму под партой... Наконец отпустили, учитель вышел. Ребята убежали вперед, их на какое-то представление со зверями настоящими повезут... А ему надо идти к Артему...

Дай не стал засовывать дневник в ранец. Так его понес, в руках. В коридоре были прозрачные стены, далеко видно низкое серое небо и черно-белый парк. И еще хорошо видно: вон уже стоит знакомый большой люггер. Обычно Дай даже в классе слышал его гул. Прослушал, наверное, когда с листиком возился.

Артем, огромный и далекий, вдруг возник впереди в конце коридора. Он быстро шел навстречу. Помахал. Дай посмотрел на дневник в руках. Потом опять на Артема. Встал, потому что ноги от колена вниз сделались мягкими. Опять пошел. Снова посмотрел на дневник. В животе что-то так больно скрючивалось, что хотелось упасть и скрючиться тоже. А Артем – уже совсем близко, еще чуть-чуть и заговорит! Дай встал. Попятился. Крепко-крепко вцепился в дневник. Гулко звенела пустота вокруг. Ни о чем не думая, даже все еще медленно пятясь от Артема, Дай вдруг чуть подбросил дневник и ударил в него синим огнем с обеих ладошек. Дневник вспыхнул, хлопнул бело-желтым пламенем и исчез. Дай оцепенел. Медленно-медленно и красиво опускались на пол невесомые серенькие чешуйки и лепестки пепла.

Артем оказался рядом. Дай стоял, как статуя, даже руки боялся опустить. Что он наделал! За этот синий огонь точно в темницу посадят. Про это даже ребята не знают. А сейчас он сам – сам! – выдал свой самый опасный секрет... Артем наклонился и легонечко, как бомбу, взял на руки. Ну еще бы. Тут в школе детей – человек полтора. Но Артем почему-то не понес его бегом прочь! Он крепко прижал к себе и так держал, зачем-то поглаживая ему ледяной взъерошенный затылок и шею. Потом поцеловал в ноющий висок и тихонько спросил:

– А что это у тебя такое зелененькое на груди?

Дай чуть отклонился и показал листик по природоведению.

нию. И вдруг весь обмяк, как тяжелая мокрая тряпка, обвис у него на руках. Ранец висел тяжким грузом. Артем взял Дая поудобней, покачал, как маленького. Понес куда-то. На ходу, все так же тихо, спросил:

– А ведь ты поплыл там под водой? Я видел запись. Немножко поплыл?

Дай кивнул. Да, плавать, оказывается, просто. Только вода все равно страшная. В ней дышать нельзя... Медленно-медленно, будто выныривая из темной мглы, он приходил в себя. Что это Артем с ним нянчится? Из-за синего огня? Он потянулся вниз, чтобы идти самому. Он не младенец. Артем его тут же поставил. Дай спокойно пошел возле, хотя ноги подкашивались, и тогда Артем снял с него, забрал тяжелый ранец – даже дышать легче... В машине, уже взлетев в серое низкое небо, Артем спросил:

– Ты нормально себя чувствуешь? Такие фокусы с плазмой очень истощают. Может, тебя лучше в интернат отвезти?

Дай помотал головой. Уж лучше болтаться в сером небе над Венком. А странно, что Артем как будто совсем и не встревожен. Во всяком случае, его синий огонь не напугал.

– Ты ведь и раньше такое умел, наверное? Давно?

Дай кивнул. Давно? Всегда. В синем огне очень хорошо плавится песок, и из полупрозрачной тяжеленькой массы интересно лепить всякие игрушки.

– Это опасно прежде всего для тебя.

Может быть. Особенно если не думать, а вот как сейчас. Раз, и только чешуйки пепла. Люггер между тем поднимался все выше. Внезапно окна облепила серая косматая мгла. Дай вжался в спинку сиденья. Ой, куда так высоко?! Артем даже руку снял со штурвала и погладил его по шапке:

– Это облака. Сейчас будет солнце. А мы летим на терминал. Мне туда нужно – вернулись наши большие корабли. Я подумал, тебе будет интересно.

Интересно. Только страшно. Он только-только привык летать с Артемом над лесом, но нервничал, если машина поднималась высоко. На земле спокойнее. И ведь на терминале будет много чужих взрослых. Они удивятся, что Артем таскает за собой дебильного первоклассника... Но надо как-нибудь перетерпеть. Улыбаться. Не позорить Артема.

Красное зимнее солнце низко стояло над горизонтом; сперва, когда люггер вынырнул из белой ваты в бездонный синий шатер неба, Дай его даже и не заметил, пока Артем не кивнул на юго-запад. А теперь, чем ниже уходили облака, тем ослепительнее и больше становился шар в пустом темнеющем небе. А люггер казался все меньше. Дай, как не деревенел живот, он от окна не отрывался. На миг все скрыло замерцавшим молочно-облачным защитным полем, потом оно развернулось в полную защиту и стало прозрачным. За этот молочный миг голубое пространство внизу стало выпуклым, и все выпячивалось, одновременно медленно сваливаясь набок. Небо вверху стало черным, а потом очень быстро эта

чернота стала сползать сверху, заполнять все вокруг, и вот наконец – рассыпанные знакомые белые колючие крошки. Звезды. Тьма – бездонная. Бездна. Дай вдруг осознал это, ощутив, как холодом облился затылок и все тело непроизвольно сжалось. Этой тьме нет конца. Она везде. И ни Юма рядом, ни его волшебного корабля с ротопультом. Артем следил встревожено. Дай через силу улыбнулся, показывая, что все в порядке. Летают же все. Вон далеко-далеко летит светлая точка, вот, справа и дальше – другая. Он посмотрел в другую сторону и увидел огромное и невыразимо прекрасное серебряное веретено, все покрытое какими-то выпуклыми узорами, цветными огоньками и непонятными штучками. Нечаянно вздохнул. Артем объяснил:

– Это легкий крейсер. Ты вверх посмотри, что на терминале творится. Да вон же, вверх – на Гекконе.

Дай приник к лобовому стеклу. Он, конечно, видел это все раньше. С Юмом. И терминалы, и огромную верфь-терминал Геккон, и корабли. Но на самом Гекконе никогда не был. Юм прямо с корабля водворял его в интернет.

Какой он огромный, этот Геккон... Целый город-лабиринт... Люггер подлетел уже близко, поэтому сложная система тороидов и дуг терминала стала Дайю непонятна. Но зато, когда люггер обогнул его, Дай увидел два огромнейших белых корабля, совершенных и посверкивающих орнаментами сигнальных огоньков. Один, в узоре синих теней, висел над терминалом, другой, сияюще-белый от солнца, потихоньку

швартовался. Они были чудовищными и красивыми. И принадлежавшими Юму. Отпечаток его существа лежал на этих огромных кораблях бесспорно и отчетливо. В конце концов, они даже похожи на его белый крейсер. Дай оглянулся вниз, на голубую, дышащую синей дымкой планету. Один ее край был темно-синим, и там мерцали нежные золотистые крупинки света... И это тоже почему-то напоминало Юма.

На параван Геккона Артем садиться не стал. Медленно проплыв над стоянками огромных грузовых кораблей, над причалами стройных крейсеров и рейдеров, его люггер приблизился к пришвартованному огромному белому кораблю и погрузился в мигающий оранжевыми и синими огнями шлюз. Дай смотрел, прижавшись к керамлиту окна и накрепко вцепившись в комбинезон. Люггер оказался в огромном, залитом белыми прожекторами, холодном трюме, где автоматы передвигали к выгрузке одинаковые синие контейнеры, на которых большими белыми буквами было написано: «Венок» или «Геккон». Пространства маневрировать было немного, и Артем минуты три у самого подволока пробирался к другому шлюзу. Мгновение темноты, и они выползли на белую аппарель, в конце которой стояли крошечные из-за расстояния люди.

– Ты не путайся под ногами, – попросил Артем. – Но не потеряйся.

Артема встретили так обрадованно, что Даю показалось,

будто все эти большие взрослые превратились в мальчишек. А потом заметили его, и кто-то подхватил на руки:

– А это кто такой внимательный?

Артем улыбнулся:

– Это хороший мальчик Дай. Только он не говорит.

Тагеты – тут не было ни одного обычного человека! – все сразу посмотрели на Дая, и одна из женщин спросила непонятное:

– Так мал и уже в Круге?

– Таг, – сказал кто-то. – Глазищи-то.

– Нет, – возразил другой, вдруг ласково подхватив Дая на руки. – Не таг. Но чудовище тоже, конечно. Еще какое чудовище... Да он даже похож на Драконов. Только золотой... Но фенотип-то какой необычный. Далекая раса вмешалась.

– Поговорите тут еще, – пригрозил Артем и забрал Дая. – Не морочьте малышу голову, а то он... впечатлительный. Пусть тут бегаёт где хочет и делает, что хочет... Дайка, ты понял? Везде можно, играй. Я буду знать, где ты, не бойся. А всем правило: присматривать, но ни о чем не спрашивать.

Одна из женщин укоризненно сказала Артему:

– И кормить вовремя. Малыш есть хочет, да и устал, изнервничался, – откуда она знает? – Тёма, я заберу его пока? А вы работайте спокойно.

На этом корабле Дай пробыл три дня. Правда можно было ходить везде и все трогать, и каждый из взрослых или гла-

дил по голове, или показывал что-нибудь интересное. Но вообще интересного немного: ведь хорошо изученный корабль Юма куда больше, сложнее, команды лишь несколько человек, а тут и захочешь – не заблудишься. Понятно, где что. Не такой уж и большой корабль-то, и многолюдный. Везде-везде люди. Дай сначала все пытался отыскать Юма, заглядывал в лица взрослых, пытаюсь по выражению догадаться, давно ли они видели Юма. Но понял быстро, что Юм и для этих людей такая же тайна, как и для взрослых внизу. О нем никто не говорил. О нем никто не знал? Корабли принадлежали Венку и привозили грузы из Легийских Доменов и дальних звезд Дракона, и на них обучали старшекурсников всяким астронавигационным премудростям. Но все равно казалось, что это корабли Юма. Такие же орнаменты на переборках, как на его корабле, как в его волшебных дворцах, такое же все белое с синим и черным... Тут даже пахло точно так же, как на его корабле...

В общем, Дай, конечно, радовался. Ведь все настоящее. Артем часто появлялся, но лишь на минутку – Дай лишь взглядывал испуганно – неужели уже пора вниз? Артем усмеялся и опять уходил. Он был очень занят, но совсем не грузами, которые привезли эти огромные корабли, и за которыми один за другим подходили снизу лихтеры Венка. Взрослые, казалось, были заняты лишь серьезными тихими и быстрыми разговорами, собирались то и дело, иногда даже все вместе, в тесноватом зале. Дай не очень понимал, что

происходит и что они обсуждают. Больше всего это напоминало встречу старых друзей, занятых важными неотложными делами. То и дело прилетали всякие другие корабли, поменьше, шла какая-то суета, везде все работали. Дая ниоткуда не прогоняли, наоборот, баловали, потому что он оказался единственным ребенком – не считая старшекурсников, жутко важных пятнадцатилетних ребят, которые в чем-то помогали взрослым или даже работали наравне.

Он старался «не путаться под ногами», да. Ко многому надо привыкнуть: начиная от непривычной еды, крохотной красивой, где он спал, каютки, мелких игрушек, которые все дарили – и заканчивая знакомыми привлекательными приспособлениями в огромной рубке. И еще попробуй, привыкни: все большие почему-то то и дело брали на руки, гладили по голове и спине, носили, передавали друг другу и тихонько говорили всякие хорошие слова. Искренне, весело, ласково – будто он был им своим. От этих слов волосы золотились, а шапки-то нету... Какие-то женщины переодели его в красивое уютное платье с выпуклыми синими и серебряными звездочками, пилоты в рубке разрешили посидеть у пульта, включили тренировочный имитатор – а когда удивились, как умело Дая играет со всякими милыми знакомыми кнопочками, то даже позволили залезть в мягкое круглое сердце выключенного ротопульта. Не такого сложного и опасного, как на корабле у Юма, но тоже интересного. Он там даже поиграл немножко в полет, пока не заметил, что все наблюдают

изумленными глазами. Он сбежал и потом несколько часов не решался вернуться в рубку, которая манила его больше всех других помещений на корабле – здесь, слушая разговоры и сидя у экранов больших компьютеров, он узнавал о космосе и о других планетах Дракона столько, что почти не мог спать. Он изнемогал от ласки этих странных взрослых с такими пронзительными добрыми глазами, будто они тоже когда-то видели Юма. Взрослых, в которых словно по искорке его света. По искорке его правды – такой же, как у звезд.

Артем привез в интернат с большой коробкой новеньких игрушек, которые Дай скорей раздарил ребятам. А потом – на ужин овощная запеканка, молоко и пирожок с яблоками... В общем, вкусный... Уроки, и наутро в школу. Ну и что: после этих трех дней на корабле, среди ласкового внимания взрослых он вдруг понял, что не только на всех кораблях и Гекконе, но и на всем Венке лежит отсвет существования Юма, что Венок – это исполнение именно его воли к чему-то важному. И Артем знает Юма, но хранит эту тайну, как и сам Дай. Но как узнать, откуда Артем-то знает Юма? Не может не знать. Это ведь Юм доверил ему Венок!

В конце недели оценки оказались чуть лучше, чем обычно, Дай решил, что учителя сделали это из жалости. Не было ни одной двойки, и за это дали серебряную звездочку-наклейку. Но показывать новый дневник было некому, Артем

еще в прошлый раз предупредил, что дела и не приедет. Зато их семерых повезли на экскурсию – на огромный завод игрушек. Сначала было интересно, потом Дай заскучал. В конце экскурсии каждому подарили, что он хотел. Девчонки, кроме помешанной на машинках и механизмах Торпеды, выбрали себе говорящих здоровенных кукол в многослойных одеяниях, мальчишки – не менее огромные всякие летучие штуковины. А он, если честно, и игрушки недолюбливал: все, что дарили в яслях, тут же передаривал ребятам. И здесь ни звездолетки, ни куклы и зверюшки не вызывали никакого желания взять их себе. К тому же он только что увидел, как всю эту радость делают автоматы из всякой пластиковой дребедени, полупрозрачных интеллектуальных плат и элементов питания. И от этого было слегка противно. Молодой парень в карнавальном костюме звездочета, водивший их по заводу, предлагал одно-другое, пока Дай не ушел за спины переглядывавшихся ребят.

– Да не может быть, чтоб у нас не нашлось для тебя игрушки!

Пришли еще какие-то двое взрослых, постарше, улыбались, поговорили с воспитателем, стали гладить Дая по голове – и они как будто рады были тому, что вот нашелся такой привередливый ребенок. Всех позвали еще что-то смотреть, а его за руку повели мимо разноцветных полок с подарочными игрушками еще раз. Только чтобы отпустили, он готов был схватить что угодно и побежать за ребятами, и даже по-

тянулся к мягкому медвежонку: забыть его потом в люггере или подарить девчонкам. Тагет остановил:

– Не стоит. Ты помоги нам, пожалуйста. Давай найдем то, что тебе действительно нравится. Это ведь важно. Мы видим, что тебе в самом деле тут ничего не нравится. Если мы не можем сделать для тебя игрушку, значит, где-то мы совершили ошибку. Выбирай честно, хорошо?

И они искали. Сначала в этом зале, потом в другом, где игрушки стояли в застекленных витринах, потом в большом музее, где были игрушки с других планет и даже вообще чужие, легийские и ирианские. Легийские ему понравились, потому что немного напоминали те, из золотых дворцов. Но не больше. Брать их себе? Он только больше расстроился. Они снова искали. Даже в лабораториях и мастерских, где придумывали игрушки. Искали, пока Дай не сел на корточки и не расплакался, пряча лицо. Слезы прорвались вдруг, и он никак не мог с ними сладить. Тагет попросил:

– Ну, не надо. Я же вижу, что ты не такой, как все. Я таких и не видел никогда. Не плачь. Какой же ты маленький еще... Если для тебя здесь нет игрушки, значит, ее надо придумать и сделать.

Дай вытер слезы и встал. Привычно стало стыдно, пришло обычное чувство униженности и усталости. Он всем чужой. Никто не виноват, что в этом прекрасном мире даже игрушки для него нет. Тагет задумчиво разглядывал его – ему неприятно, и, такому умному, с чуткими пальцами скульпто-

ра, хочется перелепить, исправить мордочку Дая с большим угрюмым лбом и запавшими глазами. Этот человек был в игрушечном царстве самым главным, наверное, дружил с Артемом – и он делал лучшие игрушки в Драконе! А теперь был озадачен. И кем?

Дай посмотрел сквозь мокрые ресницы на легонькую лодочку со сверкающим парусом – в этом широком коридоре вдоль стен на прозрачных полочках стояло много их, с разными сложными, сияющими парусами. Может, такую взять? Но ведь тагет поймет, что Дай слукавил. Это ведь лодочка для другого мальчика, у которого ясные глаза и легкая веселая жизнь, оценки хорошие... И которого не называют змеиным словом «лусут». И тут отчаяние льдом прожгло темноту его сердца. Он закрыл глаза и прислонился лбом к стене меж двух лодочек. Как-то раньше ему удавалось не подпускать эту боль – он тут чужой.

Его кто-то выкинул, кто-то хотел, чтоб его не было.

А эти добрые в Венке – подобрали. Но он им чужой.

У него здесь ничего не получится. Никогда.

В этом мире даже игрушки для него нет.

Дай обернулся: не надо ваших игрушек. Отпустите к ребятам, и домой, в маленькую комнату, где тихо, если плотно закрыть дверь.

– А ты вообще что-нибудь хочешь? – тихо спросил тагет.

Дай отрицательно мотнул головой.

– Так не бывает. Ладно, пойдем, Артем сказал, что сам

за тобой приедет...

Привели в комнату, где, к счастью, не было ни одной игрушки. Кабинет для совещаний: стол, много стульев, диван... За окном темнеет... Скучно и жарко. Артем опять посмотрит холодными или жалеющими глазами, повезет в интернат, даже поговорит – но то и дело будет, поглядывая на часы, непрерывно, разумно и молниеносно, решать с разными людьми, то и дело возникающими над пуговкой экранчика, всякие дела... Ему, наверное, придется оторваться от важных дел, чтоб сюда за ним прилететь... Как стыдно быть обузой.

Скорей бы уж. Пережить это. Он тоскливо посмотрел вокруг и вздохнул. Взрослый тоже вздохнул и встал. В дверях сказал:

– Ладно. Артем говорит, тебя лучше одного оставить. Сиди, жди.

За окном в синеющем вечере валился снег. Дай прилеж, съездившись, в угол дивана и долго смотрел на неостановимое падение снежинок. Это немного напоминало Юма. На душе слегка прояснялось.

Жил ведь он в этом чужом мире с младенчества. И дальше будет жить, потому что жить – это вообще-то хорошо. Вселенная прекрасна, потому что в ней водятся такие люди, как Юм и Артем, как те тагеты с корабля, которые носили на ручках и баловали. Наверно, в жизни встретятся и другие такие же хорошие люди, которые знают и правду звезд,

и всякие другие тайны и правды, а значит, сразу все понимают. Интересно, где сейчас Юм, что он делает? Работает, конечно, он всегда работает, ему некогда... Дай лежал, пригревшись, в уголке черного дивана и боялся пошевелиться, чтоб не спугнуть разгорающийся, подрагивающий огонечек тепла внутри: есть Юм. И Артем скоро заберет. Ну и что, что он тут съежился, в этом чужом месте, ведь за ним скоро придет Артем... Этот спокойный огонечек теперь оживал только в доме у Артема. Потому что в школе все ужасно и про Юма даже вспомнить некогда. Артем ведь не будет ругать, он... Он поймет, почему Дай разревелся из-за игрушек. Он даже, может, на руки возьмет и скажет: «Ты мой золотой». Он так сначала то и дело говорил... Только перестал, потому что Дай – обуза...

Бесшумно открылась дверь и тихо вошел Артем. Дай невольно съежился. Артем, подходя, усмехнулся, сел рядом: – Здравствуй.

Дай кивнул очень вежливо. Сел, сложил руки на коленях. На самом деле хотелось залезть к Артему на руки и крепко вцепиться в его одежду. Но он не решился: слишком уж Артем был огромен и строг. Он сердится? От него пахло снегом и морозом. Только Артем, кажется, не сердился. Сказал печально:

– Мне тут рассказали, как ты... Ото всего отказываешься. Но ведь дома ты играешь с игрушками? Что ж с тобой делать, мой золотой?

Ни один взрослый так по-доброму с ним не разговаривал. Артем, задумавшись, смотрел на свои руки, и Дай впервые заметил, что он не так уж и молод. Он ближе к старости, чем к юности. Ну да, у него ведь уже внуки... Как показать, что ему хочется верить? Что он привык уже его ждать? Что из-за Артема его бестолковая школьная жизнь стала терпимой? Что лучше тихонько сидеть рядом с ним в люггере, чем вечером изнывать от скуки и детского шума в интернате? Сквозь сумерки трудно было разглядеть лицо Артема, и Дай строго взглянул на молочные светильники на стенах, повел рукой – они послушно вспыхнули. Выключатель, чуть опоздав, тихонько щелкнул где-то около двери. Артем внимательно взглянул в ту сторону. Медленно повернулся к Даю:

– Это ты тоже давно можешь?

Дай кивнул. Все его названные братики и сестрички знали, что он взглядом может включать свет, экраны, вентиляторы. И заставлять летать модели звездолетиков. Даже если из них вытащить батарейки, и даже если машинок будет тридцать четыре штуки – больше они с Сережкой тогда не собирали. Да что там игрушки. Они однажды с Сережкой и Торпедой спрятались в кустах у стоянки, и Дай поднял в воздух чей-то большой люггер. Но он так завыл двигателями и еще какой-то сигнализацией, что Дай испугался и быстренько его приземлил, и удрали они по кустам перепуганными мышами... Но от взрослых все скрывали его фокусы всегда. А как теперь быть?

– А что ты еще можешь? – Артем протянул руку, убрал с лица Дая выбившиеся из косы пряди и уже знакомо погладил согнутым пальцем переносицу – и вдруг провел пальцем по его брови.

Так тоже делал только Юм. Дай мгновенно и полностью сдался. Посмотрел вокруг, неслышно встал, подошел к окну. Зачем-то потрогал прохладный керамлит пальцем, потом вздохнул и остановил падение снега. Снежинки застыли в голубом воздухе. Артем вскочил.

Дай испугался и отпустил снег.

– Мне показалось? – неуверенно сказал Артем.

Подсмотренным у Юма, невыразимо плавным и единственно возможным движением Дай подозвал немного снега сквозь керамлит, и закружил вокруг себя сверкающей морозной сферой. Запахло чем-то далеким и волшебным, как высоко-высоко в горах, куда брал его Юм, там, где синие тени на глетчерах и заиндевевшие спящие камни. Дай осторожно, совсем как Юм, затанцевал внутри своей снежной оболочки, и снежинки стали повторять узоры, которые он вычерчивал кончиками пальцев. Точно так же, как Юм, он немного поднялся в воздух, чтоб не исказить узора соприкосновением с полом. Он разрешил снегу таять. Он куда больше любил играть с водой, чем со снегом, потому что капельки выглядят волшебнее и похожи на прозрачные камешки. Эти капельки, мелкие, почти бисер, кружились вокруг него переливчатой узорчатой сферой, повторяя люби-

мые узоры Юма. По стенам вокруг плыла тройная радуга.

Лица Артема он сквозь все это прозрачное сверкание не видел. Наверное, он потрясен. Может быть, он теперь расскажет про Юма? Дай закрутил свою сферу быстрее, еще быстрее, пока капельки не слились в тонкую пленочку, а потом, вывернув ладошки, ударил в нее синими иглами. Вода исчезла во мгновенной вспышке золотых и синих искр. Опять запахло глетчерами. Точно, как научил Юм, Дай в плавном перекрестье опустил руки и мягко встал на пол. Не сразу решившись, поднял лицо к Артему.

Тот смотрел своими пронзительными серебристыми глазами так спокойно и задумчиво, и так ласково, что Даю захотелось оглянуться – не стоит ли позади него Юм. Артем улыбнулся:

– Так вот какие у тебя игрушки... Знаю я, знаю, кто их тебе подарил... Вряд ли у нас есть хоть что-то равноценное. Ну, иди на руки, чудо мое золотое. А дома покажешь, что ты еще умеешь?

Возле дома, выбравшись из люггера, он сразу же остановил снегопад и бегал среди неподвижных снежинок, пока не устал. Потом под фонарем у веранды слепил из послушного снегольда маленькое деревце счастья. Слепил Артему царскую корону. Слепил себе волшебную шапку вроде тех, которые иногда надевал Юм, украсил всякими ледышками, надел и упал в волшебство, как в сугроб. Как хорошо. Счастье. Нормальная, тут, в реальности, жизнь, тоже

бывает счастливой, да. Он играл с ночью, с морозом, с зимой, с черными кедрами, со звездами. До самого последнего, уже смутно осознаваемого мига, когда он вдруг обессиленно уснул в мягком снегу, чувствуя, как Артем поднимает и уносит в тепло, Дай испытывал это снежное счастье.

Утром, проснувшись, он обрадовался спокойной комнате, до потолка налитой тишиной: окно, за которым синяя зима, тяжелые темно-зеленые шторы, и вещи в комнате привычно чужие, великанские: комод старинный, диван, от которого музеем пахнет – он иногда пугался этого дивана, хоть и любил тут спать; все и хорошо, и надежно, и правильно, как учебник. Ничто не течет, не переливается, не превращается... Да, в нем есть какая-то чудесная суть. Это Юм его научил всем чудесам. Он все это скрывал, а теперь показал Артему.

Улыбнулся, вспомнив про маленькое ледяное деревце под кедрами – сверкает сейчас на солнышке, наверно. А весной – растает... Ну и что. Зато сейчас – счастье. Нормальное. Настоящее, как кедры. И есть Артем.

4. Песенка без ошибок

После перерыва буквы и цифры не стали послушнее. Ноги в школу не шли. После нескольких опозданий подряд в школу за руку стали водить воспитательницы, и пропали коротенькие, синие утренние минутки наедине с холодом, снегом, с пахнущим ледниками воздухом – и с невидимыми волками.

Он устал сражаться с тетрадками, устал казаться дурачком. Немота – оковы: проще пересказать взрослым сто учебников, чем писать всякую чушь едва ковыляющими каракулями. Дневник, новый, в конце недели Артем и не смотрел. Хотя уроки по вечерам стал помогать делать: грустно смотрел, как он сражается с буквами, утешал; потом удивился, как легко он решает сложные задачи – но Дай, если ничего не боялся – считал легко. Его ведь Юм учил всем элементарным вычислениям.

Артем забирал теперь на все выходные, то есть уже до утра понедельника, а иногда даже посреди недели сразу после уроков, а утром привозил прямо в школу. Дай даже перестал вздрагивать, когда Артем говорил слово «домой». Это главное – что Артем брал домой, и они там ужинали и завтракали вдвоем, гуляли во воскресеньям в парке вокруг дома. И там в старинной комнате, в ящике под диваном, оставались и ждали Дая постель, пижама, зубная щетка, какая-то одеж-

да – это словно подтверждение, что он имеет право бывать у Артема в доме. И там можно было играть. Феерий, правда, он больше не устраивал. Тихо играл со снежком на заметенной открытой веранде. Или в столовой наливал немножко водички в пластиковую миску и вытягивал воду в сложные тоненькие конструкции. Если получалось красиво, показывал Артему.

А потом вдруг в этой старинной комнате, где Дай ночевал, вместо темных штор, музейного дивана и комода оказалась – свет, сияние и детская мебель, только совсем не школьная – а золотисто-зеленая, нарядная: и кровать, и шкафы, и стеллажи с новой стопкой детских книжек, и письменный стол с настоящим экранчиком. Даже стены стали другого цвета, тоже золотистые. Дай дышать перестал. Оглянулся – у Артема глаза смеялись. Дай сбросил ранец и потянулся руками вверх к Артему, как делают малыши. Как к Юму. Артем удивился, но тут же подхватил:

– Ах ты мой золотой... Ну вот, живи. А то мне казалось, ты никак не веришь, что и это твой дом тоже.

Артем – это счастье. Но он не думал про Артема, когда его не видел. Артем понятен насквозь. Он тут, рядом. Смешно тосковать, если Артем заберет после уроков. Дай думал – только про Юма. Он уже давно не появлялся, целую осень! И зимы уже сколько прошло! Скорей бы кончилась ужасная школа и наступили новогодние каникулы. А кален-

дарь застрял... Юм обещал, что придет на новый год. Придет. Да. Да! Вдруг возникнет, когда Дай будет один, обнимет и заберет в волшебные страны. А потом вернет обратно, в тот же день и час, и никто ничего не заметит. Ведь Дай – не как все другие дети, он не растет так же быстро. Не меняется за те дни, недели и даже месяцы рядом с Юмом.

Никто не знает про Юма. Надо хранить тайну. Дай помнил уже много и чудесных мест, не только Золотую страну. Зеленый остров посреди синего океана, огромный космический корабль, мрачноватый дворец в горах с висячими садами и водопадами, дремучий лес и дом-дерево. И обычно там никого, кроме них, не было. Вот только на прошлый новый год они оказались в старом городе, среди толпы детей и взрослых на каком-то огромном карнавале среди каменных старинных зданий и площадей, в грохоте салютов и буйстве музыки. Юм крепко держал за руку (или за щиколотку), даже когда взрослые поднимали Дая, чтоб ему лучше было видно представления и фейерверки. Юм исподтишка добавлял волшебства в неистовствующий праздник, а сам, в такой же, как на всех мальчишках вокруг, куртке и надвинутой на лоб белой шапке, ничем не отличался от радостных и прыгучих ребят такого же роста. Веселился и вытворял чудеса.

Но потом было возвращение. И от всех чудес – изнеможение счастья и несколько золотых блесков в кармашке... И очень, очень грустно... Но пусть Юм скорее уже приходит! Только надо перетерпеть последние недели в школе.

Он очень старался. Он не читал больше сказок и не тратил время на гимнастику, не играл больше с камешками и снегом. Даже на каток с ребятами больше он не попадал, потому что вечером нужно было исправлять ужасные оценки на занятиях для отстающих. С горя он утащил сумку с коньками к Артему – в надежде покататься как-нибудь утром в воскресенье, там ведь рядом озеро, уже замерзло – но оба подряд воскресных утра Артему надо было на работу по важным делам... И он, как в обычный день, сидел в комнате рядом с его кабинетом и учил, как пишутся легийские слова. Ну и что. Зато с Артемом.

Когда он вечером выходил, волоча ранец, из школы, – от холодного темного воздуха кружилась голова и хотелось только спать. Артем молча подхватывал на руки, уносил в люггер – и Дай выныривал из тьмы только когда Артем будил ужинать.

Надо учиться. Засыпая и просыпаясь, он повторял таблицы кубов и квадратов чисел, постоянно перемножал и делил в уме трехзначные унылые числа. С письмом – все хуже. Он вызубривал непонятные правила и, как партизан, выслеживал запятые. И зажмуривался от ужаса, когда подходил учитель или раздавали тетрадки.

Наверное, немота как-то действовала и на пальцы: чахлые уродцы букв переворачивались, проваливались или вовсе терялись. Может быть, он даже и письмененно никому ничего го-

ворить не должен? Но он ведь и не говорит. Он даже от ребят, даже от Сережки с Торпедой (ведь стыдно им в глаза смотреть, потому что у него есть Артем и «дом», а у них – нет) старается держаться подальше. Ему бы всю ерунду школьную написать. А цифры... Предательство. В конце любого примера или запутанной задачки Дай в молнии решения всегда видел ясное, слабо светящееся синим, великолепнейшее, единственно возможное число. Если он его записывал, пример оказывался решенным верно. Но учителя-то требовали решения по действиям, да и страшно просто так записывать эти волшебные числа. Он начинал разбирать решение, вспоминал таблицу умножения, и вообще долго возился с задачей со всем своим старанием. Получалась какая-то ерунда, и учитель сердился или давал задачку попроще.

Контрольный диктант на легийском языке был всего-то из пятидесяти слов. Но Дай, пока писал его своими каракулями и дергался от стыда, что учитель специально для него повторяет, а ребята сочувственно ждут – потерял несколько слов, переврал два последних предложения. Потом гонялся за ошибками, но только больше все напортил. И пачкотня получилась с этими исправлениями.

Сто слов диктанта на родном языке он исхитрился изуродовать так, что потом и сам не мог прочитать. Вдобавок ручка сломалась, и он дописывал старой, которая писала толсто и грязно. На следующее утро главный учитель и старший воспитатель вдвоем объясняли, как все плохо. Как будто он

сам не понимал. Да он ни на секунду не забывал, что в первый класс вместе с ребятами взяли лишь из жалости и что если он не сможет закончить первый семестр удовлетворительно, то до занятий следующего семестра его никто не допустит. В ясельки обратно, или в санаторий у моря.

В последний день на математике – едва не свихнулся. Не справлялся с нервами. Он не спал почти ночью, гонял в уме примеры и задачи, и с утра стало так тошно, что на ребят он уже смотрел будто с другой планеты. Они уйдут дальше, вперед, а он, если не решит правильно контрольную работу на тошнотворно-розовом, важном бланке с ужасными особыми значками и голограммами – останется один. С кривыми буквами.

И его выгонят из школы и неизвестно куда отвезут... Санаторий? Что это за ужасное место?

Все цифры расплзлись по темным закоулкам разума, пока он вытаскивал одну, уползала другая. А если выволочешь, то цифра казалась не выражением обыкновенного числа, а каким-то инородным иероглифом.

А потом внезапно оказалось, что до конца урока всего три минуты. Оставалось еще шесть заданий. Дай скорчился от отчаяния – сдался и написал те самые синеватые ответы, что вспыхивали в темноте головы, едва он прочитывал условие. Написал и оцепенел. Сдал хмурой учительнице.

Перемену он просидел в зимнем саду за большой пальмой. Пришла Торпеда и принесла подтаявшую конфету и по-

ловинку коржика. Дай съел, только потом долго мутило и хотелось очень пить. На следующем уроке все что-то рассказывали, смеялись, им раздавали жетончики и блестящие флажки, а он торопился письменно ответить на подозрительно легкие вопросы по астрономии Дракона. С тех пор, как он наигрался тогда в рубке огромного белого корабля, в голове крутились параллаксы и перигелии каждой звезды, каждой планеты Дракона, крутились, как волшебный узор, чем-то непонятно напоминающий синий взгляд и улыбку Юма. А тут спрашивали, сколько спутников у Айра. Может, он им совсем дурачком кажется? Нет у Айра спутников. У него пять огромных тяжелых терминалов. И чудовищная верфь Геккон на самой дальней орбите. Дай тогда это все своими глазами близко видел. Только что же писать? Та же верфь Геккон массой побольше, чем, например, обе луны Тейваса вместе... Дай так и написал. Но вопросов было много, над каждым он думал, что взрослые имеют в виду, потом торопливо писал, а строчки разъезжались и рука так устала, что буквы проваливались. Но половину он успел.

Последним уроком была история. Опять дали разграфленный бланк с вопросами и велели сесть за последнюю парту. Во рту было сухо и противно, щемило желудок. Еще показалось, что он глохнет, настолько неотчетлив был смысл слов ребят и учительницы. Тоскуя, он шевелил в голове бессмысленные пятизначные даты. В потоках времени возвышались потерявшие имена легийские конунги и первые императоры

Дракона. Но ведь он же учил? Он даже все картинки в учебнике помнил. А этот странный император Ярун? Он император сейчас, но он же был императором и до Сташа Дракона Астропайоса. И даже еще раньше был, еще за 500 лет, только его звали почему-то не то Покой, не то Океан. А что такое «девятое правление», вообще не понять. В ушах гудело. Почему, если Ярун – император, то он все равно не самый главный, а есть еще какой-то неведомый Дракон Айварикиар, только не Сташ, а какой-то его сын младший, внук Яруна? И вот этого-то внука все и должны сразу слушаться... Ребята оглядывались, но он прятал глаза. Что-то он написал наугад, какие-то имена и цифры. И урок кончился. Он подождал, чтоб ребята ушли, тогда только обреченно встал и понес свой дрожащий листок поторапливающему учителю, считая зачем-то шаги и плитки пола. Подал – листок забрали, разглядили. И с досадой сказали:

– Да бред. Ты книжку-то открывал вообще?

Дай смотрел в пол. Отворилась дверь, впуская учительницу математики и старшего воспитателя.

– Так, и здесь понятно, что дела плохи... Дай, кто помогал тебе на контрольной работе по математике? Сережа?

Дай поднял голову. Помогал? То, что было дальше, он не очень хорошо понимал. Взрослые сердились и говорили громко. А потом дернули за руку, отвели в соседний, пустой и холодный, чисто проветренный класс музыки, сунули за парту и положили под нос розовый новый бланк контроль-

ной с другими заданиями. Дай замер над ним в глухой пустоте. Очень хотелось пить. Он взял ручку и нечаянно уронил.

– Не балуйся. Решай.

А синих честных цифр не было. Были только какие-то желто-розовые, ненадежные, скользкие.

– Дай, язык мы тебе простим, мы понимаем причины, почему ты плохо пишешь. Но если ты не сможешь справиться с элементарными заданиями по математике, то в следующем семестре тебе просто нечего делать. Ты понимаешь?

Еще бы. Дай взялся за первый пример. Загибая пальцы, долго считал и раскрывал скобки. Написал в ответе две съездившиеся хиленькие циферки.

– Неправильно. Смотри, ты тут шестерку на девятку опять перевернул. Внимательнее. Ты не выйдешь из класса, пока не решишь эти простенькие задания. Тут же ничего сложного нет.

Двенадцать штук! У Дая что-то оторвалось внутри.

Через час он решил всего четыре первых примера. За окнами начинало темнеть. Пришел главный учитель, посмотрел и махнул рукой:

– Какой смысл? Хватит терзать ребенка. Уже зеленый сидит. Артем сам с ним решит. Ты не виноват, Дай, ты – просто маленький еще для школы, тебе – подрасти надо...

Проклятую, исчерканную, закапанную слезами контрольную убрали, вместо нее положили какой-то серебристый «Переводной лист». Его имя без фамилии, потому что ее

у него и не было никогда, а потом названия предметов, и против них – нули и единицы. Только по природоведению «четыре».

Ну вот и все.

– Иди домой, – тихо сказала учительница.

Это куда, интересно? Ребят лучше больше совсем не видеть. Стыд какой. Учительница еще что-то хотела сказать, главный учитель зачем-то наклонился и взял за плечо – но тут вдруг откуда-то взялся Артем. Шумно сбросил морозную куртку, заговорил громко. Дай ни слова не понял, не шелохнулся, так и сидел и смотрел на прочерки по плаванию и по музыке. Небо, грузное от снега, тяжело легло на плечи. Он вот уронит его сейчас. Оно как рухнет. И тогда точно не будет больше ничего. Ни ребят, ни мечты о Венке. Ни Артема. Больничка будет для слабоумных. А Юму-то что он скажет?! Юму-то?!!

Артем наклонился, опершись руками о низкую парту. Присвистнул, поглядев в бумагу перед Даем. Потом еще наклонился и поцеловал в макушку, тихонько спросил:

– А ты ел сегодня? А ночью спал?

Дай помотал головой. Артем так же тихонько позвал:

– Давай домой. Где твоя одежка? Иди одевайся.

Дай опять помотал головой. Он так и не отрывал глаз от прочерков по плаванию и музыке. Он-то знал, что это неправда, что он поплывет, если его бросить в воду. Он же поплыл тогда... И еще он знает ноты...

Артем будто прочел мысли. Выпрямился, положив ладонь ему на голову. От ладони шел нежный-нежный холодок, и вокруг становилось чуть светлее. Артем вполголоса сказал кому-то очень спокойно:

– Эти оценки не соответствуют действительности. Мальчик, который высчитывает оптимальные взлетные треки и играючи управляет с пилотскими интерфейсами, не может иметь ноль по арифметике. Чувшь это все. И плавать он умеет, и рисовать. И уж читать он точно умеет.

Артему тихо возражали, показывали исплеванные красными исправлениями работы. Стыдно. Он растеряно посмотрел по сторонам – и увидел на полках эти музыкальные штуки. Разве попробовать? Он ведь всегда слышит, как надо правильно петь, ну и что, что сам петь не может... Ноты знает. Никто из ребяток не знает – а он знает... Эти простые штуковины не слишком похожи, конечно, на синтезатор, что у Юма на корабле, или на маршевый пульт, но ведь октавы везде одинаковые. Тихонько он встал, подошел к ближайшей полке и положил руку на инструмент, оглянулся на Артема. Взрослые замолчали. Артем спросил:

– Достать?

Дай кивнул.

Артем подошел и переставил инструмент на парту, нажал какую-то кнопочку, включая. Засветились индикаторы. Клавиши были чуть шире, чем Дай привык, но их было не больше, чем на маленьком игрушечном. Он сообра-

зил, где что, проверил одну октаву, переключил тональность, глубоко вздохнул, перестал дышать и одной рукой начал ту тихую волшебную песенку Юма, которую любил больше всего и нотки которой подобрал без ошибок – только получилось так пронзительно и точно, что он едва не бросил клавиши. Но удержался, подступил ближе и заиграл увереннее. Неужели получилось? И что, можно вот просто так взять и сыграть это чудо? Он даже забыл, где он, нотку за ноткой воспроизводя то, что звучало внутри, разволновался, почему-то подкатили слезы – он удержался, не заплакал и не сбился. Доиграл.

Артем наклонился и заглянул в лицо. Дай быстро улыбнулся, чтоб не заплакать; заметил остальных больших, не различая, впрочем, их лиц; вздохнул и обеими руками небрежно сыграл начало отрывка той симфонии, что слушали вчера на уроке, очень, кстати, похожую на систему аккордов разгона маршевых двигателей (сто раз слышал, как Юм разгоняет корабль, да и сам играл: Юм давно много всего такого велел выучить) – сколько помнил. Нечаянно сбился – плач внутри помешал – все бросил, повернулся и уткнулся в Артема, который тут же подхватил на руки. Дай спрятал лицо в ладошках.

Большие молчали.

– Этого не может быть, – наконец сказал кто-то. – Откуда... каким образом? Кто учил его? А слух какой!!

– Настолько... Настолько просмотреть ребенка... – начал

было Артем, но тут же смолк. Погладил Дая по спине: – А ты тоже хорош, скрытная зараза... – он велел большим: – В-первых, принесите ребенку попить и поесть. Он у вас сутки голодный, а даже этого никто не заметил. О нервном срыве я уже и не говорю.

Кто-то вышел торопливо. Дай отклонился и сквозь пальцы посмотрел на Артема. Будет спасение? Тот улыбнулся совершенно спокойно и крепче прижал к себе:

– Во вторых, мы вам сейчас еще покажем, как вы не правы. Да, малыш?

Учительница легийского принесла две бутылочки сока и разное печенье. Артем посадил Дая и велел:

– Поешь. А вы, коллеги, пойдете.

Дай вздрогнул от интонации слова «коллеги»: Артем их всех живьем теперь съест. А они-то ведь с Даем терпеливо возились, старательно. Занимались целыми днями. Он сам виноват, что трус и все скрывает...

Сок кончился очень быстро. Он сгрыз еще половинку печенья, свободной рукой снова перебирая точные нотки на инструменте и поглядывая на синюю зимнюю темноту за окном... Вернулся Артем и принес еще сока. Открыл Даю тугую крышку бутылочки. Когда Дай напился – улыбнулся, взял за руку и повел за собой. В коридоре, где за стеклом стены уже была синяя темнота и тянулись к свету белые перепутанные ветки, Артем сказал:

– Даюшка. Ты на днях такую лису рыжую веселую на-

рисовал, помнишь? Шикарная ж лиса?! А в школе почему все криво-косо? ...Ну, не вздыхай так... Я так понял, что в школе тебя совсем не знают. Эта твоя музыка их вообще потрясла. Меня, впрочем, тоже. Я дома слышал, что ты потихоньку что-то подбираешь, но почти не слышно, мелодии не разобрать, и я тебя не тревожил... А ты, оказалось, играешь на уровне подростков... Ох. Ну что ж ты натворил со своей скрытностью? Почему ты с ними так? Ты ж, я знаю, ни к кому головы не поднимаешь. В глаза не смотришь, убегаешь, отворачиваешься. Молчишь – да и до этого с учителями не разговаривал. Ты же им ни одного шанса не дал. Вот они и думали, что от тебя ждать нечего. Давай их убедим, а?

Дай кивнул. Он на все был согласен, хоть стадо лис нарисовать, хоть сто диктантов написать, только чтоб Артем руку не отпускал. Артем спросил:

– Что же тут так тебя обидело, что ты никому не доверился?

Дай пожал плечами. Тут все чужие. Зачем им веселые лисы...

– Нежный ты, как призрак... Видно, школа тебе не подходит. Что ж, будем решать.

Через минуту Дай сидел в незнакомом кабинете за экраном с задачками. Иногда зевал. Едва касаясь и слегка небрежно – как Юм – на клавиатуре набирал ответ. Экран согласно пиликал. Учителя вокруг становились все более на-

пряженными. Артем вдруг отвел руку Дая, пропустил много заданий и остановил программу на длинной задаче. Дай читал ее только полминуты, потом набрал ответ – коэффициент половинного спрямления будет вот таким. Тысячные он не стал набирать, поставил многоточие. И так правильно. Артем еще нашел задачку, и, чтоб выстроить гиперболу курса в каких-то нереальных гравитационных условиях, пришлось зашлепать по клавишам обеими руками. Шлепал он примерно две минуты, но только потому, что пальцы ватные.

– ...Но почему, почему он тогда не решает детские примеры? – не выдержала учительница математики.

Артем только вздохнул. Зачем-то опять в который уже раз поцеловал его в макушку, поставил на ноги:

– Все, мой тихий. Иди одевайся. Но не выходи один, подожди меня.

Зевая на каждом шагу и вздрагивая от усталости, Дай прошел по пустому коридору с синей стеной вечера с одной стороны и пестрой от новогодних рисунков с другой; держась за скользкие толстые перила, спустился вниз. Тут тоже никого не было. В раздевалке висела лишь его куртка. Дай устало сел переобуваться, и очень долго, потому что ватные пальцы, возился с застежками синих школьных башмаков, а потом с карабинчиками ботинок. А куда же теперь башмаки деть? С собой забирать? Артем скажет. Дай надел толстую куртку и сразу согрелся. Потом шапка... он уронил и подобрал

шарф. Снова сел, прислонился к стене. Тепло, лень двинуться...

А потом вдруг оказалось, что он дома, в своей кроватке, и Артем укрывает одеялом:

– Спи, спи, Дайка. Все хорошо. Ты дома.

Наутро он почему-то проснулся таким же полуживым. Голове больно, телу противно, жарко. Мутно в горячих глазах. Он даже не сразу вспомнил, почему он у Артема, а не в интернате. Когда встал и умылся, вроде бы стало посвежее, полегче. Артема не было. Дай слегка удивился, а потом подумал – а где же еще Артему его оставить, если надо на работу?

В столовой – завтрак, но есть не хочется. В окна сквозь искристые ветки заглядывало ярко-синее небо, и Дай решил, чем заняться. Давно мечтал. Побежал – потом пошел, потому что от бега в голове стали колоться и кататься тяжелые колючие шарики боли – к себе, нашел в шкафу тяжелую сумку с коньками. Каток-то близко. То есть не каток, а озеро. Громадное. А что его снегом засыпало, так это ерунда. Артем не рассердится, наоборот, он любит, когда Дай играет на улице и «дышит воздухом». И никакого тренера нет, чтоб запретил прыгать... А волки... Ну, они ж невидимые, как они помешают...

Пробирался он до озера долго, лез от расчищенной дорожки по глубокому снегу между больших деревьев. Добрался, запыхавшись. Голова разламывалась, но все равно от мо-

роза противный жар прошел. Дай оглядел идеально ровную, нетронутую, белую пушистую плоскость. Почти бескрайнюю. Улыбнулся. Тут хорошо. Потом – устроил небольшую метель. Минутки на три, только чтобы запахло глетчерами, и даже развеселился. Потом еще подморозить рыхловатый лед... Правда, голова закружилась, но он съел немного снежку, и прошло.

Ну и что – из школы выгнали.

Это еще не беда.

И к ребятам можно будет в гости приезжать и играть. А Торпеду с Сережкой Артем разрешит, наверное, и сюда позвать.

Артем ведь его никогда не бросит. Он обещал.

Освободившийся, идеально ровный лед показался громадной тарелкой, вровень с краями налитой небом. Страшно ступить, и он несколько минут смотрел, как в голубой глади льда отражаются замершие, покрытые инеем темные верхушки сосен и кедров. Потом сел прямо в сугроб, мягкий, уютный, скинул ботинки, в которые набился снег, быстренько обул коньки. Новенькие, легкие, холодные, с серебряными звездочками на лезвиях.

Никого нет. Никто не скажет, что можно, а что нельзя... И он попробует и петлю на носке, и все реберные прыжки... Хотя бы в два оборотика... И всякие детские фонарики и змейки... Наконец Дай решил и перелез через наметен-

ный вал снега на лед, и еще минуту смотрел, как небо во льду сияет и переливается. Он никогда еще такого гладкого-гладкого льда не видел. А если прямо под ноги посмотреть, то там подо льдом темно, и загадочные ходят глубоко пузырьки. Там же вода. Но озеро не глубокое, Артем говорил, почти до дна зимой промерзает, так что не очень страшно.

Дай оттолкнулся и тихонько поехал. От счастья и красоты защекотало затылок, и, сначала вразнобой, а потом все более связно зазвучали нотки – и будто не только в уме, а во всем – в сердце, в грудной клетке целиком, в руках и ноющих от жадности скользить ногах, и особенно щекотно под ребрами... музыка сложилась. Выкатывая ее в движение, он описал круг, потом вспомнил подходящий вираж и пару минут отработывал плавность движений. Юм, когда работает, все делает очень плавно. Надо так же. Хочется, чтоб все было красиво, каждая дорожка, каждый каскад простых движений, и попадать в ритм и умные нотки, звучащие внутри и щекочущие под коленками... К тому же, если плавно, то в голове никакие колючки никуда не вонзаются... Простые прыжки и каскады получалось без усилий, на хорошей скорости, может, потому, что никто не смотрел, только деревья. Голова перестала болеть, потому что холод остудил горячий лоб. Но во всем послушном теле Дай ощущал непонятную истому, почти тоску. И становилось жарко. Он скинул на лед пухлую куртку, помчался быстрее, стал прыгать выше. Счастье. И красота.

Потом исподволь загудело небо, Дай даже не осознал, что это такое слышит, пока низко над озером не прошел знакомый люггер. Сел Артем прямо в сугробы берега. Дай остановился, ощутив, как неправильно быстро колотится сердце. В голове снова стало горячо. Он поехал к вышедшему Артему, поманившему рукой, но захотелось напоследок еще прыгнуть, и он раскатился сильнее, толкнулся ребром и в густом сопротивляющемся воздухе вывел собой идеальную амплитуду двух оборотов прыжка так плавно, что почти невесомо приземлился и, сияя, прокатился метров десять до Артема на одном коньке.

– Чудо мое, – улыбнулся Артем. – Ты нашел себе новое волшебство?

Дай смутился. Волшебство? Просто нравится кататься. Потому что красота.

– Ты точно раньше не учился?

Дай помотал головой. Смутно он помнил под всеми бесконечно отсмотренными уроками фигурного катания что-то давнее: то ли музыка, то ли просто тихое мурлыканье Юма, шорох коньков, какое-то бесконечное, подземное холодное пространство, идеальный синий, почти черный лед близко-близко – он сам, тепло закутанный, едет в санках, которые тянет за веревочку катящийся на тускло посверкивающих коньках Юм. Дай везет, прижимая варежками к пузу, черный рюкзак Юма (там пряники и термос) ... Но это было давно-давно. Замерзшее озеро под глетчером? Там бы-

ло темновато, все синее... Юм катался, да, но Дай думал, то это он, как обычно, делает собой какое-то красивое волшебство... И хотел так же.

– Эй, задумчивый. Я за тобой, – сказал Артем. – Поехали на праздник.

Музыка внутри оборвалась. Ой. Какой праздник?

– Начало каникул, забыл? А куртка где? – Артем помог найти в снегу затерявшиеся ботинки, посадил Дая на капот люггера, стал распутывать заледеневшие шнурки на коньках: – Что ты узлов тут напутал... Зачем куртку снял? Ты что делаешь? Простудиться хочешь? Нет, ботинки обувать не будем, ледяные же... Пусть согреются.

Артем стащил с его застывших ног коньки, взял за бока и скорее сунул в тепло салона, в белое креслице и даже пристегнул сам, как маленького; закинул назад куртку, холодную, пахнущую льдом, башмаки и коньки с заледеневшими шнурками, сел за руль, и, поднимая машину мимо деревьев так плавно, что Дай успел заметить нетронутый ветрами, слежавшийся в развилках веток тусклый снег, сказал:

– Ты, мой удивительный, знаешь, какие ты вчера задачки решал? Вступительный тест Венка. Учителя твои... В замешательстве. Ну, где ж ты всего этого нахватался, а, молчун? Умник. В школу больше не пойдешь. Маленький ты для нее, так будешь учиться... Проживешь каникулы у меня, а там решим. А сегодня праздник.

Это не его праздник. Голова болит. Ой, болит... Но ес-

ли Артем велит, значит, он должен? Но он ведь не заслужил – со своими ужасными оценками... Из школы что, выгнали? А ребята? Дай вздохнул. Люггер висел высоко в голубом небе, только седой лес внизу быстро катился от горизонта назад. В салоне тепло – опять стало тягостно и жарко, повело в сон. Лицо стало тяжелое и горячее, и он стал стучать ладошки о керамлит окна и прикладывать ко лбу и жарким щекам. Артем покосился:

– Жарко? Это ты накатался, вон какой румяный. Если пить хочешь, то в дверце вода, бутылка синяя.

Дай вяло попил невкусную минералку. Артем посмотрел пристальнее:

– Ты опять вареный... Расстроился из-за школы? Из-за своих ребяток?

Дай кивнул.

– Но ведь ты с ними-то в последнее время даже не играл?

Дай пожал плечами. Как объяснить, что, хоть они намного крупнее, но – не взрослее? Что с ними – неинтересно? Но они... родные?

– Зря я тебя без присмотра оставил.

Дай виновато улыбнулся. Но ведь он же ничего плохого не натворил. Покатался только. Почему он раньше Артема боялся? Ведь свет, которым сияет ясноглазый и всемогущий Юм, в самом Артеме тоже сразу бросается в глаза. И еще в нем что-то... Доброе... Дай устал и прислонился виском к защитному мягкому выступу подголовника. Какая

убаюкивающая эта линия плавного полета над лесной шубой... Слишком жарко и одновременно колюче холодно. Артем встревожился:

– Да что с тобой? Спать хочешь?

Дай кивнул. Артем еще что-то сказал, но Дай слышал уже неясно, сквозь неодолимую жаркую лень. Артем ледяной рукой потрогал лоб. Глянул расширившимися, ярко-серебряными глазами, секунду еще летел прямо, а потом резко переложил люггер на другой курс.

Ну, вот... Докатался. Госпиталь. Белые коридоры, палата с окном в лес, врачи. Уколы, таблетки, микстурки, горячая подушка, жесткая пижамка... Все, заболел. Артема не было, работа, – но он оставил, как привет, книжку с картинками. Да и вокруг были врачи, которых Дай немного знал. Няня сидела у кровати и никуда не уходила, давала Даю понемножку какое-то кислое теплое питье и тихонько читала оставленную Артемом книжку про смешных зайцев. Картинки – еще смешнее, Дай их разглядывал долго и смеялся бы, если бы горло так не болело. А так лишь улыбался. Лежал пластом.

Совсем уж плохо было только в первые день и ночь. Потом он всего лишь чувствовал себя тяжелой ватной куклой, промокшей от лекарств и пота. Только тоненькие проводочки нервов натянулись внутри так туго, что плакать хотелось. Но он терпел. Кроме вечеров, конечно, когда, просидев с ним часок-полтора, уходил навещавший Артем. Он остав-

лял книжки, маленькие игрушки и тяжелые, милые, с липкими капельками смолы, темно-коричневые кедровые шишки. Даю нравилось их расколупывать и вынимать крепкие орешки. Или даже просто нюхать... Вот после ухода Артема он и нюхал. И плакал. Голову прятал под одеяло, чтоб никто не видел.

Больница оказалась местом не страшным, а скучным, привык он быстро. Взрослые – тихие и заботливые. Других заболевших деток он не видел и не слышал – да были ли они в соседних палатах? Наверно, он один такой дурачок, что заболел. Днем с ним сидели няни, читали книжки, играли в лото, заходили добрые доктора – а ночью была открыта дверь в полутемный коридор, и там неподалеку, в налитой от пола до потолка стерильной тишине был дежурный доктор. Не страшно, но надо терпеть медленное, вязкое движение времени. И лечение надо терпеть. Он терпел, когда светили в горло каким-то зеленым светом, жевал честные беленькие таблетки, потому что ему нравилась их рассыпчатая горечь; давился липким сладким витаминным сиропом, пил соленую скользкую водичку, которая тут же проходила насквозь обильным скользким потом. Ласковые нянечки помогали переодеть рубашку, приносили на белых больничных тарелочках пахучие яркие фрукты. Тесный ошейник на горле, от которого было больно глотать, ослабел и исчез; и разрешили вставать. Дай стал включать экран на стене против кровати, выбирал сказки. Только ни одну до конца не до-

смотрел – или сразу становилось неинтересно, или уставал от шума, криков, звона и мельтешащих приключений. Или внезапно так жалко становилось всех этих выдуманных людей, что слезы потоком лились. Совсем стыдно.

Предновогодние праздники Венка смотреть легче. Сказки, спортивные соревнования, интеллектуальные турниры, фильмы о достопримечательностях других планет, о заповедниках и музеях, о космических путешествиях и о самом Венке – Дай не уставал. Полюбил эти картинки счастливой жизни, так хорошо согласованной с голосом звездной бездны, которая их всех несла и напоминала о себе кораблями и месяцем самого большого терминала в вечернем небе и черными огромными, полными звезд и планетных шаров картами в каждом классе. Раньше упоминания о космосе будили в душе болезненный слезливый отзыв и тоску по Юму, а теперь – недоумение: как он сможет справиться с жизнью в этом огромном красивом мире без Юма? Мир такой большой...

5. Новогодний дракон

Утром последнего дня года ребята прислали Даю шесть рисунков, ярких, переливающихся от блесток и приклеенных пластмассовых снежинок, и открытки с пожеланиями новогоднего счастья. Дай разложил рисунки на одеяле и долго любовался. А потом все-таки заплакал. Но он так легко плакал теперь, что слезы ничего не значили.

Экран показывал снежные елки и детскую суету. Артем вчера вечером не пообещал, что придет. Да, у него сегодня дел впятеро больше, чем обычно, потому что завтра самый важный, главный праздник в Венке. Важнее даже летнего равноденствия, потому что звезда Айр появилась именно в новогоднюю ночь по воле Сташа Астропайоса... Даю, правда, не верилось. Такая же легенда о прошлом, как и все остальные. Из-за этой легенды у Артема сегодня времени нет – Дай все понимал, но хотелось ныть и плакать.

Дежурный врач принес маленькую игрушечную елочку, которая пахла почти настоящим хвойным запахом, и коробку с крохотными невесомыми елочными игрушками. Дай возился-возился с этой елочкой: наряжал, вплетал между лапок тоненькую мишуру. А потом опять вспомнил, что Артем может и не прийти, что у него на руках несколько тысяч детей. Минут десять пришлось смотреть в потолок, чтобы слезы не вылились.

После обеда няня – куда веселее выглядевшая, чем обычно, принесла большую коробку:

– Смотри-ка, зайнышка, что тут для тебя. Еще вчера Артем привез, да волновать не хотел.

В коробке было что-то очень праздничное. Волшебное почти, новенькое, черно-золотое, даже не сразу понять, что это одежда. Он потрогал пальцем шелковистую ткань и замер. Няня улыбнулась и, ошеломленного, быстренько увлекла в ванную и деловито выкупала. Она вообще-то няней не была, она просто еще училась на старших курсах медицинской Академии. Большая такая девочка. И она всегда смешила Дая, и сама веселилась и что-нибудь придумывала хорошее. И сейчас она чем-то таким вымыла ему голову, что тусклые волосы вдруг стали тяжелыми и пушистыми, и они их долго сушили и заплетали в сложную красивую косу с названием «дракончик». Потом началось торжественное одевание. Может быть, маленький Дай казался этой веселой девушке кем-то вроде куклы, но она возилась с ним так самозабвенно, что даже жмурилась. Одежда – как на картинках в учебнике истории: платьев два, и еще непонятная пелерина, но няня довольно быстро разобралась. Толстенькие черные штанишки, потом мягкое нижнее платье, все золотое и нежное, как девчоночье, и очень длинное, сверху второе, покороче, тоже золотое, но тоном темнее, с черными тонкими вышитыми узорами, с широкими рукавами и капюшоном. И еще эта штука, пелерина или как там ее, уже на-

оборот, черная с золотыми узорами. Такое только на новый год носить. А из коробки няня еще длинное-длинное черное пальто достала, тоже с капюшоном, длинным-длинным и с кисточкой, и все – с узенькими золотыми узорчиками. И золотисто-черную узорчатую шапку... И мягкие теплые сапожки... Только пока это надевать не надо... но они примерили, чтоб полюбоваться.

В зеркале стоял какой-то принц старинный. Там далеко в Плядах, в золотых дворцах он был таким. Даже шапочка похожа. Зачем в больнице такие наряды? Артем ведь это все привез и велел нарядить? Вдруг отпустят, он ведь почти здоров? Няня помогла снять пальто и сапожки, чмокнула в щеку и убежала. У всех новый год... Но Артем все не едет и не едет... Ему некогда... Дай посмотрел на свою маленькую грустную елочку. Прилег на застеленную кровать. То смотрел на тихую елочку, то разглядывал и трогал на себе черные и золотые узоры. Потом наконец сообразил, что, если Артем не придет, то придет Юм. Ведь – новый год. Он всегда приходит в новый год... Он обещал...

Проснулся в синем сумраке от острого свежего холода и счастья. Наклонившийся Артем – пахло снегом и морозом – тихонько спросил:

– Спишь, Дайка?

Дай обхватил его, шурша своими золотыми широкими рукавами, прижался изо всех сил.

– Ласковый ты мой малыш, – вздохнул Артем, выпрямля-

ясь с ним на руках. – Ты уж меня прости, что я так долго. Ждал, не ждал? Ждал... Ну-у, не плачь уж. Да не бойся, я ведь понимаю, почему. Нежный-то ты какой, оказывается. Душа сразу за ребрышками... Давай-ка одеваться. Хорошо, что ты поспал. Праздник впереди... А красивый-то ты какой! Понравился наряд? Я подумал, раз карнавал – будешь волшебным царевичем...

Карнавал?! Царевичем?

На улице стыли черные очерки елей в блистающем легийской галактикой небе. Снег под ногами повизгивал от мороза, дышать студеным воздухом – весело и вкусно. Пар от дыхания мгновенно замерзал мелкими искринками на толстом шарфе, которым поверх черного капюшона и шапки замотал Артем. Сидеть на заднем сиденье – чтоб не измять в детском кресле наряд – просторно и холодно. Зима снаружи пахла яблоками, была простой и прекрасной, но такой волшебной, что он верил: Юм совсем близко и вот-вот появится.

Люггер взмыл в праздничное светоносное небо, устремляясь, как почудилось Даю, прямо под жемчужную дугу легийской галактики. Ее видно из Венка только зимой, да и то не всю, и лишь ранним вечером. А летом – только свет над горизонтом... Никто и не поверит, что он там уже был. Это там – золотые города и узорчатые дороги, там белая лошадка пони и волшебные игрушки. И туда без Юма никак.

Внизу вдруг засияло, рассыпалось разноцветными игольчатыми гроздьями, и Дай прилип к окну. Артем засмеялся

и облетел вокруг неистовствующего фейерверка; поднял машину выше, еще выше, к самому седьмому небу – Дай увидел весь огромный, переливающийся фейерверками обруч Венка, уложенный в черно-белый узорный бархат леса.

И тут бесшумно блеснуло ярко-синим сиянием, и Юм, родной, легкий и тонкорукый, крепко-крепко схватил и щекотно прошептал под шапку:

– Здравствуй!

Дай сам вцепился в него изо всех сил – в родного, смеющегося, в тонкой белой рубашке. Он пах нездешним воздухом и горячим от солнца лесом. От счастья сквозь Дая полыхнуло золотой радостью так, что он сам зажмурился. Юм тихонько засмеялся и сказал:

– Светлячок мой родной.

Все вокруг позолотилось и стало светло. Медленно повернулся Артем. Юм втащил сияющего Дая на колени, покрепче прижал и смущенно и виновато сказал Артему:

– С наступающим.

– И тебя, – сухо ответил Артем. Мгновение помолчал и, тихонько и так нежно, что у Дая защемило в груди и в глазах стало горячо, сказал: – Здравствуй, Юмка.

И даже бросил штурвал, взял его руку, поцеловал и на секунду прижал пальцы Юма к своему лбу. Зачем он так сделал? Что ж, Юм ведь волшебник. А может, кто-то больше... На всем лежал золотой отсвет от него самого, руки из черных

рукавов сияли звездами – он уж и забыл, что так бывает – быть золотым фонариком.

– Тёмка, – так же тихонько сказал Юм. – Прости. А? Пожалуйста.

– Химера. Ящ-щерица, – Артем отвернулся к штурвалу, поправил подхваченный автопилотом курс и снова повернулся. – А как дитя-то сияет... Вот он, значит, какой на самом-то деле... А глазки-то какие зеленые... Дайка, да ты сам – как сказка... Юмка! Отлуплю ведь... Наизнанку выверну. Зараза. Бессовестная тварь. Ну... Так что же дальше?

– Не знаю...

– Юм!

– Я прихожу к Даю реже, намного реже, – сказал Юм, стаскивая с Дая черную шапку – сияние стало ярче – и целуя в лоб. – Но чую, что это тоже до добра не доведет... Но не могу вовсе не приходить. Мне нужен твой совет.

Артем опять бросил штурвал и развернулся:

– Старая история... Совет я тебе давал, когда ему было два месяца. Да что сейчас можно сделать: он-то стойкий, но скажешь – «Юмис», и его встряхивает! У него твои ухватки, твоя скрытность, твой образ мыслей – да все от тебя. А танцевать кто его так научил? А эквилибру? А этим твоим жутким навигаторским упражнениям? Да вообще все движения, даже как он зубы чистит, как дышит, как сказки читает, как спит – да вылитый ты... Копия. Думаешь, не видно? Другим, кто тебя человеком не знает, может, и не видно –

да я увидел... Он-то ни словом тебя не выдавал, такой же партизан, как ты!

Юм вздохнул. Артем добавил тише:

– Он – твое зеркало... Вы, похоже, родственники, только у Дайчика масть другая... И еще какая-то чужеродность, инакость. След другой крови. Но наполовину-то он точно ваш... Это заметно. Юмка, ты мне правду тогда про Дая сказал? Это – найденыш? Точно он не из вашей семьи?

– ...Ты с ума сошел?

– А ты посмотри, как он похож на Ние. Рыжий ведь, когда не золотой.

Юм уставился в лицо Дая. Дай терпел. Юм почесал под косой и пожал плечами:

– Ну-у... Да, похож. Ты мне предлагаешь спросить у брата, не потерял ли он где внебрачного ребенка? Так он мне язык раньше оторвет, чем дослушает.

– Слишком много сходства. Настолько, что я даже не показываю Дая Ангелу. Мне ваши тайны и так поперек горла. Решайте этот вопрос сами. И быстро. Сверх генотип. Вон посмотри на свои руки и на Дайкины... На ладошки, на пальчики, на форму ногтей...

Юм взял ладошки Дая, разглядел, нахмурился; улыбнулся, быстро глянув в глаза – и вдруг поцеловал серединку ладошки и прижал ее к своей щеке:

– Ну и что...

– «Ну и что»?!

– Тём, я давно это вижу... Но не могу объяснить.

– Гены смотрел?

– Боюсь.

– Юмка, а вот близнецы-братцы твои со своими исследованиями... Это не могут быть... Их генетические проделки?

– Исключено. Кто ж им разрешит. И они еще – учатся... Да, я их готовлю, так что их исследования – наши общие... проделки. У них есть идеи, но пока это на уровне расчетов. Им рано на Геккон, а сами – что они без моего ведома и ресурсов могут... Ну, и технологически мы даже на Гекконе еще не готовы к... К такому. Рано нам еще.

– Технологически... А что, готовитесь?

– Чтоб создавать искусственно вот таких вот Дайчиков? Да.

– А не боишься?

– Боюсь. Потому и не спешу. Ведь это очень трудоемкие расчеты даже для меня. Пока мы занимаемся базой и нави первого поколения. Они ненамного сильнее людей. А мне нужны нави, которые будут летать, как надо. То есть очень быстро. Естественным путем на появление таких тысячи лет уйдут. И мы – работаем. Понятное дело, что я давно вмешался, сразу... Геккон есть Геккон. Кое-что получается. Но Дайка не имеет к этому никакого отношения. Он – нормальный ребенок.

– Да ну? Неужели?! Да он так же похож на обыкновенного ребенка, как ты – на мартышку! Ладно, беда не в этом.

А в том, что ты, мерзавец, сделал с его жизнью.

– Да. Ему тяжело. Я велел все чудеса скрывать. И про меня никому не говорить. Темка, но что же мне делать? Если б я мог, я б вообще с ним не расставался. Но ему нет места в моей жизни! Куда мне его?

– Поэтому ты превратил его в неврастеника, который скрывает в себе вот просто все и боится смотреть людям в глаза? Ты вынуждаешь тага притворяться недоразвитым первоклассником и думаешь, что все норм? Ребенок боится вот просто всех на свете! Ты не понимаешь, что причиняешь ему вред? А каково ему тут после всех твоих чудес? Без тебя? Юм, Юм! Ну как же так? Зачем?

– Не знаю, как с ним быть, – тихо ответил Юм. – Ты прав, пора что-то менять. Хорошо, что ты забрал Дайку себе. Спасибо.

– «Забрал себе»? Ты что? Он не игрушка. Да его так измучила устроенная тобой неразбериха, что он рад спрятаться в любое тихое место, где можно побыть самим собой! Но он и во мне нашел что-то... Что позволяет ему быть искренним. При этом не выдавая тебя, заразу!! Юмка! Да я готов его усыновить хоть сегодня, но сперва надо понять, что его вообще ждет в будущем! А вдруг навязанное мной отцовство ему помешает? Я же понимаю, что это не просто ребенок, что это детеныш какого-то прекрасного чудовища, что вырасти из него может кто-то такой, что... Ох. Ну, Юм. Кто – Дай?

– Не знаю. Просто... Родной мальчик. Я... не могу без

него – и все. И он... Прекрасное чудовище? Возможно... Он таг, это правда.

Дай сильнее притиснулся и спрятал лицо ему под подбородок. Юм обнял его крепче. Не в чудесах ведь дело! Все долго молчали, а люггер планировал без управления. Артем спросил странным голосом:

– Таг... Или кто – появились какие-то небесные резоны? Ты видишь в нем Нехебхау?

– Не понял еще...

– Этакая глупость на тебя не похожа. А кто тогда у тебя там Дома? Девочка-то?

– Нехебхау. Наверное.

– Но тогда кто это? Он ведь тоже... Чудесный.

– Я не знаю. Да, это дико звучит, но я действительно не знаю, – Он наклонился и еще раз поцеловал Дая в лоб: – Артем, я его просто так люблю. Он мне с тех пор еще родной.

– Это-то я могу понять. Ты ему тоже – вон он светит, как фонарик. Но в нем... Есть что-то еще сродни тебе. Раз сумел научиться играть в твои игрушки... Может, все-таки это он – Нехебхау?

– Может быть. Похоже.

– Юми, – взмолился Артем. – Я не понимаю. Ты – и не знаешь? Ты что, с ума сошел? Если ты решил его здесь прятать, то почему мне ничего не сказал?

– Да я не прячу, – виновато сказал Юм. – Тёмка, ну ты сам подумай – кому я его могу еще доверить? Да куда мне

его деть вообще? Я – это я, а он такой маленький. Я не хочу, чтоб все знали, что он у меня есть.

– Дай, – позвал Артем. – Он часто к тебе приходит?

Дай помотал головой. Ответил Юм:

– В начале октября был последний раз. Брал его в Плеяды.

– ...Куда?!

– В Золотые Плеяды Доменов.

Артем опять бросил управление. Он так смотрел на Юма, что по Даю забегали колючие мурашки, сияние съезжилось – Юм глянул, горестно сморщил лоб и объяснил:

– Мы много времени провели на корабле. Он очень хорошо переносил мои любые таймфаговые выверты... Мы вообще с ним много живем у меня на корабле. Ну, или в Лесу, или в Плеядах... А здесь я выверял каждую секунду. Здешнего времени я на него почти не трачу. Здесь у меня и времени-то нет. Здесь что – работа и работа, а Дайке я весь целиком нужен... И он так кстати растет медленно.

– Мы оба знаем, что это за признак.

– Да. Потому он и тоже стал мне так нужен. Он мой Младший. Мы оба теперь друг от друга зависим. Потому я и стараюсь обучать его сам. Да, и он не растет почти за те месяцы, что со мной, потому здесь никто ничего и не замечал. Можно учить и воспитывать, можно путешествовать и все показывать. Я не считал, но, кажется, он со мной больше времени провел, чем здесь. Того времени, конечно, не линейного.

– Ну, и зачем же эти уловки?

– Не хочу, чтоб все знали, что он у меня есть, – повторил Юм.

– Да ты боишься за него, – мягко сказал Артем. – Ты что, своим не веришь? Почему ты думаешь, что тут ему лучше, чем Дома? Почему ты прячешь его от братьев и Деда?

– Да потому что Дома-то меня или нет, или я пашу, как тварь... Мне что, Деду его сдать на воспитание? Так я Деду его показывал младенцем, и он – ты знаешь, что он сказал...

Они опять долго молчали. Дай внимательно смотрел то на одного, то на другого. Артем поймал его взгляд и усмехнулся:

– Пора что-то решать. Его школа вон уже до нервного срыва довела.

– Я уж понял...

– Юм, ты кажешься растерянным.

– Это так. Надо сначала понять, Нехебхау он или... Просто таг. Но как понять? Понимаешь, несомненный результат будет тогда, когда Нехебхау впервые сделает... выполнит свою функцию. Таковую... В возможность которой даже я не верю. Ну, ох, пусть отец прав, это будет – а когда, в каком возрасте? Я не хочу никого из них торопить. Ни Дая, ни тем более девочку. Та ведь совсем малявка, растет как есть – ее нельзя по временам перемещать. Она вообще очень нежная. А Дайка – ты прав, очень не прост. И происхождение его неясно. Пусть растут пока.

– Юм. Но ведь есть же Венок, в смысле – не школа,

а Corona Australis. Он там лежит для Нехебхау.

– Это еще хуже. Они оба, и Дай, и Ника, легко приблизятся к Венку, потому что я их обоих очень люблю. Вот как ты. Но... Миг прикосновения... Я не знаю, что стрясется. Я разве могу рискнуть?

– ...Можешь. Должен. Путь Драконов, – помолчав, с испугавшей ничего не понимавшего Дая усталой интонацией сказал Артем. – Не тяни тогда с этим. Ты останешься хотя бы на день? На час? Юми?

– Да. На сколько нужно. Хочу побыть с вами. И... Я сегодня вмешаюсь в ваш Праздник, а завтра буду работать.

– В Храме? Юм, что случилось?

– Захотелось, – сумрачно ответил Юм и лег горячим подбородком на макушку Дая. – Может быть, правда не стоит тянуть... Я решу... В Круге все становится понятнее. И расскажи-ка мне, Тёма, что это такое с ребенком. Он и раньше не часто улыбался, но теперь-то... И такой замученный и все молчит? Артём!

– Ты виноват, – не оглядываясь, сказал Артем. – Сам понимаешь. Но я тоже виноват. Сначала недосмотрел, потом поторопился. Он болел тяжело, вот только выздоровел.

– Он без меня если долго – болеет, – вздохнул Юм и поцеловал Дая в висок. – Энергообмен есть... Дайка зависит от меня здорово, я заметил уже, – Юм все обнимал Дая, поглаживая по лопаткам. А какой у него голос. Родной. Нужный. Единственный. Сердце томилось от сумасшедшей тоск-

ливой нежности. Он всегда так быстро уходит. Как, чем его удержать? И почему нет ни места, ни времени в настоящей жизни Юма? – Дайка, все будет хорошо.

Так говорят, если впереди неприятности. Дай сжался. Стало жарко и скучно, свет совсем померк. Чуть отстранившись от зорко взглянувшего Юма, он долго разматывал пухлый шарф, потом расстегнул воротник. Люггер медленно нес их куда-то под самым потолком неба, и звезды казались дырочками, проткнутыми в черной бумаге. А месяц терминала, наверное, вырезали из фольги от шоколада. Артем рассказал про башню Испытания и про то, как Дай перестал говорить.

– Возможно, это знак, что он готов к инициации, – сказал Юм. – Прав Филин, это Круг. Только... Что-то я не верю. Он ведь еще такой маленький. Я этого не допущу. Пусть лучше молчит, – он приподнял к себе лицо Дая, заглянул в глаза: – А ты не бойся. Верь себе. Да. Ты все равно мой родной, кем бы ты там ни оказался...

Дай потерялся об его плечо лбом. Мир снова стал золотым. Юм достал из воздуха его узорчатую золотую шапочку с зелеными самоцветиками:

– Помнишь? – помог одеть, поправил, снова обнял. – Но вообще-то, ты прав, Темка, со сказками пора заканчивать. Но вы меня удивили со школой. Он же считает не намного медленнее, чем я, он в ротопульт залезал и вполне справлялся.

– ...Куда залезал?

– В таймфаг. Простейшие пока, короткие треки, конечно, и я на контроле. Он молодец и умница. Я же говорю, он – таг! Обучается с одного взгляда. Я был неосторожен. Пришлось и объяснить. Он научился.

– Ты... Ты изверг.

– Я не знаю, что мне делать, Тёма, – снова сказал Юм. – Конечно, школа как таковая ему не нужна... Ему дом нужен... Ладно. Венок – значит, Венок. Не будем тянуть. Дайка, ты знаешь что-нибудь про Звездный Венок?

Дай помотал головой.

– Если только от тебя, – сказал Артем. – Он и в Храме-то никогда не был... Юмка, ты уверен?

– Сам же говоришь: «не тяни с этим»... И ты прав, как обычно.

Потом начался праздник. Артем их отпустил одних, и Юм, никем не узнанный, старался подбавить к празднику чудес, как мог. Стало некогда думать про непонятный разговор в люггере. К тому же Юм крепко держал за руку или за шиворот, а то и вовсе подхватывал на руки – и они оказывались в новом волшебном месте. Но это все-таки был Венок: школы, стадионы, катки, парки... Везде звучала музыка с серебряными нотками новогодних колокольчиков. В небе по желанию Юма летали огромные разноцветные планеты, мелкие золотые дракончики и старинные парусники. По земле гуляли слоны и клоуны. Все обыкновенные здания пре-

вратились в древние замки и причудливые дворцы, а на слонах и верблюдах – пожалуйста кататься. Или в серебряных самоходных санках: они тоже покатались, и как тепло и радостно сидеть у Юма под боком и смотреть на качающиеся чудеса вокруг, на деревья, все покрытые цветными огоньками, конфетами и игрушками – жалко, катались недолго... Ледяные горки... лабиринт... Домики из леденцов... Кружка с горячим сладким молоком, и Юм не торопил, а тоже пил горячее молоко, и узорный пряник они съели пополам... И побежали скорей дальше, потому что – Бал... С елок в школьных дворах и в парках прыгивали игрушки и танцевали под тоненькие песенки. Всем было жарко, но снег почему-то не таял.

И вот заиграла таинственная музыка и начался Большой Бал. Все девчонки оказались принцессами в платьях с кружевами или феями в совсем уж умопомрачительных нарядах. Маленькие мальчишки в костюмах всяких викингов, волшебников и королей бегали везде и орали от счастья, а те, что постарше, словно впервые заметили своих ровесниц. Да. Хочется смотреть на девочек... Они нежные и волшебные. Даже Юм иногда поворачивал голову и провожал их глазами.

Волшебник Юмис расправил над Венком такой огромный парус чудес, что всех детей, кажется, унесло в те же волшебные страны, где раньше бывал только Дай. Но руку Дая, как и на том прошлогоднем карнавале в старинном городе, Юм не отпускал. Они много где побывали. Даже на слоне покатались: посидели в качающемся зеленом, со всякими золо-

тыми висюльками и колокольчиками, шатре у него на спине. Слон почему-то пах пряниками. И на главной елке были, где Юм устроил такое с пиротехникой, что все просто сели в снег и смотрели в грохочущее яркое небо, задрав головы. И на всяких представлениях были и тоже вмешивались, причем Юм все притворялся обыкновенным мальчиком, небольшим, примерно двенадцатилетним, и даже платье на нем возникло синее школьное – его карнавальный наряд. Все – наоборот, в сказочном, а Юм – в обычном. Точно – волшебник... Вообще-то он таким и был всегда – небольшим. Ой, а зачем этому всемогущему существу детский облик? Детская порой речь, любопытство, подвижность, ровная веселость? Он ребенок. Вот как эти, большие мальчишки, что вокруг бегают. Он вовсе не взрослый, притворяющийся ребенком, он – подросток на самом деле. Почему? А если он вырастет, то каким станет?

Но как следует подумать об этом не удалось. Особенно когда они оказались на огромном катке (кажется, в реальности это – озеро, даже с островами), и там началось что-то совсем уж волшебное, с мерцающими огнями, с огромными снежинками, с музыкой. Дай, оказавшись на коньках, сначала в длиннющем золотом одеянии путался, но Юм спохватился и переформатировал платье на штанишки, и больше Дай от него, хоть он и летал, как комета, не отставал. И научился таким прыжкам, которых раньше даже представить не мог.

А потом музыка стала все тише. И тише. И цветные огни все тусклее. И Юм не прыгал больше, а катился все медленнее, крепко держа за руку. Озирался по сторонам, кого-то искал. И все вокруг тоже перестали кататься: или ехали тихонько к краю катка, к белым островам, или собирались группками, обнимались, поздравлялись, перешучивались. Дай испугался, что праздник кончается, но тут откуда-то подъехал на коньках Артем, а за ним внуки, притихшие, кланялись Юму, а тот лишь кивнул с улыбкой и подтолкнул Дая к Артему. Дай вцепился в ладонь Юма изо всех сил обеими руками: Юм уходит! Сразу поняв его, Юм упал на колени, обнял крепко свободной рукой и шепнул под шапку:

– Ну,пусти меня, карасик. Я сейчас, я скоро вернусь. Отпустишь?

Дай с трудом, как будто долго плакал, вздохнул и разжал руки. Юм сам обнял обеими руками, прижал к себе (Дай вцепился в него изо всех сил), вскочил – и как-то растерянно посмотрел на Артема. Артем что-то понял и грозно велел ему:

– Не вздумай. Рано. Юмка, рано еще!! – и отобрал Дая, похлопал по спине и Даю тоже велел: – Подрасти сперва. Давай смотреть...

О чем это он? А вокруг стало еще темнее и тише. Юм покатился прочь, все быстрее, и за ним оставался ярко-синий сияющий след на льду, а люди перед ним быстро раскатывались в стороны, и он мчался быстрее, быстрее – и вдруг синяя-синяя, темная, как низкая тяжелая нота, вспышка. Юм

исчез. Все замерли. Артем, прижимая к себе Дая, тихо сказал:

– Девять.

Новая вспышка, высоко над катком, еще темнее и тяжелее. Артем сказал, внуки за ним повторили:

– Восемь.

– Семь, – прокатилось шелестом над катком.

– Шесть, – тяжелый гул, и небо лишь чуть озарилось.

Все стояли, не дыша, и Даю показалось, что лед тускло светится черным.

– Пять, – разве свет бывает черным?

– Четыре, – такой низкий, опасный звук бывает в таймфаге, когда время начинает сворачиваться в ноль.

– Три, – Дай перестал дышать.

– Два, – в полном мраке существовал только голос Артема и крупные звезды далеко-далеко в небе. Дай ощутил, как к Артему с обеих сторон крепко прижались внуки.

– Один, – выдохнул Артем, а звезды погасли.

Все перестало существовать. Год истек. Кончился.

Ноль?! Сингулярность?

Взрыв синего света высоко в небе, и там, высоко-высоко... Громадный... Дракон мчался по кругу, снижаясь, оставляя синий как молния, сияющий след, замыкая его в кольцо над обручем городков Венка. Он был все ниже, все ближе, крылья в полнеба – какой... какой грандиозный... Какой прекрасный! Все ниже, ниже, и Артем крепче прижал

Дая, чуть слышно смеясь, смеясь так радостно, что Дай всем сердцем пожелал, чтоб этот прекрасный зверь в небе оказался не фантомом, как все эти, Юма рук дело, новогодние видения в небе, а настоящим... Ведь водятся же где-нибудь во Вселенной такие прекрасные зверюги? Он потянулся к дракону, вытянул руки – вот бы потрогать! – и тоже засмеялся. Как Юм здорово придумал: всем показать дракона! Такого черного, такого космического! Ох, какая прекрасная зверюга! Как он его придумал, такого ужасного и прекрасного?! Дракон прошел над катком низко-низко – какие лапы, а пузо худое, поджатое... Что-то лапы какие-то уж очень... Настоящие? С когтями... И пахнет он чем-то горьким, дымом? Народ на катке орал и вопил от счастья, скакал и валялся, причем не только пацаны, а все. Оглушительно орали внуки, так громко, что слов не разобрать, что-то про Юмиса и новый год. Артем засмеялся, вдруг перехватил Дая за бок, подбросил в небо, поймал и сказал:

– С новым годом!

Дай засмеялся, прижался лицом к его колючей щеке, потом отклонился, разыскивая взглядом Дракона – ну, или Юма... А, вот он! Юм, сверкая коньками – лед сиял под ними ослепительно-белыми узорами – мчался к ним, а во все стороны от Юма разноцветными огнями разлетался праздник. Артем осторожно поставил конечками на лед, отпустил – и Дай полетел навстречу Юму. Все вокруг стало золотое от счастья. Юм подхватил на руки, закружил. А потом

все музыка, музыка – до неба музыка... Еще Юм пел всем новогоднюю песню, а Дай катался вокруг него, как спутник вокруг планеты, старательно выполняя все фигуры, какие знал, и попадая в ноты движениями... А потом они еще катались, катались, и было столько музыки, такой непереносимо прекрасной, что хоть плачь.

Только он быстро устал. Щемило сердце от счастья и усталости, золотой свет стал слабее, мерцал за музыкой, ярче вспыхивая за точной прекрасной нотой – и снова потухая. Юм так быстро катится... какой он сильный... Как холодно что-то становится... Когда совсем запыхался, то перестал его догонять, сел (коньки мешают) на лед – Юм вернулся, упал на колени, заглянул в лицо – Дай сидел на льду и сиял совсем слабенько. Сил больше нету... Юм притянул к себе, и стало тепло... Можно смотреть в бездонное черное небо с громадными, рукой достать, звездами... Голова кружилась. Появился Артем, взял на руки, и они как-то вдруг все втроем оказались дома, и Артем расшнуровывал один конек на Дае, а Юм – другой. Хотелось спать – голову не поднять... Но дома тоже была елка. Громадная, так что Дай голову все-таки поднял. И подарки, и опять всякие волшебные чудеса, и золотая мишура, и огоньки. И среди подарков эта музыкальная штука с клавишами, большая – Дай тихонько сыграл (а что еще он мог им подарить?) самые любимые песенки, а Юм молчал-молчал, слушал-слушал, а потом стал так же тихонько петь. Очень красиво получилось. Потом Юм позвал под

елку, и та вдруг заняла весь мир. Пахло смолкой и мандаринами, и на каждой ветке – чудеса: говорящие зайцы или летучий корабль. Юм обнял его, как маленького, и тихонько-тихонько, почти без слов, запел колыбельную. Дай так и уснул, глядя, как на темной колючей лапе медленно кружится большой золотистый шар, и где-то там вверху в ветках путаются летучие разноцветные огонечки.

6. Corona Astralis

Но утром еще ничего не закончилось! Юм никуда не исчез! Он сам разбудил Дая рано-рано, когда за окнами все еще была черная новогодняя ночь, принес молоко и пряники. А Артем их поторапливал. На столе поблескивала новогодними обертками гора подарков – никогда столько еще... Юм выглядел так, будто не ложился, и на голове – совсем уж непонятная система кос. Но, умывшись, он взял и сложно замотал всю получившуюся красоту черной поблескивающей лентой, только длинные серебристо-черные хвосты кос остались свисать на плечи. Еще Юм заставил наряжаться во все новое, непонятное, тоже многослойное и золотисто-зеленое, а шапочку можно старую, любимую с зелеными камешками. Ну да, праздник, первый день года – только почему Юм так строг и тих, а Артем напряжен? Он тоже был в праздничном. А Юм платье надел простое, черное, похожее на рубашку, и потом прямо так, в нем одном, вышел на мороз. Но ему никогда холодно не бывает... Юм затолкал Дая на заднее сиденье и сам влез, обнял. На беленьком сиденье рядом с Артемом лежала высокая охапка особенных одеяний Юма, антрацитово-черных, пугающе поблескивающих мелкими прозрачными камнями.

Опять они летели втроем высоко-высоко, прямо под колючими звездами, наверно, там, где летал ночью волшебный

дракон... Какая напряженная тишина. Что это значит – Юм будет работать? И куда теперь? Это все вчерашний разговор про «нельзя тянуть»? Тонкая легкая рука лежала на плечах Дая, но казалось, что Юм где-то далеко. За много-много веков, за много миль. Это уже было совершенно иное существо, чем тот, кто недавно разбудил. Очень далекое. Тоскуя, Дай все косился на точный профиль Юма, напоминающий что-то невозможно древнее из исторических энциклопедий. Хотелось спать, мерещились вчерашние слоны, блеск и стук коньков, музыка, дымчатые переливающиеся планеты над верхушками елок... Синее сияние... Жизнь не казалась явью, потому что вот он – Юм. Как это так: здесь, в Венке, в люггере Артема, где тут вот рядом на заднем сиденье лежат какие-то папки с документами, – и Юм здесь на самом деле? В реальности? Нежный пламень расправляется в душе, если прошептать про себя его имя: «Юмис». И получается, что этот пламень всем видно – вот, на всем золотая дымка, это ведь его свет... Только бы Юм не уходил.

В темноте они сели возле огромного здания. Это храм? Ну да, это главный Храм Венка, Дай видел его на картинках. Зачем они вообще, храмы? Юм выскочил наружу, сгреб с белого сиденья черный ворох. Артем что-то очень заботливо помог Даю выбраться, а Юм вдруг уронил в снег тяжело осевший ворох, наклонился к Даю, взял горячими ладонями за лицо, прислонился лбом ко лбу и посмотрел в глаза. Обожгло синим. Ой. А Юм коснулся губами его лба, выпря-

мился, отступил, подобрал свое черное одеяние и, оставляя ключья мрака с нерасправленных крыльев ненадетой одежды, исчез в темноте. Дай разом погас и растерянно посмотрел на Артема. Тот взял за руку:

– Он тебя очень любит. Ты об этом всегда помни. Только ты еще помни, что ему тяжелее. Ему тяжелее всегда. Вот здесь – для всех здесь небо с землей встречается, а ему... Не пойдем пока. Не надо ему мешать, для него это страшное место. Как он преодолевает-то это всегда...

Храм – страшное место? Тут с Юмом что-то стряслось? Дай посмотрел на небо и темные огромные очертания здания. И так ясно, что Юму тяжелее, чем всем. Пусть он волшебный и все может, но ведь вся эта жизнь, весь этот мир так зависят от него! Как же это может быть легко?

Под снегом на земле исподволь засветилась и замерцала голубым огромная, уходящая за храм дуга. Потом полыхнула светом, вставшим стеной до неба и осветившим все вокруг. И возникло ослепительно белое, как кусок дня, крупнейшее волшебное здание, такое прекрасное, как если бы оно было во сне. Храм мерцал искрящимися гранями каменных линий и сиял, как днем. А вокруг ночь и зима... Небо гудело. Артем непонятно сказал:

– Хозяин пришел. Смотри, он с первого же мига контур максимально заполнил, а сейчас еще всего Дракона впряжет. Видно, больше не может, если решил объявиться. Правда, все уж вчера обрадовались, что он здесь...

С неба, серебристо вспыхивая, как медленный крупный звездопад, садились машины и выпускали людей. Дай потянул Артема вперед. Надо за Юмом – бегом. Юм не должен быть один. Особенно там, среди сплетения всех этих космических змей энергий и чар.

Огромные двери. Внутри – тепло, светло и так многоцветно, что внутри мгновенно полыхнула радость и сделала горячим, сияющим и легким. Артем куда-то дел его куртку, и все время крепко держал за руку, и что-то серьезно втолковывал. Дай кивал торопливо, и все порывался бежать найти Юма, чтоб помогать. В конце концов Артем его даже встряхнул и рявкнул:

– Нельзя! Тут будь. Я тебя сейчас спрячу, и попробуй только высунься. Таким маленьким, как ты, вообще здесь быть запрещается, понимаешь? И Юму ни в каком случае мешать нельзя! – лицо у Артема было непривычно светлым, и Дай испуганно понял, что он бледен от тревоги. – Ну что же мне с тобой делать! Даюшка, ты меня слышишь? Он же рискует сейчас всем. Всеми планетами, всем Драконом. Собой, тобой. Ты к нему рвешься, но пойми ж, он ведь работать будет, он ведь Астропайос Дракон. А это Храм. Горизонт событий. Да если он даже в одном вздохе ошибется, в одной ноте – все, гекатомба. Это же космос, в конце-то концов... А тут только детей сейчас тысяч пять будет.

Дай обхватил Артема, показывая, что наконец все понял и не побежит искать Юма. Стал рассматривать, где оказался.

Разные оттенки синего, голубого, черного, белого камня переливались мозаикой на уходящих в высоту стенах, пронизывающие их золотые узоры кружили голову странными, томительными линиями, в которых таился невыразимый, мучительно необходимый смысл.

А вокруг становилось многолюдно. Впереди собирались и выстраивались дугами большие дети, много-много, в черном и белом. Что-то делали высокие взрослые в черной старинной одежде.

– Мне пора, – Артем поднял его и поставил в глубокую нишу в стене, под ноги какой-то огромной статуи. – Тут будь. Ты маленький, а народа будет – тысячи. Снизу ты ничего не увидишь, а отсюда – как раз. И потом не слезай. Жди нас.

Он отошел и сразу потерялся во вдруг заполнившей огромный зал толпе. Все входили тихо, стараясь бесшумно ступать, но зал заполнял шелест, наплывало тепло. Много взрослых, и, наверное, впятеро больше разного возраста детей, от десятилетних до старших, которые отличались от взрослых лишь тонкой легкостью и горячим блеском глаз. Все в праздничной новогодней одежде, красивые и устремленные к понятному Даю источнику. Они тоже хотят видеть Юма. Жаждут. Некоторые, проходя вперед, замечали его, притаившегося у ног статуи, в этом поблескивающем, как елочная игрушка, платьеце. Улыбались мельком, правда, тагеты задерживали взгляд, оглядывались даже, что-то говорили друг другу. Непонятно.

Конечно, что-то он слышал о Храме Венка. И зачем вообще нужны Храмы – для праздников? Юм как-то связан с Храмами. Да еще Артем сказал – Юм хозяин этого всего? «Горизонт событий»? Что это? И как еще он сложно Юма назвал? Дракон как-то там? Интересно. И боязно.

Никогда раньше Дай здесь не был, и что это за вместилище счастья, невидимым синим огнем сгустившегося под далеким куполом – не знал. А потом можно будет прийти сюда снова? Здесь хорошо. Хотя, наверное, без Юма здесь все не так. Сейчас-то это ведь именно он заставил сиять всю эту каменную громаду.

Дай глубоко дышал. Этот невидимый огонь Юма, преломляемый и умноженный Храмом, превращался в нем в стремительный ток жаркой живой крови и сумасшедшую радость. Дикий и ослепительный, солнечно-синий свет наполнил его до макушки. Он поднес ладошки к лицу – они светились напряженным бело-золотым, нежным огнем, вздрагивающим от пульса – куда ярче, чем когда-либо. Он не хотел, чтоб это видели чужие и отодвинулся дальше в нишу, спрятавшись за каменную одежду статуи. И тут вдруг еще заметил: если касаться холодного темного мрамора, в камне вспыхивало и медленно угасало светлое пятно, высвечивающее крупинчатую структуру. Вот под ногами – целая лужица такого же белого, как солнечный снег, света, тоже вздрагивающего за горячо толкающимся в груди сердцем. Дай подумал, отколот от воротника тяжелую брошку из синих аметистов

и золотистых мелких топазов. Она была старинной, ее, превращая вчера в сказочного восточного принца, вместе с кучей еще всяких красивых старинных украшений на него навесил Юм, когда ехали на слоне. Это все они потом еще дома на елку повесили, но брошечку – да потому что камни были настоящие, живые – Дай оставил себе, играть. У брошки была толстая золотая игла застежки. Дай отодвинулся еще, в самую темноту за каменным подолом. Прижмурившись, ткнул тупой иглой себе в большой палец. Больно почти не было, а кровь и не светилась, как он ждал, только дрожал яркий отблеск на густой капельке. Дай присел и аккуратно капнул ее на темный мрамор. С глухим толчком сердца внутри камня брызнула такая яркая вспышка, что он подскочил и засмеялся. Не удержался и еще два разика капнул, ахая от сладкого испуга при ударе света, потом сунул занывший палец в рот. Сжимая брошку в ладони, осторожно выглянул – а народа-то! Стоят тесно, дети помладше впереди, у приподнятого в центре огромного круга, исчерченного поблескивающими линиями. За кругом, у сияющей стены, хор в белом и черном, оставляя проход в темноту, клубящуюся синим. Там, в приподнятом круге, где сияет черный лед пола и металлические линии, скоро появится Юм. Он будет делать что-то важное для всех... Дай раньше два раза видел, как Юм колдует-танцует для чего-то важного и непонятного. Это было ни на что не похоже и так красиво, что не могло быть наяву. А теперь – что, может? В реальности? На са-

мом деле? Там, под камнем и линиями круга, Дай чувствовал тех же просыпающихся знакомых змей разных энергий, сильных и опасных, которых Юм должен зачаровать и заставить сделать что-то хорошее. Но ведь сейчас-то все на самом деле, а не в сказке? И вчера, все эти слоны и елка – это ведь тоже все на самом деле? Не сон ведь?

Шорох и плеск голосов, как теплая вода, переливался у ног Дая. Он присел, чтобы казаться незаметнее; смотрел на людей, снова разглядывал кружащие голову линии на стенах. Кое-как приколол брошку на место. Казалось, что камешки щекотятся, если их неплотно трогать пальцем. А капельки крови на мраморе так и остались светящимся следом, яркими золотисто-белыми пятнышками, а сами исчезли.

Внезапно что-то произошло – натянутые радостные нервы вздрогнули и застонали. Это запел хор. И эту мелодию всегда мурлыкал Юм, когда усаживался у маршевого пульта своего корабля. А большие люди в черном, там, в круге, что-то совершали непонятное, будто очень медленно танцевали, и любой шаг, любой взмах широкого рукава, оставляющего в воздухе шлейф из рассыпающихся и тающих искринок, обладал почти уловимым смыслом. Как линии каменных сияющих узоров. Будто это было подсказкой, знаком, уравнением, которое нужно решить по знакомой формуле.

Он прижался к статуе. И неожиданно почувствовал, как ее наполняет добрая живая сила. Поднял голову, но статуя была такой большой, что он ничего не разглядел, кроме рас-

крытой над ним защищающей каменной ладони. А он даже не знал, кто это и как его зовут. Но он понял всем существом, что эта ладонь точно так же раскрылась бы над ним, если бы статуя вдруг ожила. Он улыбнулся и прислонился к согревающемуся от его тепла мрамору.

Посмотрел на те статуи, что были ему видны на той стороне зала. Они тоже лишь казались каменными, а на самом деле – ждали, живые и неподвижные, того же чуда, что и теплые, тихо дышащие, радующиеся люди.

Синий тайный свет так сгустился, что над кругом стало темно. Дай замер. Свет в центре зала сжался – и вспыхнул ослепительно. И там возникла невысокая темная фигурка в парящем вокруг многослойном одеянии.

Зал ахнул.

Значит, и для всех появление здесь Юма – это счастливое чудо, это что-то невозможное – и его узнали все!

Почему же его знают – все?

Ведь он – тайна?

Юм невыносимо плавно поднял руки, и голубая метель энергии закружила над головами, завертелась, заплясала. В каждом кванте этой волшебной энергии Дай чувствовал сотни будущих жизней. И вечность. Такого он не видел раньше... Конечно, видел, как Юм танцует, да он вообще всегда танцевал, и в Круге тоже, но то, что раньше позволял увидеть Юм, было ласковой игрой, забавой. Теперь каждое его движение казалось очень медленным от страшной тяжести,

которую несло. Даже воздуху трудно пропускать сквозь себя эти отчетливые плавные жесты. Это только похоже на танец. Это раскручивается грандиозный венок сил, такой, что даже планета под ногами кажется маленькой... Ему бы стало страшно, если б там в круге был не Юм. А так вся неистовствующая воронка энергий медленно кружилась, подчиняясь спокойным движениям существа незнакомо пугающего, но с родными синими глазами. Да, очень тяжело и опасно выводить собой все эти чары, сплести их, как нужно – но Юм не ошибется. Он вообще не ошибается. Дай почти понимал суть этих движений, складывающихся в подобие танца. Юм кружился и кончиками пальцев переплетал невидимых змей, создавал собой странный, бесконечно многотактный ритм, почти неуловимый, но почему-то глубоко разволновавший Дая. Он тоже хотел так кружиться и делать руками сложные медленные жесты, от которых чары и энергии дрожат от радости и сплетаются в широкое кольцо, которое задевает и людей, и большие статуи, и все кольцо Венка, и все, что дальше – звезды, планеты, корабли... И всех людей, и живущих, и умерших, и еще не родившихся.

Дай посмотрел на несущийся по кругу прозрачный страшный поток и теснее прижался к статуе. Надо тоже что-то сделать, что-то нужное, помочь Юмису. Что? Он не знал. Только слезы горячо текли по щекам и все тело дрожало. И еще эта музыка! Каждая нота умоляла и требовала – чего? Хор тянул низкие и высокие ноты. Вокруг тоненького напряженно-

го Юма взлетали и опадали волшебные антрацитово-серебряные одежды. Вдруг он нашел взглядом Дая – и, чуть-чуть, только для него улыбнувшись, запел.

Это был глубокий как бездна неба, знакомый голос, в котором чистейшими нотами тянулись слепящие и звонкие линии звезд. Это единственно возможный путь, это вечный зов, и в ответ в нем взмыла светлой и страшной волной какая-то нечуемая до сих пор, врожденная вечная страсть. Непонятная суть.

Движения Юма попадали в самую нервную суть души и ранили еще глубже. Он истекал светом и тоской. Может быть, если бы он понимал слова, то было бы легче? Юм пел все на том же тайном Чаре, который здесь знал разве что Артем – а Дай не понимал даже, зачем вообще Юму все это невыносимо тяжелое красивое действо. Он только слушал и отзывчиво, как струнка, дрожал.

Это длилось целую жизнь. И постепенно заканчивалось. Закончилось, затихло. Прошло. События, что сплел Юм, теперь сбудутся. Дай обессиленно свалился, прошуршав платьем по горячему камню, уполз в темноту, превратившись в вязко твердеющий золотистой смолкой кусочек тепла. Глаза ослепли, уши оглохли. Обожженная душа мерзла – надо уползти в защищающую темноту за статуей и свернуться в комочек поплотнее. Казалось диким вернуться в явь, и после *этого* голоса – обыкновенно жить: дышать, есть, спать... И не делать ничего из того, что умеет Юм... Юм! Сердце ле-

тало на страшных черных качелях над золотым от зари морем: бесконечный взмах в одну сторону, жуткий миг высоты – и снова в черный от звезд провал другого неба...

Явь. Дай будто проснулся. Платье царапает вышивками мокрое лицо, твердо лежать на камне. Темно. Только слабенький свет отзывается на редкий пульс из камня. Шелест шагов уходил из зала, и Дай наконец приподнялся. Вытер лицо ладонками, подождал, когда перестанет кружиться голова и дыхание и сердце приноровятся друг к другу. Потом осторожно выполз из-за каменных одежд, выглянул – и отшатнулся от пустоты черного матового пола, всего исчерченного слабо мерцающими прожилками. Даже камень устал. И никого нету...

Все ушли? Нет. Вон там, у страшного круга, несколько больших вокруг усталого маленького, черного с серебром. Побежать? Нельзя мешать... Дай сел, свесив ноги. Щеки горели, и он опять прислонился щекой и виском к прохладному гладкому мрамору стены. Провел пальцем по притянувшей его взгляд, вспыхивающей от его прикосновения змейке резьбы. Потрогал резную стену вне ниши, поглядел, как вспыхивают и остаются тлеть замысловатые, почти незаметные инкрустации: узоры, как буквы, и буквы, как узоры. Зачем это делали? Этого же не видно, если их не трогать светом. Он перевернулся, кое-как лег на пузо и, стараясь не скрести зимними башмаками по драгоценнейшей стене, сполз вниз, повис на слабых руках – и неслышно свалился

на скользкий пол.

В полу тоже обнаружили незаметные, подобранные по цвету инкрустации кварцитов, родонита и еще какого-то минерала, какой Дай никогда не видел. Зачем же это? Он долго обводил пальцем узоры на полу, потом на стене. Посмотрел вверх – до ниши не допрыгнуть. Каменный бог – или это звезда в образе человека? – ласково смотрел из-под каменного неба. Дай благодарно улыбнулся. Если б не край мраморных одежд, за которым он прятался, все было бы гораздо страшнее. Дай сосредоточился, поблагодарил за защиту и мысленно попросил разрешения поиграть со всеми этими инкрустациями и каменными секретами. Потом посмотрел в сторону людей возле Юма. Вон Артем. Он, вообще-то, велел не слезать. Хотя Дай ведь им разговаривать не помещает. Только тихонько здесь ходит и посмотрит.

Стены покрывали тайные узоры, которые складывались в понятные и непонятные символы и письма. Их все, наверное, проследить в громаде Храма и ста лет не хватит. Но все эти драконы, звезды, змеи и бесконечная вязь какого-то древнего письма не слишком интересовали. Лишь было интересно, до озноба меж лопаток, прикосновением оживать камень и смотреть на проявляющиеся узоры. Он следил за тайными сплетениями узоров, незаметно инкрустированных в основу иных камней, трогал другие, заметные, из явного крупного орнамента, большие и маленькие самоцветы. Они вспыхивали чистыми нотами синего, зеленого, красно-

го цветов и немножко согревали пальцы.

Дай любые камни обожал, сколько себя помнил. Летом у него всегда в карманах водились всякие симпатичные гальки. И в разных укромных местах возле интерната он их прятал, а некоторые по несколько часов носил в кулаке и хранил под подушкой. С камнями нельзя играть так же, как с водой, которая превращалась в пар или в лед. Играть с ними значило – любоваться, и сейчас Дай изнемогал от ноющей нежной тяги к древнему живому веществу, заколдованному здесь с непонятной волшебной целью. Он скользил по невидимым узорам в гладких стенах кончиками пальцев, как Юм по своим чарам, оставляя позади медленно гаснущий след. Прислонялся к огромным колоннам, раскинув руки, чтобы оживить как можно большее пятно резьбы. Дышал на самоцветы, заставляя играть, отбрасывая на ладошки щекочущие радужные лучики. В нетронутых инкрустациями мраморе обводил немеющим пальцем искрящиеся прожилки сахарного кварца, и тот вспыхивал ясным белым светом. Бродил и бегал между колонн по пустынным гулким приделам и малым залам, заблудившись и обо всем забыв. Весь этот каменный мир, напоенный космическими чарами, немного устал, но ярко оживал от прикосновений и радостно соглашался играть. Дай тоже немножко устал, но – играть, играть! Будто появился новый, непонятный волшебный друг – и страшно, что подойдут большие и куда-нибудь опять поведут за руку, не дадут доиграть. И даже не поймут, что была игра. Хотя

Юм, может, поймет?

Храм оказался так огромен, что тихие голоса взрослых и ясный как льдинка голос отвечавшего им скоро стали не слышны. Ему улыбались грандиозные статуи, он улыбался им в ответ. И волшебство камней, и эти холодок и теплота, что время от времени касались его осторожной лаской – весь этот каменный мир почему-то ему радовался, как родному.

Дай тоже радовался. Радость и опять переполнявший его внутренний свет заставляли плавно подпрыгивать, взмывая в теплый воздух, и кружиться в том же самом танце Юма, который он увидел и запомнил сегодня. Праздничная золотая, многослойная длинная одежда кружилась так же красиво, как черные одеяния вокруг Юма. На ближних стенах, отвечая на тайный многотактный ритм его шагов и движений, загорались каменные узоры, и он даже тихонько смеялся от радости, что все так хорошо запомнил.

Он вдруг увидел огромные темные, покрытые извивами и крыльями драконов, чуть приоткрытые двери в какой-то заманчивый полумрак. Что там? Не думая, как между скал, скользнул меж каменных, толщиной в длину его роста, створ и удивился. Холодок. Огромный пустой, вытянутый в длину зал и никаких узоров на стенах из синего мерцающего, впереди светлеющего до белизны и сияния незнакомого камня: наверное, если заморозить звездный свет, то получится вот такой чистый глубокий цвет. Он немножко покружился, как Юм, потом подпрыгнул – воздух упруго и ласко-

во принял его. Тогда он разбежался и метнул себя в только что вспыхнувший в сознании каскад прыжков, переворотов и сальто – безошибочно воспроизведя суть ритма чар Юма в этом акробатическом неудержимом каскаде. Зал ответил переливчатым сверканием со стен. От ладошек и ступней в полу остались вспышки голубого и синего цвета, и откуда-то прилетевшие серебристые искорки, как снег, метелью вились вокруг. Дай посидел, озираясь (под ним в полу растекалось сияние), скорей вскочил, еще подпрыгнул, потом из баловства прокатился по скользкому полу кубарем. Немножко полежал, разглядывая переливчатое живое сияние стен и свода. Наверное, здесь правда все из звездного света. Звезды-то ведь живые. Он вскочил и пошел вперед, где все сияло. Что там?

А может, сюда нельзя? Он оглянулся: огромные двери беззвучно, как во сне, растворялись обратно в разноцветный зал, а на пороге уже стоял черно-серебряный Юм. Смотрел серьезно, словно издалека, и чуть-чуть постукивал носком черного башмака в камень пола, продолжая тот же самый, невозможно растянутый ритм. Едва ощутимо, но каждый нерв опять мучительно и радостно отозвался. Он опять невольно подпрыгнул в упругом перевороте. Из-под ног от приземления плеснуло светом. Посмотрел на Юма. Юм чуть улыбнулся. Он не сердится, значит, можно еще поиграть! Дай вспыхнул, разбежался и завертел себя в новом сложном каскаде прыжков. Слепящие линии чертили за ним

узоры на стенах, а с ритма он не сбился даже в дыхании. Приземлился. Распрямился. Куда это он прилетел? Такой белый свет, наверное, бывает только внутри звезд. Но он совсем не слепил, и даже можно различить свой золотистый свет, по-прежнему струящийся от ладошек.

Прямо перед ним было что-то неразличимо белое. Он потрогал – гладкий камень. Высокий столб из камня. Зачем тут такой? Оглянувшись на замершего как во сне Юма, он обошел столб: диаметр невелик. Он устало прижался горячей щекой к снежному, опалово замерцавшему столбу, гладкому, как тающий лед. Тающий? Щека стала мокрой. Он изумленно отклонился – плечо и бок платья тоже сильно промокли. Может, столб правда из какого-то звездного льда? Он оглянулся – Юм и возникший за ним Артем стояли на пороге неподвижно, как высеченные из темного камня. Глаза у Юма были сапфировые, а у Артема – серебряные. На голове Юма тускло поблескивал сложный головной убор. Чего они ждут? Смотрят...

А столб все таял, сверху уменьшаясь, опаловая вода стекала по нему, дрожа и змеясь. И вдруг он понял, что надо делать! Надо успеть, пока столб весь не растаял! Содрав жесткое праздничное платье, он вытянулся вдоль столба изо всех сил, подпрыгнул, уцепился и взлетел вверх... Оглянулся на Юма: тот кивнул. Он сам научил этому эквилибру. Он знал, что Дай придет к этому тающему столбу? Когда Дай выпрямился на столбе, тот опахнул его стужей, но таять не пе-

рестал. Юм далеко опять начал постукивать носком башмака в пол, и этот ритм задрожал и забился в Дае – и на нужном такте он золотым взмахом перебросился на руки, стал волной, выгнулся – и весь, до последней искорки сознания, стал сложным переливающимся движением.

Он играл в вечную свою игру. И чувствовал всем телом изумление и радость Юма. Наверное, Юм как-то заколдовал его – ничего не имело значения, кроме танца света, который бил из него, как из сердца звезды. Наверное, в ядре каждой звезды играет светящийся термоядерный змей, и, пока играет – она светит.

Нужно успеть. Столб-то все тает, вон, под руками вытает какая-то неровная окружность...

Он успел воспроизвести узорную логику того волшебства, что перенял сегодня у Юма, прежде чем столб превратился в сияющую лужу. Правда, испугался, когда руки соприкоснулись с гладким полом и вдруг ослабли, даже голова закружилась. Весь свет из него вытек, кончился... Но тут же вспомнил, что он-то не душа звезды, а мальчик... Перевернулся на ноги, но тут же весь так ослаб, что тихонько сел прямо в лужу, далеко растекшуюся по гладкому полу. Хотя ведь была какая-то неровность под руками, тревожившая во время игры. Она-то не растаяла. Он, тихонько шлепая, нащупал ее – какой-то небольшой обруч – подковырнул и поднял. Стряхнул яркие капли, обтер об себя. Белый, но не светящийся обруч. Неправильная окружность, повто-

ряющая форму головы. В ладони шло ровное дружелюбное тепло, – как же он уже замерз тут. Весь вымок, устал. И спать хочется. . . Нет, к Юму – нужнее. Он поднялся, шлепая по яркому остывающему полу, подобрал новогоднее промокшее платье – такое тяжелое, что нести не смог, и потащил волоком. Впереди был Юм, все такой же неподвижный и синеглазый. И Артем там, он возьмет на руки. . .

Он брел целую вечность, прежде чем Юм очнулся и побежал навстречу. Дай бросил волочащееся платье и тоже побежал, ударился в Юма, обхватил его крепко-крепко. Юм тоже вцепился. Под тяжелыми многослойными, колючими одеяниями тело Юма дрожало, будто от жуткой стужи. А ему руке, в которой эта штука, горячо. К тому же ведь эта вещь Юму принадлежит, не кому-нибудь. Дай вытянулся, как мог, толкнул с головы Юма какую-то тускло-черную штукювину, забренчавшую по мрамору пола, и нахлобучил теплый белый обруч ему на голову. Поправил, как надо. Юм замер. Смотрел в глаза, не отрываясь, и молчал. Дай опять подумал, что Юм еще совсем ребенок, и что сейчас произошло нечто, что здорово изменит и теперешнюю их жизнь, и будущее. . . Юм медленно поднял руку, коснулся белого ободка; вздрагивая, погладил Дая по щеке и спросил:

– И что же ты наделал?

Часть вторая. Берег яблок

1. Солнце и Близнецы

Дай сидел на горячем подоконнике, жмурясь на слепящее море. Слушал прибой. Жар обливал его темное от загара золотое тело, заколдовывал, и он оцепенело прислушивался к морю, к мчащейся по паутине сосудов звонкой яркой крови. Вообще-то он должен был в это время сидеть, закрыв ставни от солнца и моря, и учить неправильные легийские глаголы. А потом еще упражнения писать из безнадежно толстого учебника. Но он не мог пропустить эти минуты яростного белого полдня. Никак не мог. Пусть Гай ругается потом, если он опять долго провозится с уроками. Пусть. В этом нестерпимом белом небесном огне куда больше смысла, чем в грамматике.

– Змей! – несколько минут спустя оглушительно рывкнул этот Гай, этот хмурый, всегда злой большой мальчик с раскосыми болотными глазами. – Ты где должен быть? А ну быстро марш делом заниматься!

Почему его глаза от ненависти плаваются, когда он на Дая смотрит? Какая ему, в конце концов, разница, выучит Дай свои глаголы или нет? Но Дай обещал, что будет слушаться. Не ему обещал, конечно, а Юму. Он спрыгнул с подоконни-

ка и осторожно проскользнул к столику с учебниками. Гай фыркнул от злости.

Конечно, Юм объяснил, что даже на Дая свободного времени нет, что у Артема тоже Венок на руках, а Гай ему бездельничать не даст, будет присматривать и учить... Гай и учил. Да так, что прежняя школа казалась раем. Никакими педагогическими принципами он обременен не был, мог треснуть и ругал такими обидными словами, что Дай убегал и ревел где-нибудь в углу.

Но, конечно, Гай никогда не бил так, чтоб правда стало больно. Следил, чтоб у Дая была чистая одежда и чтоб он ел не только орехи и яблоки. И самое главное – чтоб делал уроки. Но отпускал гулять он тоже вовремя, правда, если Дай опаздывал к обеду, то ругался так, что Дай жмурился (и учил новые слова).

Весь большой, сложенный из белого известняка вплотную к скале дом был забит настоящими старинными книгами, и этот худой подросток с повадками старика занимался ими с утра до ночи – а тут надо тратить время на Дая. Обыкновенных, для жилья, комнат было немного, все остальное занимали стеллажи и шкафы с книгами и книжищами (трогать нельзя) и аппаратура для копирования и печати. В стене дальней комнаты тяжелая дверь вела в вырубленное в скале особое книгохранилище, но туда даже краешком глаза заглядывать – «не сметь». Ну и ладно... Правда, когда Гай там скрывался, Дай переставал ждать окриков и играл со своими

камешками.

За полтора месяца на Берегу Юм появился лишь однажды. Вечером. И такой уставший, что Дай боялся шевелиться – он никогда таким измотанным Юма не видел. Даже взгляд был, будто он смотрит из глубокого колодца. Но Дая он обнял, пошептал смешные слова, подарил несколько маленьких самоцветиков в серебряной старинной коробочке, а потом они пошли купаться. Юм немного поплавал, Дай поиграл в прибое с камешками, потом Юм вернулся и затащил Дая в воду – только недалеко, конечно, по пояс, к тому же Дай держался за него и не боялся. Смеялся даже, когда Юм таскал по мелководью за руки – за ноги. Он вдруг увидел старый, крестообразный белый шрам у Юма против сердца, невольно потрогал пальцем – Юм осторожно отвел его руку и стал учить нырять, но Дай видел, как он устал, и потянул на берег. Подальше от воды они развели костер и согрелись. Дай сидел напротив Юма и видел, как ему нравится смотреть на огонь и на море сразу. Лицо Юма постепенно прояснялось, он расслабился, прилег. Иногда чуточку улыбался Даю. Уже темнело, костерок потрескивал, будто сказку рассказывал... Прибой почти затих. Юм вдруг уснул. Лежал на животе, смотрел-смотрел на огонь – положил голову на руки и уснул.

Дай не шелохнулся. Долго смотрел, как пляшет огонь в густеющей южной тьме, но не заметил, как лепестки огня сменили рубиновые меркнущие угли и голубые ползу-

чие огонечки последнего жара. Когда огонь прогорел, и даже крохотные лепестки голубого золота перестали выпрыгивать с углей, он бесшумно поднялся, обошел кострище и тихонько лег под бок к Юму с другой стороны от костра, чтоб Юму со всех сторон было тепло. Дым мягким одеялом тянулся вверх, неощутимый ветерок с моря щекотал лицо невесомыми крошечными пленочками пепла, тихое дыхание Юма задевало волосы на макушке. Дай забыл, что мир бывает таким хорошим... Пусть Юм спит. Не надо никаких разговоров или чудес. Пусть только Юм отдохнет. Не надо быть обузой. Надо быть поддержкой, и, прижимаясь к Юму, Дай отдавал ему все то ласковое сильное солнце, что накопил за эти дни. Юм устал. А всегда должен быть ярким и сильным, как солнце... Надо отдать ему свой свет.

Юм сказал, что больше из нормальной жизни никуда забирать не будет: жизнь – не сказка, и ее надо жить, а не терпеть. А чтобы было время для замедленного, не как у всех, взросления, Даю лучше пожить на Берегу Яблок, потому что тут время другое, чем снаружи, время «Всегда»...

Дай пока еще не понял, что это за место – Берег Яблок и что это за время «Всегда», хотя и прожил уже здесь полтора месяца. Здесь все мало было похоже на обычную жизнь: лето стояло на одном месте, но дни шли за днями. Только получается, что такая жизнь – вообще почти без Юма.

Еще Дай чувствовал, что будто бы виноват в том, что надел тогда Юму на голову этот белый Венок: круг дел Юма

из-за этого стал намного больше – этот белый ободок приковал Юма к действительности так же крепко, как и самого Дая. Этим Венком он лишил его какой-то последней свободы. А снять и положить обратно – нельзя. Но Юм не рассердился. Он тогда до вечера сидел с Даем и все думал, думал, думал – прямо там, в Храме, на полу. Еще зачем-то взял и примерил Венок на Дая – но тот оказался велик и спадывал, застревая на ушах и носу. Дай засмеялся. А Юм удивлялся и все спрашивал:

– И что? И ничего не чувствуешь? И голова не кружится?

Дай чувствовал только тепло – в буквальном смысле, потому что давно уже замерз в этом огромном зале, хотя Юм и закутал в черную свою мантию. А от ободка шло тепло, и он немножко погрел пальцы и опять надел Венок на Юма. Вот и все. Но тогда он не знал, как эта штука изменит всю жизнь и Юму, и ему. Он вообще тогда не знал, что это Венок, Corona Astralis, Венок из звезд.

Нет, никогда не заговорить: сказать нечего, одни вопросы без ответов... А этот Берег? Что это вообще за место? Юм, оставляя с Гаем, объяснил:

– Ты меня не жди. Ты просто живи, и все. Я ведь все равно к тебе приду, да что там – я и так всегда с тобой.

Как это: «не жди»? Дождался ведь. Он вздохнул и поближе придвинулся к Юму. Юм что-то пробормотал и сам его приобнял. Стало теплее. Дай еще немножко посмотрел на угольки, на море и уснул.

А проснулся у себя в кровати, и вредный Гай, локтем удерживая раскрытую книгу под мышкой, тряс омерзительно звонким колокольчиком. И глаза – совсем узкие от злости.

Сначала показалось, что Гай может быть таким же, как Артем, раз Юм с ним дружит. Дай несколько первых дней глаз не отводил, все высматривал хоть что-то, похожее на Артема. Гай злился и все время прогонял от себя. Дай после очередного «Уйди отсюда, бестолочь!» вздохнул и внутренне отвернулся от него насовсем. Гай с бестолочью, да еще немой, дружить никогда не захочет. Что ж, стал жить сам по себе, как раньше в школе. Этот Гай, как бы ни притворялся мальчишкой – такой же, как те скучные взрослые в школе. Даже хуже. Те хоть не обзывали так обидно всякими «поганиками» и не поддавали по заднице так, что пыль из штанов... Зато Гай отпускал гулять одного и не донимал ежеминутным присмотром.

Странное здесь было место. Взрослых здесь не было. Никаких. Да и детей, очень странных, тоже – немного. Гай был, похоже, самым старшим, самым главным здесь – к нему приходили иногда большие и маленькие мальчишки и девочки, спрашивали совета – но он сам никогда не выходил наружу. Даже купаться не выходил – ему никакого дела не было ни до синего океана, ни до сияющего солнца, ни до чего-нибудь еще. Он жил в книжках. Другие дети – непонятные. Сам Дай ни о чем их спросить не мог, а они спросили только, где он живет, и переглянулись удивленно, когда он

показал на большой белый дом у скалы. И больше ни о чем не спрашивали. Но в первые дни, едва только Гай его отпустил, они появлялись откуда-то и едва ли не за ручку его водили. Показали, где заросли лещины между скал, где сады с яблоками и сливами; мелкий заливчик в скалах, большой парк с дворцами и каруселями, и дом за парком, куда нужно прийти, если заболеешь. И в парке показали старые большие деревья, на которых росли старинные игрушки. Куклы всякие в сложных платьях, мячики, бронзовые и серебристые машинки. И много других чудес: карусели, качели, фонтаны. Но одному становилось там как-то жутковато. Кроме того, там не было камней. Хотя в парке лучше, чем на пляже – похоже на прежнее. Ведь весь Венок и его окрестности – это парки с разными красивыми деревьями и цветниками. Если звали в парк покататься на качелях или смешном паровозике, он, конечно, торопливо соглашался. Хотя бы потому, что ему нравились эти волшебные дети.

Куда больше, чем все те шумные и счастливые там на Айре. В этих, наоборот, тишина. Им никуда не нужно спешить, они не хохотали во весь голос, и казалось, что у каждого, как у Юма, за плечами тайные тяжелые крылья. Они умели превращаться в животных, понимали в чудесах и даже разговаривали – как загадки загадывали. Недомолвки, намеки. Жесты. Осторожность. И играли они мало и замысловато. Но все равно не были притворяющимися детьми взрослыми, как Гай, они правда – ребята. Только у каждого, даже у са-

мой маленькой, лишь на полголовы выше самого Дая девочки Уни, были ежедневные серьезные занятия. Будто тяжелый бесконечный урок. И если кто-то на несколько дней пропал, потом никто ни о чем не расспрашивал. Нельзя им надоедать, и если никто его у дома не встречал и не звал в сады или на пляж, он играл один.

Счастье – горы, нависавшие над узкой полоской Берега. Они подступали к морю близко-близко. На восток и на запад полоса берега расширялась, там дальше – чудеса, сады с дворцами, в которых жили еще более странные дети, похожие и не на детей вовсе, а на персонажей волшебных сказок. Дай и подходить-то не решался. Еще дальше – проще и многолюднее, городки со школами, дороги через горы в северные степи и еще в какие-то Золотые Леса и в Семиречье. Но Даю милее было их замершее, только шум волн, скопление простых белых, из ракушечника и песчаников, домиков возле скал.

И сами скалы. В первые дни он в себя прийти не мог от этих теплых каменных громад. Он столько камня сразу видел лишь прошлой осенью, с Юмом в горах, но там все было покрыто льдом и снегом. А здесь – прогретый солнцем, теплый, ласковый камень. Много было известняка, но батолином все же были граниты, а ниже – габбро. Он будто наяву видел, как когда-то раскаленная магма вспучивалась и застывала огромными хребтами породы. Камни. Везде кам-

ни. Он ходил и трогал их. Прислонялся. Залезал во всякие трещинки. Распластывался на раскаленных от солнца валунах. А потом нашел крохотную пещерку. Примерно в миле от дома, за отвесной скалой, за неинтересной осыпью гравия, за лежищем черных валунов, мокрых от брызг вплотную подкатывающихся шумных волн. В своде пещерки из далекого глубокого отверстия лился серебряный столб света на холодный ровный, будто обтаявший, пол. Несколько больших глыб серпентинита, да и в грубозернистых стенах видны узнаваемые белые прожилки кварцита – тоже серпентинит. Дай как вывалился сюда впервые, так и решил сразу, что будет здесь играть. И что лучше бы тут жить, чем с Га-ем. Хотя как могла образоваться такая пещерка сама по себе, геологически? Потом он разглядел мрачные и прекрасные, черно-синие, чуть искрящиеся, пласты биотит-кианитового сланца, полосчатые гнейсы и еще больше удивился. Он и не знал, что бывает такое смешение пород. Подземная сказка.

Жаль, никому не покажешь. Сюда, может, еще проползла бы разве что тоненькая узкоплечая Уни. Но она в такие змеиные ходы ни за что не полезет, она ведь похожа на птичку...

Серебристые волосы и прозрачные внимательные глаза Уни казались чем-то вроде старинного стихотворения – с рифмой, когда она едва заметно, почти одними только глазами, улыбается. А еще Уни плела кружева. У всех девчонок

на платьях сияли ее кружева: цветы, волны, звезды. Дай иногда приходил к ее домику посмотреть, как она плетет: не привыкнуть, что из каких-то ниточек, узелков и петелек получается такая тонкая красота, что хочется затаить дыхание. Но его всегда всякие узоры зачаровывали. Уни не прогоняла, даже улыбалась, когда он приходил и тихонько садился в траву перед ее скамеечкой под большим деревом и смотрел. Появляющиеся из ничего птицы и звезды, поблескивающие серебристые, белые и золотистые клубки ниток в старенькой, потемневшей плетеной корзинке, тонкие пальцы, переплетающие нитки серебряным крючком, который, наверное, был волшебным – он радовался, что разрешает смотреть. Дарил самые красивые камешки, чаще всего – радужно-черные опалы, которых много каталось в кромке приборя... И еще нравилось, что Уни почти всегда молчит. Тогда казалось, что во всем мире никто и не должен разговаривать.

Остальные относились покровительственно, приносили игрушки – ведь он намного их меньше и младше. Наверно, им скучно присматривать за немым, как и Гаю – в тягость. Да и чем он мог быть интересен этим волшебным детям? Они все умели или превращаться в животных, или летать, или ходить по воде, или возводить переливчатые стены разноцветных миражей – Дай со своими жалкими водяными капельками играл потихоньку, когда на берегу никого не было. Слишком уж ерундовым было здесь его умение. Он и летать почти не умел, так, на десять-двадцать сантиметров мог

приподняться в танце...

Правда, за его акробатикой на плотном упругом песке пляжа они смотрели во все глаза, а эквилибром, а потом прыжками и переворотами он занимался подолгу утром. И в течение дня, как только оказывался на свободе, радость жизни вертела его в каскадах сложных прыжков. Когда другие купались, он прыгал. Просто так или с камней. Главное, чтобы мир вертелся вокруг в определенном волшебном, храмовом ритме. Он стал здесь таким сильным и прыгучим, что чувствовал себя не мальчиком, а золотой пружинкой. Наверное, это все из-за солнца, из-за белой жары и ласковой силы, с которой это солнце светило. Если бы он не прыгал, то свет просто переполнил бы и вырвался. Как тогда в Храме. Но об этом ведь никто не должен знать... Ребята к его акробатике быстро привыкли. Но змеиной гимнастики своей жуткой он им не показывал – не хотел, чтоб, как те в школе, они брезгливо ежились. Но в пещерке, играя с камешками, все равно заплетался.

Незнакомых ребят из тенистых парков или лошадников из степей он боялся. И не зря: однажды забрел в большой парк, ходил разглядывал всякие домики и пустые карусели и вдруг вышел на лысый утес над морем, а там какие-то четверо больших, в пыли и царапинах, обормотов тут же поймали, заорали, что он «легкий как надо» и засунули, от испуга покорного, в громадную штуку с длинными плоскими крыльями, раскрутили пропеллер на носу и – вдруг сдернуло

назад траву, утес, деревья парка и туго и стремительно унесло в сияющее синее небо. Линия прибоя тошнотворно качалась внизу, верхушки деревьев казались лохматыми зелеными мячиками, утес – бугорком... Солнце слепило. Вокруг была воздушная жуткая бездна. Голоса мальчишек, перебивая друг друга, неразборчиво выплескивались из динамика – кое-как Дай сообразил, за какие рычажки дергать и на какие кнопки нажимать. Потом освоился и, не слушая мальчишек, торопливо развернулся к берегу. Переменил ветер, слился с ним и погнал планер вниз. Крылья дрожали, что-то звякало, совсем уж непонятно кричали мальчишки. Дай, сбивая листья и мелкие ветки, пронесся сквозь верхушки деревьев, нырнул на широкую дорожку, всю в слившихся узорах, и, гася встречным ветром скорость, уронил планер на брюхо. Песок сипло завизжал снизу. Дай и сам едва не взвизгнул, треснувшись локтем. Рука онемела, а локоть облился горячим. Быстрее-быстрее откинул колпак и выскочил из кабинки, пока планер, пыля, еще волочило по песку дорожки. И умчался, хотя земля качалась и подпрыгивала, в ближайшие кусты, петляя, как заяц. Мальчишки что, думают, что все на свете отважные? ...Ага. Он удирал оттуда, пока в боку не закололо. Потом пошел, озираясь и поглядывая на локоть – густо текло красным, и горячо дергало, а все тело почему-то замерзло и покрылось мурашками. Глубокая рана... Твердая земля тупо и приятно толкалась в подошвы при каждом шаге. Он посмотрел в небо – нет, летать что-то вот совсем

не хочется.

Ну, и куда со этим локтем? Гай перематывает бинтом, конечно, но он же опять ругаться будет. И так его голос нервы режет. Он вспомнил про дом за парком, куда нужно идти, если заболеешь. А если локоть разбил – почти болезнь? И дом-то этот совсем близко. Ругать будут? Ну, что уж теперь. Болит. Он опять побежал, прижимая локоть к боку.

Вокруг дома – безлюдно. Ветерок гоняет по песку пожухшие лепестки отцветающих гранатов. Он выбрался из кустов на тропинку к дому, тихонько подошел к ступеням на большую открытую веранду: никого, только на столе тот же ветерок шуршит страницами старой книги. И на белом полу, на столе, как живые, шевелятся и перемещаются алые и рыжие лепестки. Скрепя сердце, он поднялся по ступенькам, подставляя ладонку под локоть, чтоб не капать красным, подошел к открытой двери в дом и тихонько постучал носком сандалика в порог. В полутьме дома, откуда пахло антисептиком, кто-то встрепенулся, скрипнуло соломенное кресло и послышались легкие быстрые шаги. Что-то было очень знакомым в звуке этих шагов, Дай не успел сообразить, что именно – из глубины дома вышел Юм. Дая качнуло. Но уже в следующую секунду понял, что ошибся – этот мальчик был повыше, и волосы короткие, всего только до плеч, и не серебряные с черным, а полностью черные, как сажа. Зато глаза – синие, как у Юма, только смотрели как на чужого, холодно и серьезно. Красный локоть он заметил сразу, и тут же

взгляд стал теплым, а в руках оказалась мокрая салфетка:

– Упал, мышонок? Сейчас, не бойся, – подошел и осторожно-осторожно обернул локоть Дая ледяной салфеткой: – Как же ты так? Крови-то... – оглянулся и позвал кого-то: – Ашка! Аш! Иди сюда, тут травма!

– Иду уже, – проворчал кто-то издалека, и скоро в комнату вошел точно такого же вида и роста мальчик. Абсолютно такой же! Близнец! Спросил:

– Ты кто?

Дай привычно коснулся губ и помотал головой. Тот, что держал на его локте холодящую повязку, догадался:

– А-А! Ты – тот малыш немой, что у Гая живет?

Кивнув, Дай опять улыбнулся. Они прекрасны уже тем, что похожи на Юма. Хотя, конечно, никакого сияния и силы в них не ощущалось. Скорее, тихая усталость. И такие они – одинаковые... Близнецы.

– Пойдем, починим твой локоть. Сандалики сними...

Медицинский кабинет, приборы и прозрачные шкафы... Они посадили на высокий холодный стол и наклонились над локтем; переглянулись и тут же один отошел и зазвякал пугающими инструментами. Другой аккуратно смывал с локтя подсохшую кровь:

– Об железяку какую-то стукнулся? Сейчас зашьем, и следов не будет...

Резче и противней запахло антисептиком. Близнецы сделали все очень быстро, и больно почти не было. Дай пере-

вел дыхание и потер лоб, чтоб голова не кружилась. Один из них вдруг замер с использованными, в крови, салфетками в руках, смотрел-смотрел на Дая, и взгляд становился растерянным, почти испуганным. Его брат оглянулся, подошел и встал плечом к плечу, тоже уставился. Дай испугался и съежился. Близнецы переглянулись. Первый спросил тихонько:

– Ты видишь?

– Вижу... Брови-то... Ноздри, губы... уши вон... и лицевой угол... Посадка головы... Осанка... А руки-то, руки... Очень похож.

Второй, который Аш, спросил у Дая:

– А где ты родился?

Дай пожал плечами.

Близнецы опять переглянулись, первый хотел еще спросить, но Аш его удержал. Тогда он посмотрел на окровавленные салфетки в руках и выражение лица стало непонятным:

– Я хочу с этим разобраться. Немедленно. Такое сходство... Не может быть случайным. Надеюсь, этого хватит. Я в лабораторию.

Дай вздохнул и хотел слезть со стола, но Аш подошел и обнял, положил ладонь на лоб, сказал тихонько:

– Какой ты маленький... Но храбрый...

Сквозь медицинские запахи от мальчика, что его обнимал, пробивался запах Юма: немного горечи и моря, немного липового цвета. И тепло, живое, знакомое, и тот же точно сердечный ритм, что и у Юма... Дай глубоко вздохнул

и вдруг уснул.

Проснулся он почему-то лишь к вечеру, слегка испугался незнакомого места, но тут же все вспомнил. Повязка дружелюбно обхватывала локоть, как ласковая ладонь. И пить очень хотелось, и съесть бы что-нибудь. Он встал с кровати, растерянно оглядываясь. Безликая гостевая комната, очень чистая и пустоватая. Зачем его положили здесь спать? Вот Гай-то устроит выволочку... Со звоном в ушах... Когда он ругается, даже негромко, все равно в ушах звенит от страха... И нервы скрючиваются. Со сна знобило, да еще близнецы сняли с него испачканную в крови одежду. Как это он так крепко уснул, что ничего не почувствовал? Он тихонько прошлепал по холодному полу к приоткрытой двери, выглянул. Близнецы были где-то близко, он слышал их тихий разговор на незнакомом языке. Они так похожи на Юма. Он даже думать не хотел, почему они такие милые и хорошие, и побежал на их голоса.

– А, мышка проснулась! – улыбнулся навстречу тот, которого звали Ашем. – Ты не волнуйся, мы с Гаем поговорили, он разрешил тебя здесь денька на два оставить. Ты согласен?

Дай кивнул. Конечно! В этом доме интересно. Другой просто ему улыбнулся, принес новую великоватую одежду, помог одеться так, чтоб меньше тревожить локоть. Потом провел ладонью по макушке:

– Пойдем ужинать.

Вкусная еда, слегка напомнившая Айр, Дая утешила. Осо-

бенно сладкое молоко. Близнецы ели неохотно, говорили тоже – только улыбались. Дай почувствовал, что им хочется что-то у него спросить, но они не знают, как. Потому что взволнованы чем-то. Тем, что они нашли в его крови? А что там можно найти? Он вопросительно улыбнулся. Тот близнец, что сидел ближе, погладил его по голове и спросил:

– Тебя ведь «Дай» зовут? Нам Гай сказал. Скажи-ка... Ой. Извини. Ладно, вот посмотри. Ты правда его знаешь? Гай сказал, он сам тебя сюда привез.

Дай посмотрел на цветной и объемный, как кусочек мира, снимок в руках у Аша. Там был Юм. В своих одеяниях черных, синеглазый и слегка почему-то страшноватый. Слегка чужой даже, но со знакомым белым ободком на голове. А вокруг Храм, только незнакомый, не тот, что в Венке. Тот бы Дай сразу узнал. Он коротко глянул на близнецов, кивнул и снова уставился на снимок. Аш вздохнул и отдал ему твердый квадратик.

Юмис смотрел серьезно и неотклонимо, без тени улыбки. Такого взгляда Дай от него никогда не встречал. Словно улыбка скрывала чудовищную мощь, которую Дай чувствовал всегда, но впервые осознал как реальную, а не волшебную в нем тогда на Айре, в Храме. А Юм ведь на самом деле обладает властью. Ему никто никогда не возражает, он делает, что хочет, с миром и с людьми. Он все может... Он волшебник. Очень опасный волшебник. Он – сила. Но он все равно хороший. Он как солнце в высоком небе.

– А ты давно его видел?

Дай положил снимок, загибая пальцы, посчитал дни – получилось не так и много. Показал близнецам.

– Всего двенадцать здешних дней назад, – близнецы переглянулись. – В реальный день его Праздника. Мы-то думали, это эхо... А он сам здесь был.

Какого-какого праздника?

– И был здесь ради этой мышки, – они оба уставились на Дая синими глазищами совершенно так же, как тагеты. – Кто же ты такой?

Да они и есть тагеты, запоздало сообразил Дай. Сильнее Дай и не видел... Кроме разве что Юма. И Артема. Близнецы жутковато медленно переглянулись. Потом один таким же медленным, словно подводным, жестом закрыл лицо ладонями. Точно так же, как Гай тогда во дворе у фонтана! Другой пихнул его в бок и сказал Даю:

– Мы теперь тоже будем за тобой присматривать. Юмис, конечно, тебя Гаю доверил, но тот что-то за тобой не следит. Мы последим. Чтобы больше таких историй с планером не случилось.

Про планер-то они откуда узнали?

Он прожил у них не два дня, а целых три. У близнецов интересно. Они все время включали музыку и временами даже пританцовывали. Дай научился за ними этим простым движениям, и сам им показал, как умеет держать равновесие. Жили они на втором этаже, а на первом – неболь-

шая, но оборудованная всякими суперсовременными штуками амбулатория: все туда приходили лечить простуды или ссадины, и там Ай еще разок взял у него кровь из пальца и еще зачем-то состриг с макушки пару волосков. Еще был подвал, куда близнецы по очереди скрывались, но что там, Дай не любопытствовал – тоже что-нибудь медицинское. Лаборатория, куда они унесли исследовать его кровь.

Однажды под утро, ответив на вызов, Ай шумно скатился по лестнице, а через несколько мгновений, взыв форсажем так, что дом вздрогнул, небо раскрыл и ушел в сторону степей тяжелый люггер. Орбитальный, очень мощный. Дай целых полчаса потом не мог заснуть, раздумывая, что случилось, и где, интересно, близнецы этот люггер прятали? Он ведь в своих всегдашних поисках камней все вокруг дома уже обошел. Ничего похожего на гараж нигде не было.

Ай появился к полудню. Люггер он посадил на поднявшуюся из-под земли керамлитовую площадку. Дай выбежал наружу, едва только услышал гул люггера. Аш вышел за ним; усмехнувшись, наступил на ничем не примечательный керамлитовый квадратик в стороне от дорожки. Дай даже подпрыгнул и засмеялся, когда сразу после этого целый газон, вместе с кустами цветов и мячиком, которым они с Ашем утром играли, приподнялся и поехал в сторону. А из темной стальной глубины поднялась мигающая оранжевыми посадочными огнями платформа для люггера. Дай подкрался

к краю и заглянул – в темноте поблескивал темный большой бок нефтя. А дальше еще что-то большое. Да тут целый ангар. А он думал, для чего тут среди парка такое поле просторное, только кустики и рабатки. Он оглянулся на Аша. Тот улыбнулся и объяснил:

– Это же Берег. Не нужно, чтоб вся эта техника маячила на виду. Мы и летаем-то лишь в крайнем случае.

Да, в небе над Берегом никогда не было машин. Дай обернулся к выпрыгнувшему из люггера Аю. Что там был за крайний случай? Ай подходил, неся под мышкой куртку, а в тонкой руке – тяжелый докторский чемоданчик. Улыбнулся Даю, а Ашу устало пожаловался:

– Эти лошадики правда дурковатые. Носятся по ночам с факелами, кони. Один и загремел, только повезло дураку, не убился. Так, переломы да шок, долго пришлось возиться. А они еще и не сразу позвали. Табун придурков. Боялись, что мы его в госпиталь отправим.

– Отправил?

– Отвез уже. А есть будем?

Близнецы работали. Они лечили весь Берег, но главным их делом была другая работа – и Дай все-таки узнал, что в подвале. Часть первого этажа, кроме больнички, и два этажа подвала занимала большая лаборатория. Один из близнецов весь день сидел там, а другой возился с Даем и «вел прием», то есть поджидал пациентов. Дая они обследовали целиком. Над ним и в Венке все голову ломали. Он был настоя-

щим инородцем, совершенно неведомым, и привык уже, что люди недоумевают. Сколько он уже о себе слышал про странный фенотип и про далекую расу... Но близнецы время зря не тратили. Насколько Дай понял, они и были именно ксенологами. Потому, наверное, и жили на Берегу, что здесь много всяких детей чудесных. Дай и для них оказался «неведомой зверюшкой», но это их не обескуражило, словно они по крови узнали о Дае еще что-то важное. Стали очень ласковые, заботливые. Между прочим синтезировали обезболивающее для Дая и во время перевязок использовали. Подействовало хорошо. Еще состряпали и жаропонижающее, «на всякий случай», но испробовать не было повода. Он им доверял как Юму. От них пахло, как от Юма. Они говорили с его интонациями. Они стали – любимые. Подарили мячик, игрушечный летающий люггер и золотое тяжеленькое яблочко с кнопками: разворачивался экранчик, и выбирай любую музыку. Сколько хочешь музыки... У них – точно такие же, только добрее, глаза. Синие. Но не настолько невыносимо синие, как у Юма.

2. Василиск из Каменного леса

А потом повязку совсем сняли, и пришлось возвращаться. К Гаю. Ну, ничего... Надо терпеть. Через парк одному идти страшновато, и все казалось, что с того дня, как большие мальчишки поймали и запустили на планере в небо, прошло много дней, а не три. Но как только он вошел в дом и во дворе у монотонно плещущегося фонтана увидел – и услышал – Гая, все стало обыкновенным. Тишина, уроки, окрики, одинокие игры у воды или в пещерке, куда он перетаскал все свои каменные сокровища. Он там в пятне солнца выложил такой красивый узор из камешков, что сам улыбался, когда вываливался в уютное пространство пещерки из своего змеино-го лаза.

Ребята ни о чем после его возвращения не расспрашивали, только Уни потрогала шрамчик на локте, будто бабочка крылом коснулась. А потом вспрыгнула на большой камень, перекинулась назад себя и улетела, жмурясь от солнца, в жаркое небо большой птицей. Она правда птица, как он и подозревал. Дай вздохнул поглубже, чтоб не заплакать. Нечего и мечтать показать ей свой поблескивающий каменный узор в пещерке, показать, как оживают и теплятся светом камешки, если к ним ласково притронуться... Птица. В его змеиный лаз ни за что не полезет.

Уни впервые обернулась у него на глазах, но он уже не изу-

мился – знал, что многие в кого-нибудь превращаются. Рыжая Машка, например, вообще чаще бывала лисой, чем девчонкой. Она все шныряла в парковых кустах и что-то вынюхивала, а потом пыталась рассказать что-то невероятное про запахи и звуки. Для Машки запахи – как для Гая старые книжки. Или для него самого – голос Юма. Сходишь с ума, и все. Поэтому он Машку слушал сочувственно, а она ему за это показала интересную скальную осыпь: там среди темных осколков оливинового габбро встречались массивные удивительные брекчии камней, которые он даже не умел распознавать. А еще он там, как и предполагал, нашел впаивные в породу зелененькие кристаллики хризолитов. Красивые, только выковырять нечем. Правда, когда он там копался, откуда-то взялся Ай и прогнал, ласково, но непреклонно, сказал, что тут опасно. А чего опасного... Но зато он пообещал и хризолитов и еще, например, каких-нибудь разных халцедончиков. Дай улыбнулся: халцедонов прибором какает сколько угодно: и сердолики, и агаты, и даже оникс. Вообще в гальке сколько хочешь сокровищ, а их никто не видит. Интересно стало выяснить не только то, что близнецы за ним в самом деле «присматривают», но и что Ай знает правильные названия камней и даже узнает некоторые. Дай ему за это показал, как умеет просить камни светиться. Надо только очень, очень ласково коснуться. Тогда в камешке проснется его крохотная суть и теплом толкнется в пальцы.

Превращались в животных все. Гай, Аш и Ай, наверное,

тоже, только он никак не мог догадаться, в кого. Смутно вспоминая прежнее, Дай жалел Торпеду. Уж она бы здесь наверняка сразу бы в дельфина превратилась и из моря бы не вылезала... Один мальчик из их тихой компании превращался в большую лохматую собаку, но только ближе к вечеру, потому что днем было слишком жарко. Зато у вечернего костра он укладывался огромным, мохнатым и теплым сенбернаром, и те, кто помладше, торопились возле него пристроиться. Дай с Уни тоже, они вообще были тут самыми маленькими. Другой мальчик превращался в худого полосатого, большешапого тигренка, девочки, не считая Машки и Уни – одна в рысь, вторая в какую-то другую большую кошку, с шальными желтыми глазами и россыпью черных пятнышек по песочной шкуре. Дай долго не знал об их превращениях, потому что Гай поначалу не разрешал слишком долго сидеть вечером у костра и «слушать всякую детскую чушь» – а они все превращались лишь ближе к ночи. Они были – ночные животные, даже Уни – сова, и, наверное, ночью в парках было жутко и интересно. Дай, засыпая в скучной кроватке, пытался представить, как они там крадутся, прыгают, играют, а луна обливает их сверху серебряным светом. Да, здесь была луна. То золотой месяц, то серебряная веселая тарелка. Хотя во всех атласах было написано, что у Дома луны нет. Но это же Берег. Волшебное место. Все-таки хорошо, что Юм его сюда привез.

Дневным животным был Эташа. Эташа умел превращать-

ся в долгоногого веселого жеребенка, а в обычном облике был двенадцатилетним, лохматым и ни секунды не мог усидеть на месте. Вскорости после того, как Дай с ними со всеми познакомился, Эташа среди ясного дня, пометавшись во круг ребят, вдруг превратился в беленькую лошадку и унесся прочь в кромке воды, только брызги разлетались и сверкали. Дай оцепенело смотрел вслед, пока кто-то из старших мальчишек его не взъерошил и не сказал что-то успокаивающее. Мир перестал казаться реальным. Вечером, когда Гай его отпустил на костер, он глаз не сводил с совершенно обыкновенного, шумного Эташи в запачканной на пузе футболке. Он даже тихонько потрогал его за локоть. Эташа оглянулся, посерьезнел на секунду, потом мотнул кудлатой выгоревшей башкой и тихонько засмеялся по-лошадиному.

Больше он внимания на Дая не обращал, как и обычно. Но на следующее утро, когда Гай отпустил гулять перед уроками, он ждал внизу, у ступенек крутой, вырезанной в ракушечнике лестницы. Дай скатился к нему почти кубарем. Эташа улыбнулся немножко застенчиво, потом вдруг взял Дая за бока и немножко приподнял:

– Да ты совсем легкий!

Дай тут же стал еще легче.

– Ух ты, – изумился Эташа, и взгляд его замерцал, как у тагета. – А, ну ты же вообще совсем волшебный. Никто не знает, что ты можешь... Но ты хороший и маленький. Хочешь покататься?

Дай перестал дышать и даже ладошки к груди прижал. Эташа опять застенчиво улыбнулся, потом запрыгнул, как и вчера, на высокий камень и немного неловко перекинулся назад себя через голову. Дая чуть толкнуло что-то невидимое, а Эташа опять рассмеялся по-лошадиному и затанцевал веселыми копытами.

У него была шелковистая, под солнцем серебряная, шерстка, длинная-длинная гривка и неподкованные светлые копыта. Он катал боявшегося крепко вцепляться в гриву Дая очень осторожно. Косился насмешливо. И с тех пор всегда превращался в лошадку и катал, если Дай прибежал к нему и трогал за локоть.

Но и ему, и Уни с кружевами, и близнецам, к которым бегал через день просто повидать их, он боялся надоест. Поэтому чаще бродил один. Подумать было о чем. Еще когда Эташа первый раз превратился, в голове вдруг родилась мысль: «А я?», и с тех пор выросла в громоздкую головоломку. Он тоже должен в кого-то превращаться. Только как? Но он эти мысли терпеть не мог. Потому что сомнений не было, в какое именно животное он должен превратиться. Даже Гай обзывается «Змеенышем подколодным», когда уж очень злится... И еще он гибкий не по-человечески. Змеей Дай не хотел быть. Змей все ненавидят. А он еще и чужая змея, лусут, инородец. Может, у Гая для ненависти причины есть? Он знает что-то такое о Дае – плохое. Иначе бы не злил-

ся бы так, и не ворчал бы, что «Юмис делает глупость». Какую глупость? Нет, змеей он не хотел быть. Почему, ну почему Гай его ненавидит? Золотое яблоко с музыкой отобрал в первый же вечер, хотя Дай включил звук очень тихо... А игрушечный люггер и мячик у близнецов остались, но Гай настрого запретил ходить в гости, мол, нечего отрывать их от важной работы...

Обидно. Тоскливо. Хочется к Юму.

Время текло поверх, совсем не задевая этого тихого мира. Океан, солнце, скалы. Белые домики, костры вечером, уроки по старым-старым учебникам. Никакой связи с внешним миром, будто Берег – совсем в другой вселенной, чем Венок и все остальное... И никто ничего не объясняет. Дай даже не сразу понял, что Берег находится не на Айре, а на Доме... Уснул в своей комнате у Артема, проснулся – уже это море синее, солнце, лето... Он не понимал, почему это лето не кончается, ведь сколько уже месяцев он тут? Давно пора быть зиме, наверно...

Да и вообще мало что понимал. Может, Юм думает, что он не дорос до объяснений? Что всем доволен и не ломает себе голову, пытаясь найти объяснения сам? Что ему нужна лишь эта простая жизнь, состоящая из солнца-моря-игр-уроков? Ну, уроки – значит, уроки... Он занимался добросовестно. Не хотел быть неучем. Но как учиться, если никакого выхода в сеть? Только бумажные книжки? И – читай и разбирайся во всех правилах сам? И – никто не проверит, мол, для

себя учишься? Кончилась первая часть учебника легийского языка, и Гай принес вторую, и еще яркие тоненькие детские книжки. Язык становился привычнее, но Дай не очень понимал, зачем он его учит, если говорить не сможет. Понимать других? Он в Венке видел несколько ребят-легов, но и только... Тоненькие книжки он все же прочитал и все понял. Простые истории типа «что такое хорошо и что такое плохо». А вот в старых, взрослых книгах со стеллажей было куда больше интересного. Настолько интересного, что он иногда даже вместо прогулки садился где-нибудь в закутке за стеллажами, и читал в синей, проколотой сквозь щели ставней узкими лучами, тишине. Гая это почему-то сердило. Он, если замечал, отбирал тяжелые свои сокровища, ругал, что взял без спроса, и гнал гулять. Дай не обижался. Он сам свои камешки с легким сердцем давал подержать разве что Уни или близнецам. Покорно отдавал книгу и шел гулять. Но к книжкам все равно тянуло. Там было скрыто старое знание, которого не найдешь в телесказках, электронных энциклопедиях или детских учебниках. А Гай это знание сторожил.

Дай попробовал как-то подсчитать, сколько дней этого вечного лета прошло после того, как появлялся Юм. Но дни были так похожи один на другой, что спутались. По исписанным тетрадкам с упражнениями тоже было ничего не понять, одно видно – сначала корявый, теперь почерк стал легким и четким. Значит, времени много прошло... Почему больше

Юм не приходит? Чем он занят на своих высоких небесах? А ведь Гай, наверное, знает, где он...

Несколько дней Дай собирался с духом. А Юм снился каждую ночь, далекий и чужой. Дай просыпался ночью от собственного умоляющего шепота. И каждый раз снова переживал мучительное осознание немоты. Становилось страшно, так страшно, что любая степень злости Гая больше не имела значения. Дай написал на бумажке несколько вопросов и весь день копил отвагу. Вечером за ужином Гай читал книжку и на Дая даже и не взглянул ни разу. Тогда, после его ухода помыв две тарелки и две чашки, он поднялся по пыльной лестнице с кривыми разновысокими ступенями и тихо поскребся в резную, серую от времени и известковой пыли дверь, за которой было жильё Гая.

Тот распахнул дверь сразу, как будто слышал, как Дай поднимается.

– Чего тебе?!

В узких глазах блеснула ядовитая ярость. Дай упрямо наклонил голову. Гай фыркнул. Взял протянутую бумажку немного брезгливо:

– Хоть писать-то научился... Ну! Да какое тебе дело до Юмиса? Когда придет, тогда и придет. Я не знаю. Когда захочет... На кой ты ему сдался вообще, я не понимаю. У него ни одной лишней секунды нет, а он столько времени на тебя тратит... Кто ты такой? А с чего ты взял, что я знаю? Если даже сам Юмис не знает? Мы только подозреваем. Ты

маленькая скрытная змея, вот и все. От тебя чего угодно можно ждать. В тебе же какая-то чудовищная чужеродность. Это все чувствуют. Ты ж не прижился в Венке. А что здесь тебе хорошо, так потому, что здесь Берег и ребята сами все со странностями и потому тебя терпят. Ты постарайся им глаза подолгу не мозолить. На тебя смотреть противно. Ты здесь чужой. Змей никто не любит.

Дай кивнул (все, что сказал Гай, было понятно: ведь в школе он тоже был чужой и всем противен), забрал у него листок, бездумно сжег в лепестке синего пламени, даже не заметив, что Гай попятился; потом повернулся и осторожно спустился по лестнице. Шаги были неприятно мягкими и ненадежными. Поэтому он не торопился. По темной, расчерченной узенькими полосами ночных лучей галерее прошел к себе. Открыл заскрипевшие ставни. Их дерево было легким и пересохшим от солнца, но все равно тяжело их отталкивать... Потому он обычно окно и не открывал.

Мир показался совсем незнакомым. Пахло мокрым соленым песком и приторными ночными цветами. Черная бездна стояла над тихим морем. Здесь на Доме совсем не такое небо, как на Айре. Легийской галактики из этого полушария не видно, лишь несколько крупных звезд самого Дракона, и где-то на самом дне неба серебристая пыль очень далеких чужих звезд. Над южным горизонтом небо пересекла золотистая искорка. Большой корабль. Потом с запада на восток через зенит прошел продолговатый огонек – на востоке под

утро показывается один из терминалов. Это в атмосфере над Берегом ничего не летало, а вот космические корабли здесь чертили небо куда чаще, чем над Венком. Это же Дом. Столица Империи... Но это все не в его мире. Эта высокая космическая жизнь его не касается. И нечего смотреть в небо. Летать он не будет. Змеи не летают, а ползают. И на них противно смотреть.

Дай зажмурился, припоминая заваленные снегом или сияющие зеленым весенним дымом парки Венка, школу, нарядные учебники, черные космические карты в каждом классе — и ребят. Артема и космический корабль, куда он как-то взял с собой. Храм. Юма в черном и в серебре... Как это все давно было. Где же Юм подобрал его изначально? Зачем принес сюда? Не легийскому же языку учиться... А в Венке, наверное, уже весна. Камешки на дорожках вытаивают.

Артем ведь не сердился за то, что он инородец? За этот чужой фенотип? Ведь не сердился же? И те люди, из космоса, на больших белых кораблях? Нет, не сердились, только немножко жалели почему-то. А что его жалеть? Ведь Юму-то не противно на него смотреть? И Артему не противно. А близнецам, похожим на Юма? Им тоже не противно. Дай бы почувствовал... А все остальные люди значения не имеют. Дай снял сандалики и майку. Прогнуться назад без разминки стало больно, но он только губу закусил. Коснулся ладонями теплой поверхности пола, утвердился, поиграл равновесием, потом почти без рывка встал на руки. Да что же

все так трудно-то? Можно подумать, он раньше не расстраивался...

Минут десять Дай издевался над мышцами, пока не взмок и не пришла наконец горячая невесомость и легкость истинных движений. Можно играть по-настоящему, а внутри проснулся тайный волшебный ритм, в который нужно попадать даже дыханием... Скорей бы подрасти, чтобы руки и ноги стали длинней...

Скрипнув, отворилась дверь. Дай пальцем правой ноги отвел со лба разлохматившиеся мокрые космы. У Гая были круглые глаза. Дай усмехнулся. Людям в страшном сне не представляется, что можно так переплестись. Но он все же забеспокоился, извернулся, сильно толкнулся ногами от пола, распрямился, влетев в полосу ночного света из окна и невесомо приземлился.

– ...Юмис видел это?

Дай кивнул. Еще бы. Если б не эта игра в Храме, то Юм не принес бы его на Берег. Но он ведь совсем не злился, что тот белый столб расплавился. И венки тот беленький он носит.

– А ребята здесь видели?

Дай отрицательно помотал головой.

– Вот и не надо.

Дай кивнул.

– Хоть что-то ты понимаешь... Ты – огненосная тварь. Василиск. Знаешь, я хочу тебя убить. С первого же мгновения,

как заподозрил, что ты такое. Не хотел тебе говорить, когда ты пришел сегодня, пожалел. И сейчас пожалел, думал, ты все же маленький, плачешь, наверно. А ты тут... вьешься. Гадость такая. Мерзость. Да нет, не бойся, конечно, я тебя не трону, я же обещал Юму, что все с тобой будет в порядке.

Дай снова начал дышать. Услышал треск цикад и шуршание волн снизу. Гай подошел ближе:

– Но все мои инстинкты бунтуют. И ребята, если догадуются, убьют. Они-то ничего не обещали никому. Не этот мир породил тебя. Ты маленький, глазками своими детскими смотришь доверчиво – но ты ведь змей. Чужой огненосный змей. Василиск. Враг. Дитя Хаоса, разрушитель, убийца. Юмис зря отказывается в это верить.

Прошло несколько дней. Гай с Даем не заговаривал, не замечал его. Ел один, не смотрел, делает ли Дай уроки. Дай, конечно, не делал. И перестал есть в доме Гая. Сначала вообще о еде не вспоминал, потом, когда живот заныл, вспомнил. Пошел поел орехов, потом яблок в саду. Оказавшись на воле, долго бродил по берегу в кромке воды. Ну что ж. Василиск так василиск. Где-то слышал он это противное слово раньше... Василиски – всем враги. Хорошими не бывают. Только какой же из него-то василиск? Но ведь не врет же Гай. Но, может, ошибается?

Глаза не смотрели на солнце. На камешки тоже. Вообще ни на что. Заметить бы, если кто захочет подойти. В пер-

вые два дня ребята, завидев его, звали, махали руками, но он отворачивался и уходил. И даже убегал, если они пробовали догонять. Все звуки и голоса стали почему-то далекими и неразборчивыми. Хотя шуршание сухой травы или шорох песка под ногами он нормально слышал.

Он больше не прыгал и не бегал. Гимнастика стала противна. Большею частью он лазил по скалам или дремал в своей пещерке. Узор из камешков развалился, но он не обращал внимания. В первый же вечер остался спать тут, но ночью оказалось страшно холодно. Он в конце концов не смог стерпеть, выбрался, во мраке, спотыкаясь и ушибая ноги, кое-как добрал до дома Гая – там горел свет. Гай вышел навстречу, треснул Дая по затылку:

– Зараза. Где ты ползаешь? Тут живи, понял? Я должен знать, где ты. Иначе в подвал посажу под замок и сиди там.

Дай послушался. Сидел, лежал в своей комнате. Не читал – брал учебник, но не мог сосредоточиться. Иногда ночью лежал под кроватью, потому что так было легче терпеть страх... Ему, в принципе, становилось все равно, где он и что с ним. И что будет. Надо подождать Юма. Пусть Юм сам скажет, что он василиск и всем на свете враг...

Однажды утром Гай куда-то задевался. Дай проснулся и почувствовал, что в доме никого нет. Он вяло поднялся только потому, что очень хотелось пить. Подобрал с пола грязные шорты и рубашку, надел; спустился к фонтану и попил. Посидел на бортике, слушая скучный плеск. Ни на бе-

рег, ни в скалы, ни в парки не хотелось. Пойти лечь под кроватьку... Там успокаивающе пахнет известняковой пылью. Там тихо и полутемно... Он вернулся в дом. Книги молчали. Он заметил на полу выпавшую с переполненных полок, поднял, разгладил смятые страницы – непонятные извилистые буквы черными червяками вздернули красные ядовитые головки и поползли по скользким желтоватым листам. Он отшвырнул книжку и убежал. Постоял за порогом и вернулся, тихонько перевернул ногой беспомощно растопыривший обложку томик. Буквы и буквы. Иероглифы непонятные. Никакие червяки ниоткуда не выползают. Он подобрал книжку, закрыл и положил на полку поверх других. Провел пальцем по невыразительным корешкам плотно стоящих книг. Может, тут что-нибудь где-нибудь есть про него? Где тут прочитать про василиска? Так ли уж это безнадежно плохо – быть этим чужим змеем? Может, бывают и хорошие василиски? Только как найдешь нужную книгу? Тут больше половины – на древних языках. Даже если и найдешь, ничего не вычитаешь...

Сказку, что ли, почитать? Находил же он тут где-то давно книжку с красивыми картинками. Парусники в облаках, принцессы, гномики... Он пошел высматривать детские книжки, но во всех комнатах мрачно и безучастно выстраивались темные переплеты. Где же он видел детские книжки? С узорчатыми переплетами, такие красивые? Гай, наверное, взбесится, если он к этим книжкам прикоснется... Наконец

в полуподвале он набрел на разноцветные стеллажи. Переплеты оказались еще красивее и древнее, чем он помнил. Он даже не сразу решился их тронуть. Но в комнате стоял высокий стол, и было удобно тяжелую книгу на него положить и, лишь чуть-чуть касаясь, перелистывать страницы. Картинок не было. Да и сказка оказалась на легийском языке, Дай понимал одно слово из пяти, но терпеливо читал. Другую книжку он взять не решился. За одну-то, наверное, меньше попадет. Страницы в книге были непривычно толстыми, а буквы, кажется, рисовали кисточкой. Они даже казались живыми. Дай им, забыв обо всем, улыбался. Он разглядывал очередную, большую красную, изрисованную золотом букву заставки, когда по коридору промчался бесшумный вихрь и в комнату ворвался Гай:

– А ну руки убери!

Дай убрал и даже отступил. Потом шагнул к книге, хотел закрыть, но Гай рывкнул:

– Не смей! – он прыгнул к Даю, рванул за шиворот и отшвырнул в дверь.

Дай вцепился лбом и носом в торец двери и от залившей глаза боли не смог устоять, выкатился на шершавый как терка пол коридора. Ободрал кожу. Вокруг потемнело от новой боли. В белую пыль ракушечника ярко и горячо закапало красным. Вскочив, он бросился прочь, но и трех метров не успел пробежать, как сзади настиг и опять ухватил его Гай – он рванулся, и воротником резануло по горлу, рубаш-

ка затрещала – в тот же момент Гай отпустил, и он опять с размаха покатился по обдирающему полу. Вскочил и оказался в углу. Ободранная кожа полыхала огнем, лицо онемело скривилось, красное, липкое и горячее текло сверху и мешало видеть. Он вжался лопатками в шершавую холодную стену, закрылся руками. Как больно!! Из-за легийской книжки?

– Я не хотел, – как из-за стены, глухо сказал Гай. – Я правда не хотел!

Придется еще помучиться. Дай опустил руки. Заколотило от боли, ослабев, он сел на корточки. Коленки часто сочились рубиновыми капельками, и густые темные змейки стекали по белой, запорошенной мелом коже. Со лба и из носа сильно капало. Совсем нестерпимо, до удивления, жгло левое плечо. Он посмотрел и все таки удивился – как будто красный скользкий чулок надела.

Гай неловко поднял его и куда-то потащил:

– Сейчас... Сейчас мы все...

Он приволок Дая к фонтану и стал смывать кровь. Плиты двора стали темными и розовыми, засверкали под солнцем колючими белыми искрами. Дай сам стал умываться, но с ободранных ладошек тоже сильно текло горячим, и он растерялся. И с лица текло, и с коленок, а больше всего с плеча. Совсем замутило. Сквозь сероватый, непонятный какой-то сумрак он тоскливо посмотрел на светлое, почему-то будто мраморное лицо Гая. Гай очнулся, не то проры-

чал, не то простонал что-то, содрал с Дая рубашку и начал рвать на полосы, замотал лоб – но легкая ткань тут же промокла и опять потекла по лицу горячая тяжелая струйка. Гай все плескал на него теплой журчащей водой, которая стекала розовой. Даже шорты вымокли розовым. Стало холодно. И гадко темнело в глазах, затошнило и захотелось спать. Он сел на мокрую землю. Гай вдруг убежал, а через несколько неторопливых, совсем ленивых и сонных ударов сердца вернулся и плеснул Даю на красное плечо ледяным и таким едким, что Дай вскочил и куда-то помчался. Гай поймал, опять опрокинул над ним зеленоватую, хрустальную под солнцем бутылочку, и Даю ожгло лицо. Потом опять плечо. Он притих. И вырвался в то же мгновение, как хватка Гая ослабла, помчался к светлому квадрату выхода. Но почти сразу поскользнулся, падая, попытался сгруппироваться и вдруг врезался башкой во что-то каменное и огромное.

А проснулся у близнецов. За открытым окном покачивались высокие ветки дерева. Он долго на них смотрел, преодолевая головокружение. Потом повернул голову. И близнецы, и Гай были тут, в углу комнаты тесно сидели втроем на плетеном, игрушечном каком-то диванчике, перешептывались друг с другом. Если сосредоточиться, то их становилось слышно:

- ...Академия два... Чтобы Юм снова пережил такое...
- ...надо решать... Ты рискнешь ответить? Юму?
- ...Если кто и мог бы узнать в нем Нехебхау, так это

я... Потому что я помню Ясмину ребенком. ...Как причем? Она же была сестрой Ниеигерена, значит, Нехебхау, сын Ниеигерена, хоть чуточку должен быть на нее похож, она же ему тетка....

– ...нам братом? А Дайка – одно лицо с Ние...

– ...двоюродным. Самым настоящим братом. Вам, старшим, Юму самому... Пусть похож, но в этом тусклом бесцветном заморыше и близко нет ничего от сущности Яськи, от того света...

– ...Юм не объявляет его, прячет...

– ...беда в другой половине его генов...

– ...василиск?

– ...не уверен на сто процентов...

– ...вряд ли. Они убивают взглядом. Превращают в камень.

– ...никто бы не жил. Ты же видишь, он такой, как есть, он никогда не притворяется. По нему же все видно.

– ...ничего я не видел. Одно презрение. Он же смотрит на меня, как на пустое место. А на вас – да, иначе. Вы ж так похожи на Юми.

– ...маленький и очень, очень добрый... кроткий.

– ...он опаснее нас всех, вместе взятых... Доброта может быть лишь маской. Мне кажется, он все-таки – василиск...

– ...что, Юм не понимает? Да он бы уничтожил сразу...

– ...делать с тем фактом, что на половину своих генов он нам...

– ...не нам решать, но большего кошмара для Юмки нарочно не придумать... Может, мы сами...

– ...а если он решил завести себе василиска как ручную зверюшку, то разве это беззлобное существо не...

– ...а если ты ошибаешься?

Дай пошевелился, чтоб они поняли, что он не спит. Туго и толсто замотанное плечо ожгло болью. Он забыл даже про близнецов и Гая, вдруг ощутив себя целиком. Больше всего болела голова, тупо и безнадежно, вся целиком. Лоб и переносица были заклеены чем-то, глаза плохо открывались. Жарко и едко больно было плечу, ладошкам и коленкам. Очень глупо падать на ракушечник. Это же в самом деле терка.

– ...прости меня, Дай, – лицо Гая оказалось совсем близко. – Какой ты нежный, оказывается. Близнецы говорят, что у тебя кожа в два раза тоньше, чем у нас. И кровь летит по сосудам быстрее и плохо свертывается. Тебе нельзя падать. А то вся кровь вытечет...

Дай не понимал, зачем Гай это все говорит. Ему-то какая разница, нежный Дай или нет? Что ж он там у фонтана не оставил его? Вот вся кровь бы и вытекла... И ни у кого нет проблем... И никому не противно... Он закрыл глаза и перестал слушать.

Ночью приснилось странное дерево. Оно росло посреди очень красивого, будто нарисованного, ни на что не похоже-

го синего леса. У дерева был очень ровный и длинный ствол с чуть-чуть голубоватой корой, а на самом верху, как спицы зонтика, правильными радиусами торчали горизонтальные ветки с редкими серебряными листиками. Где-то в небе над этим деревом блуждало невидимое солнце, и казалось вполне понятным, почему у этого дерева нет тени. Еще здесь не было звуков. Словно они все провалились под землю, засыпанную мелкой галькой. Дай поднял два камешка, постукал – ни звука, только отдача тупо толкнулась в пальцы. А самым хорошим было то, что здесь не только теней и звуков не было, но и вообще чего-то шевелящегося. Никакого движения. Только камни и деревья.

Он проснулся от острого чувства радости, словно этот лес был чем-то важным и спасительным. Еще никогда такие сны отчетливые не снились, как будто вовсе и не сон, а настоящая жизнь. И тишина там такая, какой здесь никогда не бывает. Здесь вот в ушах пульс эхом отдается, шуршат ворсинки одеяла, снаружи какие-то звуки далекие...

Он наконец открыл глаза. Все та же комната, только раннее утро. Все те же повязки, только боль слабее. И голова не болит. Близнецы умеют лечить.

Весь день он, съевшись, лежал под одеялом. Знобило, и все вокруг казалось слишком отчетливым и отвратительным. Голоса ставших отчужденными близнецов казались далекими, а слова – непонятными. Они больше не улыбались, смотрели холодно, изучающе. А если так будет смотреть сам

Юм? Но близнецы все-таки лечили. Была мучительная перевязка: бинты, мази, противные розовые мокрые ссадины. Больно не было, но он почему-то еще сильнее замерз, и так потом кутался в одеяло, что Ай принес еще одно. Помогло мало, потому что холод шел из него самого, из костного мозга, наверное. Но он постарался лежать спокойнее и не дрожать, потому что заметил, что близнецы от его дрожания нервозно переглядываются. Иногда он задремывал, но тут же вздрагивал и смотрел на дверь. Но никто страшный не приходил. Аш приходил, а может, Ай – почему-то плохо стало понятно, кто из них кто; – приносили горячий чай, противно сладкий, или суп. Дай ничего не хотел, но боялся отказаться и послушно ел. Под повязками было жарко, и едко дергало, если неосторожно вздрогнуть или шевельнуться.

Ну что, что в нем такого ужасного, что они называют его этим страшным словом «василиск»? Почему Аш и Ай сначала так любили его, так радовались, когда он к ним прибегал, а теперь такие молчаливые, чужие? Что они увидели в нем такое плохое? Непоправимо плохое?

И как теперь жить?

Вставать не разрешали дня три. Потом он, изнемогший от неподвижности, сам встал и залез в жаркое пятно солнца на подоконнике. От жары сразу стало легче. Он сидел, дышал светом, жмурился – близнецы переглянулись и не стали загонять обратно в кровать. А Дай после перевязки опять залез на подоконник, теперь уже другого окна, и быстренько

размотал бинт с того колена, которое меньше болело, и поставил розовую дрянь солнцу. Выглядело противно, он закрыл глаза, стал думать обо всяких змеях, а когда снова нечаянно посмотрел на колено, оно уже покрылось симпатичными темными корочками. Тогда он и второе колено размотал, и сидел на окне до вечера, пока солнце не спустилось за деревья, а из парка не потянуло душистыми запахами ночных цветов. Аш пришел за ним, чтобы отвести ужинать, Дай встал на ноги, распрямив коленки – и все темные корочки ссыпались с коленок невесомой шелухой. Он их отряхнул и немножко почесал новую белую кожу. Аш издал странный звук – и смотрел он круглыми глазами. Дай чуть-чуть улыбнулся. Он завтра весь размотается, едва только солнце встанет. Все заживет, и близнецам больше не будет противно его перевязывать.

В покое следующих дней душа притихла. Передышка. Словно Гай перестал ненавидеть – но это мечты. Его никто не обижал, ни Гай, ни, тем более, близнецы, но и Аш и Ай сторонились, брезговали, будто и им, как и Гаю, он сделался противным. Очень противным. Они даже не сажали его больше за стол с собой, кормили отдельно, завели даже отдельную тарелку с красной, как кровь, каемкой... Уйти в скалы, может? Там пожить, пока Юм не придет? Он как-то, проснувшись рано-рано утром, оделся, взял с собой еще одну рубашку, потому что ночью в скалах холодно, и отправился туда. Только ноги такие мягкие, слабые, что он быст-

ро устал. В парке сел на травку на солнышке и нечаянно уснул. А проснулся, когда Аш молча сгружал его на кровать. А в дверях стоял Ай и, увидев, что Дай проснулся, резко сказал:

– Не смей так больше делать. Никуда не уходи один.

Можно подумать, куда-то уйти есть с кем. Зачем он тогда поверил, что так похожие на Юма близнецы и любить будут всегда, как Юм? Ведь все на свете думали про него плохо, даже няньки в яслях... Неужели он правда такой плохой? Разве он злой? Дай перестал хотеть снова стать обыкновенным ребенком, про которого не думают это ужасное и непонятное слово «василиск», он лишь хотел как-нибудь перестать бояться. Хотел дождаться Юма. Пусть Юм сам с ним разберется. Пусть проверит... Но как он будет проверять? И что? Что это вообще значит – «василиски», в чем их ужас?

Надо дождаться.

Он придет.

Только бы скорее приходил...

Почти все время Дай спал. При каждом удобном случае он убегал к себе и свертывался клубком на кровати. А иногда и под кроватью. Он бы вообще не вставал, но ругали и заставляли вставать, кушать, гулять. Близнецы почему-то очень волновались, что он так много спит. Пару раз он просыпался в амбулатории на столе, и близнецы выглядели измученными, и странно говорили, что не могли его разбудить. Никак, ничем. Дай не удивлялся. И не пугался. Смотр-

рел в пол, чтоб не видеть их... Да, просыпаться после сна про камешки очень трудно. И потом сил нет и подташнивает. Вот бы вообще не просыпаться, остаться там... Все казалось безразличным. Пришел бы Юм, сказал точно, василиск он или нет, и, если правда василиск, он взял и навсегда бы уснул.

Камешком бы стал.

А правда. Превратиться бы не в змею, а в камень... Спать, спать. Он засыпал сразу, как только близнецы оставляли в покое. В кроватке (ночью чаще под кроваткой, потому что ночью страшнее), за столом, на полу, на веранде, на траве. Спал, свернувшись клубком где-нибудь на солнцепеке, подставляя лучам плечо и ладошки. Ладошки два дня заживали, а потом оказались непослушными и жутко чесались, а чесать тонюсенькую кожу больно. А плечо еще дольше заживало... Но все равно лежать на солнышке было нужно. Кровь, сияя, неслась внутри, все плохие мысли испарялись. А если лежать лбом в коленки, то и сознание засыпало. Он просто был что-то живое, и воздух немножко охлаждал спину и шелестел звуками парка – листья, трава, птицы... Наверное, так чувствуют себя камешки. Море ровно шуршало где-то подальше. Ничего не хотел, только спать.

А снился все тот же сон, похожий на жизнь. Про одно и то же место. Там было это высокое, похожее на голый зонтик или антенну дерево. Но теперь Дая интересовало не оно само, а крупная цветная галька вокруг. Камешки всякие.

Темные и светлые, цветные и серенькие, полупрозрачные и искрящиеся блестками слюды, гладкие и шершавые. Они были совсем не такие, как наяву – не определить, что за камни. Берешь какой-нибудь серенький и думаешь, что это, наверное, гранит обыкновенный, а это окажется какой-нибудь туф слоистый – и тут же, прямо в руке вдруг превратится в перидотит или габбро. Он бросил их определять. Совсем не главное, из чего они состоят. Главное, что эти камешки были живыми. Они ласкали руки теплом, мерцали, оживая под пальцами – он с ними мысленно разговаривал и играл, выкладывая из них узоры вокруг голубоватого ствола. Эти каменные поляны под безлиственными громадными зонтиками были самым лучшим на свете местом. И там – все по-настоящему, Дай и не помнил там, что на самом-то деле спит. И не помнил, что василиск.

А может, и правда не спал, потому что потом днем, наяву, все время клонило в сон без снов. Близнецы сначала то и дело будили, потом уже не трогали, но и одного почти не оставляли. Присматривали, а может, изучали. Или сторожили. Когда, вернувшись от камешков в явь, и дышать было тяжело, не то что глаза открыть, они хватали его, трясли, говорили так громко и непонятно, втыкали ужасные иголки шприцов со своими дурацкими лекарствами... В общем, все равно, но он устал мучиться. Терпеть? Он снова захотел от них уйти, сбежать, и почти убежал – но они снова быстро догнали в парке и долго ругали бессовестным. Дай

пошел к себе, заполз под кроватьку и сразу уснул... Вот они и стали его караулить, да только на новую попытку убежать у Дая не было ни смелости, ни сил, ни воли. Он Юма ждал... И спал. Вот только если снились сны про камушки, близнецы оказывались рядом при каждом пробуждении – снова встревоженные, какие-то усталые, трясли, кормили его таблетками, тыкали иголками с лекарством, говорили, что Дай опять был в обмороке, что они не могли его привести в себя. Дай не удивлялся – он ведь вообще не хотел бы приходить в себя – сюда, к ним...

А потом все зажило, но близнецы не торопились звать Гая, хотя говорить с Даем им стало вообще не о чем. Они не отдавали его Гаю потому, что он болен и они должны его лечить? Наверно, он здорово мешал им работать, потому что надо караулить... Но Дай не убегал больше. Он был какой-то слабый и душой, и телом, ничего не хотел и плохо слышал, что говорят Аш и Ай. А они вдруг хватали за плечи и что-то втолковывали. Дай слушался – брел, куда вели, обедать на кухню, например. А они стояли рядом и заставляли все доедать... Его тошнило потом.

Потом все-таки появился Гай. Подошел, когда Дай лежал на своем местечке в примятой траве за домом – шаги далеко отдавались в земле, и Дай их сразу узнал. Шаг Гая был тяжелым, так никогда не ходят мальчишки. Гай, наверное, на Берегу очень много лет прожил. Как и все здесь. Близнецам ведь на самом деле тоже не по четырнадцать. Но Гай намно-

го, намного старше. Дай приподнялся, когда он подошел. Гай сел в траву так близко, что Дай невольно отодвинулся. Гай усмехнулся и тихо сказал:

– Привет. Конечно, ты бы хотел здесь остаться.

Дай, не глядя, помотал головой.

– Неужели охотно со мной вернешься?

Дай снова помотал головой.

– Ну а куда бы ты пошел? В скалы, в нору эту свою?

Дай усмехнулся и опять помотал головой. Потом закрыл глаза, приложил сложенные ладошки к щеке и показал: спать, спать, спать. И не просыпаться очень долго. Какая разница, где...

– А я не могу спать совсем, – грустно признался Гай. – Все думаю, что сделал... Что сказал тебе. Все вижу, как ты падаешь башкой на каменные плиты. Прочитал об огненосных врагах все, что было в Драконе и у легов. Знаешь, ни один из них не повел бы себя так, как ты... Но это тоже ничего не значит. Ведь ты маленький, личинка еще, ребенок.

Дай пожал плечами. Гай попросил:

– Покажи огонь.

Послушно развернув ладошку, Дай заставил голубые, совсем бледные под солнцем лепестки огня немножко потанцевать, потом ласково подул на них и некрепко сжал кулак. Уронил слабую руку. Неужели придется пешком с Гаем через весь парк идти?

– Полудохлый ведь, а все равно это можешь!

Дай показал на солнце. Если б ему не давали лежать на солнце, он бы весь давно кончился. Синее пламя – оно ведь от солнца.

– А Юм знает про твой огонь?

Дай кивнул. Юм про него все знает.

– Понимаешь, я узнал на днях, что есть другие... Похожие и тоже очень опасные. Но кто они и что такое... Никто не знает. Разве что Юмис.

Дай быстро взглянул: Гай смотрел в траву и, к счастью, не заметил взгляда. Почему-то стало его жалко. А может, Дай сам виноват, что Гай стал так плохо к нему относиться. Он ведь из-за вечной ругани отвернулся от него, как от всех взрослых в школе. Гай ведь про него, про Дая говорил: «смотрит на меня, как на пустое место»... Но ведь он – не Юм... И обзывался... Гай добавил:

– Может, Юм надеется, что ты тот, другой? Не василиск?

Вздыхнув, Дай протянул руку и чуть-чуть коснулся его плеча, так же ласково и точно, как своих камешков. Послал тепло и поддержку, как Юму. Гай вздрогнул и посмотрел изумленно. Прошептал:

– Так вот на что ты поймал Юма. Ты, как батарейка, отдаешь энергию, которую забрал у солнца...

Дай пожал плечами, убирая руку. Про батарейку – не понял. Он просто терпеть не мог, если кто-то рядом чем-нибудь терзался. Пусть даже злобный от усталости Гай. Потому прикосновением всего лишь постарался успокоить. Если Дай

Юму зачем-нибудь нужен, он будет служить ему вернее всех. Путь лишь батареейкой. А если он им всем какой-то древний враг, то он уйдет. В лес свой каменный. И сам превратится в камешек. Гаю бояться ничего не нужно.

Гай взглянул на него болотными глазами. Сказал устало-устало:

– Я боюсь тебе верить. Василиски – самые коварные существа. Они обманывают всех. Взглядом в камень превращают. А ты камни любишь, тебе с камнями легче, чем с людьми живыми – что нам думать?

Дай пожал плечами и лег. Он устал. Кого он обманывает? Он такой, как есть. И сам не знает, кто именно. Просто живет и живет. Все терпит. Зачем ему кем-то притворяться? Вот придет Юм и все этому Гаю объяснит. И самому Даю тоже. А то совсем непонятно, как жить и для чего терпеть. А если он такой плохой по своей природе, что тут жить нельзя... Он и не будет. С камешками в синем лесу – лучше... Дай закрыл глаза и повернул лицо к солнцу. Кровь, сияющая, алая, переливалась в веках. Стало слегка противно, и он снова открыл глаза. У камней нет крови. Если по камню стукнуть, у камня не будет противной и мокнущей розовой ссадины. Камнем быть лучше, чем противным инородцем. Гай смотрел в жухлую траву. Дай сел и снова тронул его за плечо, потом показал в сторону скал. Близнецам он давно уже опротивел со своими обмороками. Если Гаю так легче, Дай снова будет у него жить. Дождется Юма. А если Юм не придет

или придет и скажет, что Дай василиск, то можно будет взять и стать камнем.

Надо только как-нибудь его дожждаться.

Хоть как-нибудь.

Гай несколько дней присматривался к тихому Даю, который принудил себя меньше спать, стал ходить на берег или в скалы – правда, ребят он все равно избегал. И чаще оставался дома, на солнечном подоконнике. Шевелиться было лень, лень было даже думать. Однажды Дай пригрелся на подоконнике. Вдруг услышал шорох и открыл глаза: Гай стоит близко и смотрит в лицо. Сколько он уже так смотрел? Дай не отводил глаз. Гай сказал:

– Ты – странная душа. Такой, будто тебя и нет... Так! Это апатия отвратительна, – Гай стащил его с подоконника. – Быстро тряпку в руки и марш пыль с книг стирать!

Дай изумился. Чтобы Гай подпустил – его! – к своим сокровищам? Он стирал пыль очень аккуратно. Гай ворчал, что он долго возится, но уж так свирепо, как раньше, не ругался. Дай даже заметил, что он время от времени исподтишка его разглядывает. Однажды он даже подошел и долго близко разглядывал его лицо. И зачем-то брови потрогал. Дай даже пошел потом и в зеркало посмотрел: ну и что? Противенький заморыш с перепуганными глазами. И брови как брови, рыжеватые какие-то, с кисточкой к виску... А на следующее утро Гай вдруг сказал:

– Мне стыдно, что я тогда пожалел тебе книжку... Ты мо-

жешь брать книжки. Какие хочешь. Даже те, внизу.

Это почему-то Дая не удивило. И книжки его теперь не притягивали, как раньше. Но, вытирая пыль, он нашел одну толстую, о мифах легийских доменов, зачем-то полистал и почти сразу мелькнули перед глазами чешуйчатые кольца какого-то коварного змея. Мягко отнялись ноги. Он сел, где стоял, на пол. Просмотрел все картинки в книге, потом вернулся к той, страшной. Прочитал все, что было об этом Нагарадже, Ниеигерене, Нирахе – у этого Царя Змей много было понятных и непонятных имен. Запутался во множестве персонажей и стал читать все эти легенды сначала, с первой страницы. Солнце сквозь щель в ставне ползло по полу. Проползло по его ногам, потом полезло вверх по корешкам книг. Краем глаза Дай заметил, что подошел Гай – но он несколько секунд постоял молча и ушел. Даже про брошенную на пол тряпку ничего не сказал. Дай читал весь остаток дня. И с утра читал. Потом повытирал пыль, что-то поел, дочитал книжку, пошел ставить ее на место и на той же полке нашел еще несколько книг о тех же древнелегийских легендах. Гулять он перестал совсем. Вполне достаточно подоконников. А через несколько дней Гай принес еще одну книгу, видом старинную, с тусклыми металлическими уголками на обложке:

– Читай уж на легийском. Вот словарь тебе хороший еще. Все пользы будет больше. Уроки-то ты забросил... А здесь есть кой-что интересное.

Дай не сразу взялся за эту книгу. Она была тяжелой, на ве-

су долго не удержат, пахла каменной пылью и, слабо-слабо, сушеными яблоками. Дай как открыл, так и не смог оторваться от бледно-голубых толстых страниц с замысловатыми буквами. И картинки там были страшноватые, с непривычной графикой, но красивые до мурашиков по спине. Ночью даже снилось, как они оживают. Ему вообще теперь много разных снов снилось. И каменный лес снился, и снег снился, и зимний Венок, и ребята, камни снились, пещерка, Нирах со своими чешуйчатыми кольцами, страшный и далекий, жеребенок Эташа, кружева Уни и еще какие-то узоры, золотые и бесконечные в темной пустоте – только Юм не снился. Но ведь у Юма теперь белый венок, сам он – кто-то во всем этом мире главнейший. Не до Дая. К тому же и Артем, и он тогда проговорились, что где-то, «наверху», у Юма есть какой-то ребенок-сокровище, девочка, которую он сам воспитывает и чему-то учит. Но он ведь не забыл про Дая? Он ведь придет? Он разберется? Он долго не приходит уже. Ну, он ведь не знает, как это трудно, не понимать: то ли можно жить, если тебя терпят, то ли надо умереть, потому что, наверно, ты жуткое чудовище василиск и всех убьешь, если вырастешь...

И про камешки сны он теперь смотрел не так часто – осознал, что в сон к камешкам может попадать незначительным волевым усилием, одним желанием – да и стало пугать слегка, что сон этот уж слишком реальный, настоящий, как жизнь. И что тут его никто в это время разбудить не может –

тоже ведь страшно. Пару раз опять как-то он просыпался, едва живой, а над ним Гай и близнецы, опять испуганные, лекарства и шприцы в руках, сам весь в датчиках и иголка капельницы в руке – большим эти его сны про камешки казались опасной болезнью, обмороками. Но это не они его будили – он сам там у камешков принимал решение проснуться. Если там слишком долго сидеть – потом наяву дохлый, как моллюск на солнце. Не умереть бы. Ведь надо дождаться Юма.

Не надо их пугать. Надо книжки читать и пока жить тут. Тут ведь тоже много интересного, а еще прибой шумит, ветер в садах, птицы, солнышко и небо... Только на это очень больно смотреть. Потому что этого, наверно, если он василиск, ему нельзя уже... Но ведь еще книжки есть со всякими тайнами – разгадаешь их и все поймешь, и про жизнь, и про самого себя... Надо читать, пока разрешают... Ведь стать камнем всегда можно успеть.

Ему понравилось распутывать мифологические сплетения драконьих хвостов из легийских легенд, понравился угрюмый язык древних хроник. Он и сам относился ко всему на свете так же серьезно. Наверное, если бы он попробовал выдумать легенду, она получилась бы еще угрюмее, чем мифы про этих забытых богов, то и дело превращающихся в чудовища.

Он занялся этими легендами, как самыми важными уроками. Не отрываясь. В комнате копились тяжелые книги,

и он вдруг понял Гая, который тоже от своих книг не отрывался. Гай нашел ему еще одну интересную книгу, «Ранние легийские хроники», и у Дая волосы взъерошивались, настолько отчетливы были следы богов во всех этих спутанных и полузабытых событиях. Но Дай-то всегда продирался к смыслу – и под всеми божественными масками настигал тех двоих, кто стоял у истока событий, тех, кто начал Историю. Там были, конечно, другие персонажи с именами стихий или вовсе без имен – но они в итоге тоже служили первым двоим. Дай начал подозревать, что Дракон – это тоже их затея, и много думал о Юме. И ходил возле стеллажей, подозрительно разглядывая переплеты. Должна ведь найтись книжка, которая все объяснит!

Он сидел над сборником апокрифов и, время от времени заглядывая в словарь, выслеживал следы драконьих когтей на камнях событий, когда вдруг за окном нежно захлопали, затрепетали крылья, и на подоконник, скользя лапами, села большая пестрая птица. Сова. Дай тихонько встал. Все летописи мира потеряли смысл. Сова глянула одним золотым глазом, другим. Взмахнула крыльями так резко, что над ней полетели, закружились дымчатые золотые пушинки – и на подоконнике оказалась Уни.

Дай осторожно улыбнулся. И даже поклонился чуть-чуть. Уни улыбнулась, сама слегка испуганная; посмотрела в приоткрытую в темный коридор дверь. Сказала тихонько:

– Здравствуй... Ты почему к нам не приходишь больше?
Что стряслось?

Дай помотал головой.

– Да разве ты сознаешься, – она бесшумно спрыгнула на пол. – Бегаешь ото всех, книжки читаешь... – Она, коричневая от солнца, в дымчатом от золотых кружев платье, подошла к столу, посмотрела в раскрытую книгу – раскрытую как раз на страшной картинке с Нирахом, змеем из страшного мифа. – Страшный какой...

Дай вздохнул и показал пальцем на себя.

Глаза Уни стали огромными и круглыми – совиными. Она еще раз посмотрела на картинку, вздрогнула и спросила шепотом:

– А ты что, уже превращался? Нет? Тогда откуда ты знаешь?

Дай тоскливо махнул рукой. Уни свела над серьезными глазами легкие выгоревшие бровки:

– Да ты попробуй. Может, ты и не змея вовсе, – она слегка передернула загорелыми плечиками. – Ты ведь не знаешь. А если змея, я не скажу никому... Если хочешь, я тебя тогда даже унесу далеко-далеко отсюда.

Дай отчаянно закивал. Юм, в конце концов, найдет его где угодно, а здесь не за кого держаться. Вот и Уни, как и Гай, знает что-то такое, из-за чего Даю действительно лучше было бы ползать змейкой где-нибудь далеко отсюда.

– В горы, наверное, ты же камни любишь, – она закусила

губу. – А ты меня не ужалишь?

Почему она уже верила, что Дай – змея? Ну что в нем было такого – змеинового? Чутьочку брезгливо, перебирая свои кружавчики и тоскливо посматривая в глубокое небо за окном, она объяснила секрет превращения: здесь на Берегу достаточно лишь пожелать оказаться тайным собой в момент прыжка назад с переворотом через голову – и превратишься, если твое тело действительно несет в себе второй облик. А если ты просто человек – то ничего и не произойдет.

Дай медленно залез на стул. Нехорошее, уставшее упрямство поднимало в испуганно летящей в плену жилок крови темную муть. Кровь хотела к Юму, к свету, к огромным кораблям в космосе, но ей было не вырваться из замкнутых кружев артерий и капилляров, не убежать из темного сердца. Дай сам понимал, что нельзя, не стоит этого делать, что еще слишком рано, что все это кончится плохо, что рисковать нельзя – но как же тогда узнать? Если он правда ядовитая змея, тварь подколодная, этот василиск, которого все ненавидят – так стоит ли ему ждать Юма? Когда по артериям понеслась густая, настоящая чернота ядовитой решимости, он угрюмо взглянул на Уни и кивнул. Она опять прикусила губу, отошла и залезла на подоконник, прижалась к косяку.

Телу не хотелось прыгать. Оно-то знало, какой второй облик носит в себе. Лучше только играть в змейку... Дай все-таки заплакал. Глянул на испуганную Уни сквозь сверкающие пятна на ресницах, перестал дышать и прыгнул.

Тело не стало легким. С ним случилось что-то совсем не болезненное, щекотное и непонятное, но оно продолжало падать на шершавый ракушечник пола. Дай сжался, хотел мягко встретить пол ногами и оттолкнуться – но шлепнулся весь целиком. Хотел, пережив ушиб, вскочить, но беспомощно бескостные зачатки рук и ног только зря обдирались об ракушечник... Но если они есть – значит, он не змея! Но что он такое? Он завертелся, и мимо глаз на близком белом полу потекло золотое и блестящее, оборвалось длинным хвостом. А вокруг – ничего. Он замер, тыкаясь головой во что-то твердое и деревянное. Растопырить руки, вскочить! Во всем нежном, болезненно тонкокожем теле через камень пола отдался крик и торопливый топот бегущего снизу по неровным ступеням лестницы Гая. И тут же пестрая огромная тень захлопала сверху, зашумела перьями и больно и крепко схватила в двух местах. Дай заизвивался от боли – и внезапно оказался в синем воздухе. Кожу ожгло белым солнцем и резким ветром. Внизу бездна и цветные пятна, и кто-то отчаянно кричит позади – и больно, невыносимо больно стиснулись два когтистых кольца на теле. Огромное синее сверкало впереди внизу – или сбоку? А там что – черное, огромное в полнеба? Дай ничего не понимал и не видел, его трясло и болтало, встряхивало под взмахи крыльев – неровные и тяжелые.

Проваливающиеся. Уни тяжело! Она едва смогла поднять его, потому и вцепилась так крепко, что боится уронить! Внезапно перед самыми глазами пронеслась отчетли-

вая до каждой царапинки коричневая черепица крыши, потом с маху стегнуло зеленой упругой веткой и, вдруг освобожденный от режущей хватки лап, извиваясь от ужаса, Дай в лилово-зеленой жуткой пустоте полетел вниз.

Секунду спустя он врезался во что-то маленькое, черное, твердое; все завертелось, его обхватили какие-то руки, потом страшный удар, отдавшийся в него сквозь этот живой черный комок – и он близко перед глазами вдруг увидел неподвижный, слежавшийся песок: все песчинки разноцветные...

3. Локусы хромосом

Юм.

Он был рядом.

Он глаз не спускал.

Хотя в последние дни стал отлучаться. Ему ведь нужно работать. Не может Юм быть нянькой. Не может быть рядом всегда...

Целое лето прошло. Хотя здесь всегда лето. На этом Берегу вовсе нет времени. То есть время «Всегда»: какая разница, сколько раз повернулась планета. Дай покосился в сторону Юма. Тот сидел боком к шуршащему прибою и ни на что, кроме экранов над планшетом на коленях, не смотрел. Но взгляд Дая он ощутил сразу и, вскинув глаза, вопросительно поднял брови. Дай показал на море. Юм намурился и покачал головой. Снова занялся работой. Вообще-то большую воду Дай ненавидел по-прежнему, но зато в соленой воде тело переставало быть тяжелым, и он уже хорошо плавал – правда, если только видел под собой белое дно, и чтобы Юм был неподалеку. Юм... Что же это у него за шрам такой на груди, крестом – страшный... Прямо против сердца. И не спросишь. Да может, он бы и не ответил. У него много тайн.

Дай снова уставился на безупречно ровную, синюю прямую горизонता, лениво пропуская сквозь пальцы горячий тя-

желый песок, слушая прибой, неотрывно глядя в море, стараясь в синем блеске разглядеть прошедшее. Сколько же времени прошло мимо, пока он здесь? Как, чем измерить прошедшее? Дай даже не удивился, что час назад Юм появился в зимней одежде, и даже снег не успел растаять на плечах и шапке. Он трогал снег пальцем и нюхал, пока тот не растаял – а Юм терпеливо держал его на руках и улыбался. На всем ДOME уже давно зима, наверное. Дай снова покопился на склоненный к вееру экранов профиль Юма. Если уж ему так надо работать, зачем он здесь? Обрадуешься так, что сердце останавливается, и потом сразу – мешать и отвлекать нельзя, и веди себя так, будто тебя нет...

Зато сначала Юм не отходил вообще и помогал прожить каждую бесконечную минуту. Разговаривал тихонько, не спускал с рук, даже целовал, если Дай начинал плакать. Плоховато помнится, как там все было.. Когда упал с неба, а Юм поймал, не дал разбиться... Помнил только разноцветные песчинки. Юм встал с песка и просто превратил его обратно в мальчика, прижал к себе, куда-то, прихрамывая, понес – Дай уснул почему-то. А когда проснулся, жизнь стала – Юм. Только все казалось каким-то подводным, медленным. Юм тормозил, таскал на руках, шептал маленькие пушистые слова на ушко, водил за руку, кормил едой, иногда даже с ложки – Дай и не сразу заметил, что живут они почему-то в доме у близнецов. Юм почти не работал в первые дни: водил за руку по тенистому парку (только никто

не встречался), катал на карусельках, и – на море: тормозил в воде, учил строить домики из песка и украшать их ракушками, вечером зажигал костерок на пляже, завертывал в одеяло и рассказывал сказки и истории. Вечером укладывал, спал рядом, утром поднимал – и однажды Дай в самом деле проснулся. Синие глаза у Юма какие... Юм тут? Юм – спас? Ведь спас же, иначе бы Дай разбился в слякоть об тот разноцветный песок! Поймал! Не дал разбиться, он любит – значит, Дай никакой не василиск!

Не василиск!! Не убийца!

Все вокруг вдруг стало золотым, ярко вспыхнуло, заструилось сполохами – даже небо, даже Юм стал золотым! Дай набросился на него с объятиями, вцепился, притиснулся, так что Юм охнул, отпрыгнул; завертелся вокруг Юма с ног на руки, во все свои кульбиты и сальто, и золотое сияние вертелось вместе с ним; наконец свалился, и золотой свет растекся облаком. Море и небо почему-то были зелеными. Юм подбежал, схватил – Дай улыбнулся и вдруг опять уснул. Спать было хорошо, тепло и неудобно, он слышал стук сердца Юма; снилось что-то белое, как молоко и свежее, сладкое, как мятные леденцы. Но он не хотел спать, он хотел к Юму, и скоро проснулся.

– Привет, – сказал Юм.

Какой же он уставший. Выпутался из его рук, показал жемами: спи, ты устал! Юм засмеялся и помотал головой. Дай тоже засмеялся и показал, что хочет есть. Тогда они пошли

есть яблоки: Дай любил большие зеленые, пахучие, тяжелые, а Юм – малиновые, розовые внутри. И виноград поспел, и еще они набрали в карманы орехов. Потом сидели на голом утесе над морем, кололи их друг для друга. Юм, конечно, успевал больше орешков наколоть.

– Как ужасно я уже соскучился по твоему голосу, – вдруг сказал Юм.

Дай замер. Потом вздохнул и протянул ему орешек. Он и сам боялся, что уже разучился говорить. Юм орешек взял. Съел. Спросил:

– Говорят, заговоришь, когда будет что сказать? И что – совсем нечего пока, даже мне?

Дай съежился. Юм испугался и схватил, подтащил к себе и обнял:

– Ну, прости, прости, мой родной. Что мне надо знать, я и так понимаю, да? Я тебя тоже очень люблю. Но ты такой умник, ты столько думаешь, что мне хочется знать, о чем.

Дай нарисовал в пыли много-много знаков вопросов.

– У меня не меньше, – засмеялся Юм. – В принципе, жизнь – это и есть поиск ответов. Ладно, пойдем заберем у Гая твои вещи.

Дай обрадовался: теперь Юм его куда-нибудь заберет отсюда? А вещи – да какие у него вещи, ну их... Но Юм вел его за руку к скалам и белому домику – почему домик этот раньше казался таким большим? А вон его окошко, закрыто синими ставнями. Все окна закрыты от солнца. Жарко. Гай

встретил их у входа, кивнув ему, Дай отпустил руку Юма и побежал к фонтану умываться и пить. И дворик-то маленький, и фонтанчик... Юм подошел и тоже умылся и попил. Гай стоял в тени, смотрел непонятно.

– Ты что? – спросил у него Юм.

– А он что... вот так... светится?

– Когда радуется, – Юм притянул к себе Дая и поворотил ему волосы. – Какой ты совсем золотой стал, Дайчик... Светлячок мой.

– Глаза... зеленые...

– Ну да, – терпеливо пояснил Юм. – Дайка настоящий, когда радуется. Тогда светится. Ты что, ни разу не видел? Да что с тобой, Гай?

– Сам не пойму... Он мне вроде напоминает... Когда золотой... Бровки вот эти ...с кисточкой...

– С какой еще кисточкой? – Юм проверил брови Дая. – А. Ну да. Кисточки к вискам... Кого напоминает-то?

– Да так... Смутно. Давно было. Сколько лет уж прошло, сколько лиц...

– Ты вроде недоговариваешь.

– Буду уверен, так сразу скажу...

Потом они все поднялись по пыльной белой лестнице, прошли по скрипучей галерейке. Дай толкнул свою дверь, вошел и вдруг растерялся. Здесь все осталось, как было. Кроватька (и полутемное пространство под ней), стол, скрипучий высокий стул. Книжки и учебники на столе. Одежда на па-

лочках, всунутых в мелкие дырки и щели между блоков ракушечника. Много пыли, смотреть противно...

– Это не похоже на комнату ребенка, – странно сказал Юм. – Дай, но там ведь полные сады игрушек...

Дай пожал плечами. Вытащил из-под кровати запылившуюся сумку, белую, с синей эмблемой Венка: что туда положить?

– Ты что, с ума сошел?

Дай испугался – но Юм сказал так сердито не ему, а Гаю. Юм держал ту тяжелую книгу – с Нирахом. И на остальные книги смотрел глазами расширившимися, удивленными – быстро становящимися рассерженными. Опасными.

– Он не хотел ничего, – глуховато заговорил Гай. – Прятался в скалах, спал как в коме – вот мы рассказывали-то, ужас. Или сидел, как саламандра, на солнцепеке и покачивался. Я был рад, когда его заинтересовали книги.

– ...А сказок детских под рукой не нашлось?

– Я предлагал. Но то, что он, похоже, ищет, в сказках не написано.

Они оба посмотрели на Дая. Дай пожал плечами. Юм здесь; все, что важно, он сам расскажет. Юм подумал, тоже пожал плечами:

– Да пусть ищет, что хочет. Когда столько вопросов... Дай, только отсюда книги не бери, они здесь должны храниться. Я сам тебе любые дам. А учебники забирай.

Дай нашел и отдал Юму пока подержать им же подарен-

ную коробочку с самоцветиками, собрал учебники и тетрадки в сумку, подошел к одежде: все запыхтелось, синяя рубашка выцвела, зеленая порвалась. Он растерялся. Юм подошел, махнул рукой:

– Да не трогай ты эти отрепья. Гай, выброси. Зайду на днях, поговорим.

Сумку с учебниками Дай разгрузил в комнате, где болел когда-то. Юм в течение недели принес еще десяток учебников, а близнецы раздобыли где-то много новой одежды. Юм устроился в соседней комнате, следил за Даем, а когда работал или отлучался на время, задавал уроки. Но вопросы так и оставались вопросами... Написать на бумажке и принести Юму? Да страшно же. Написал тогда, принес Гаю – и что стряслось? А уж если Юм рассердится...

Странно жить снова в доме у близнецов. А их – почти не было видно. Они приносили Даю еду, но близко к Юму не подходили. И с Даем не разговаривали. Даже про то, как Дай себя чувствует, спрашивали у Юма. Зачем же Юм тут остается? Почему не заберет Дая куда-нибудь? Только из-за витаминок, которые по утрам Даю на блюдечке приносят близнецы? На всякий случай к камешкам он не ходил. Во-первых, Юм – вот. От него – никуда. Во-вторых, сил нет, а просыпаться оттуда так тяжело. В-третьих, а чего же Юма так пугать – если разбудить не сможет, ведь страшно же?

Отношений между ними он вообще не понимал. С перво-

го взгляда было понятно: эти трое – родные братья. Сиблинги. Но Юма близнецы, хотя он был явно их младше – ниже ростом, тоньше, с детским лицом, – боялись и едва не стелились ему под ноги. Они были сверхпредупредительны, хотя Юм-то вел себя так же, как всегда – но они боялись его, даже говорить с ним боялись – хотя и говорили-то лишь о здоровье Дая. А Юм разговаривал кратко, сторонился – но иногда втайне очень внимательно наблюдал за ними. Они, кстати, тоже украдкой на него подолгу смотрели – почти с тоской, с давней болью непонятной. И Юма, и близнецов это сосуществование возле Дая тяготило. Сами по себе они никогда бы, наверное, даже не подошли бы друг к другу. Близнецы бы не посмели, а Юм бы не захотел. Почему? Ведь они братья? Это видно. Настоящие братья, кровные, от одних родителей... Что же с ними стряслось?

Дни, которые они проводили вместе с утра до ночи, прошли. Много-много уже таких дней прошло, из которых словно вырезаны были часы жизни – часы отсутствия Юма. Наступил и такой день, когда Юм не вернулся к вечеру. Да он и заранее предупредил, что не придет, что работы много.

Близнецы проследили, как Дай ляжет, закрыли дверь и ушли. В это время Юм садился рядом со своей работой, и можно было, поглядывая на него, потихоньку засыпать. Или он не работал и тогда мог рассказывать короткие сказки, да и просто говорил что-то простое и ласковое. И спал он – если спал вообще – в комнате, дверь в которую была от-

крыта из комнаты Дая, и ночью, если вдруг Дай просыпался, Юм уже был рядом, бессонный, серьезный; приносил водички раньше, чем Дай соображал, что хочет пить. Как теперь привыкнуть жить без него? Это же... Невозможно! Но ведь он уже выздоровел... Юм оставит его с близнецами?

Нечего сейчас о будущем думать. С тем бы разобраться, что теперь его окружает. И с тем, что он натворил своим дурацким превращением.

Он помнил, как решился. Помнил прыжок со стула назад себя, помнил переворот в тугом тихом воздухе. Даже помнил секундный, жалеюще брезгливый взгляд Уни после того, как она посмотрела на картинку с Нирахом. Из-за этого взгляда он на самом-то деле и решился. А что потом было – не помнил, и кто он на самом деле – не узнал. Но ведь Юм-то знает? И близнецы? И они больше не смотрят на Дая с отвращением и подозрением, нет, они даже не дали ему умереть. Значит, он хороший... Не василиск... Не василиск!! Наверное.

Но на сердце все равно тяжело. Дай знал, конечно, что Юм его дурачком не считает, но почему не хочет ничего объяснять? Маленьким считает? Жалеет? Плохо без него, пусто. Посмотреть сон про камушки? Что-то соскучился он... В эти дни с Юмом думать о них забыл... Там хорошо, там узоры и узорчики, и еще больше ждут вперемешку, пока он их разберет, разложит; там тихо и синие деревья...

Там хорошо, да, но он сложил только один маленький узорчик: боялся – вдруг вернется Юм – и проснулся слиш-

ком рано. Юма не было. Дай лежал, прислушиваясь к тишине – только лепет листьев сразу за окном, ровный шорох прибоя издалека и птичьи, еще неуверенные, спросонок, песенки. Едва рассвело. Бесшумно вылез из кроватки и, прихрамывая, подкрался к двери в комнату Юма. Пусто. Не понять, кто живет. Даже у Дая в комнате накопились уже всякие игрушки, книжки, учебники и камешки. У Юма – ни одной безделушки, даже ни одной мелочи. Интересно, там, где он живет всегда, тоже так? Будто ему ничего не нужно? Дай вздохнул, оглядывая комнату. Все аккуратно, все прибрано, маленький белый интерфейс Юма лежит, закрытый, на пустом столе. Только одна из рубашек Юма висит на спинке стула, а у дверей валяются сандалии. Он ведь вернется?

Дай бросился к близнецам спросить. Их комнаты были далеко, за библиотекой и темной столовой, бежать было долго – может быть, из-за этого очень хотелось заплакать.

Аш, полусонный и лохматый, обнаружился на слепяще белой от солнца кухне. Он, в одних лишь пижамных шортах, пил прямо из пакета сок и задумчиво нажимал на панели комбайна разные кнопочки – но тут же бросил и кнопочки, и сок, когда Дай кинулся к нему, запнулся за порог и едва не упал. Аш успел его подхватить:

– Малыш! Ну ты что вскочил? Рано же еще... А. Я понял. Тебе без Юма неважко. Еще бы. Ты ж в такой зависимости... Ты без него и не светишься нисколько. Опять тусклый и сердитый... Только ты уж давай привыкай. У Юма дел те-

перь много. Он и так ради тебя столько бросил, – Аш усадил Дая за стол, спокойно достал его кружку с лошадкой вместо ручки (Юм подарил), налил яблочного сока. – Пить, наверное, хочешь. А Юм, может, еще только завтра к вечеру вернется. Но вернется. Он теперь всегда за тебя волнуется – ведь мы с Гаем чуть тебя не прикончили... Ты прости, если можешь... Хотя ты, наверное, и не понимаешь ничего. Так что давай пей сок. Что ты хочешь на завтрак?

Он был безмятежен, даже немножко ленив, и постепенно Дай тоже успокоился, утихомирил колючую дрожь. С чего он взял, что Юм всегда будет поблизости? Зависимость, сказал Аш? Ну да, Дай чувствовал, что Юм, как одеялом, укутывает его своей добротой, любовью. Энергией. Но Дай и сам умел с ним всем этим делиться. Потому что Юм должен быть как солнце и никогда не уставать... Гай сказал, что он Юму как батарейка. Юм – ему, потому что только при Юме он золотой и светится. А Дай – Юму. Вот и хорошо. Дай допил сок и пошел на солнышко – досыпать и заряжаться.

К тому же отсутствие Юма днем было уже привычно. Он, когда велели, прибежал и быстро съел свой завтрак, не понимая, зачем близнецы сидят тут же за столом на кухне и смотрят. Кивком сказал «спасибо», быстро помыл за собой тарелку с красной каемочкой и убежал к себе. Сел с учебниками на солнцепек подоконника и умудрился не поднимать головы, пока Ай не позвал обедать. Ладно, это быстро... Уроков еще много. Да, еще ведь есть интересная книжка – навешав-

ший Гай принес вчера, только уже не легийские легенды – ему, ох, попало за картинки с Нирахом – а описания далеких времен и земель. Называется «Фрегат «Паллада». На обложке парусник. Тоже, в общем, интересно...

Оказалось, обедать сегодня нужно в столовой, за одним столом с ними. И скатерть зачем-то красивая, и цветы на столе... У них праздник? Зачем тогда им такой противный гость, как Дай? Дай не сел за этот нарядный стол, взял и унес свои тарелку с красной каемочкой и ложку обратно на кухню. Суп там на плите в кастрюльке, и поесть можно там. Он же знал, что близнецам противно на него смотреть.

Но в кастрюле супа не оказалась. Он весь в красивой супнице там на столе. Ну и что. Кушать хочется, да, но еда может быть любая. Еда тоже заряжает батарейки. А он должен их заряжать, потому что, когда Юм вернется, то будет очень усталым... Надо будет помочь. Дай отломил себе хлеба, налил молока. Не садясь, откусил хлебушка, запил. Вошли Аш и Ай. Они так смотрели на него, что Дай испугался. Может, нельзя было брать еду без спроса? Он тихонько положил хлеб, поставил кружку, отодвинул. отошел от стола. Он бы убежал, но близнецы стояли в проеме. Окно? Оно крепко закрыто...

– Мы так только хуже делаем, – сказал Ай брату. – Напугали только... Дайка, не бойся. Ты молока хочешь, не супа?

– Да ему все равно... Дай. Ну скажи, если ты отвернулся душой от нас – это навсегда?

Дай поднял глаза и встретил два одинаковых печальных и испытующих взгляда. О чем это они?

– Его душа вся целиком у Юма за пазухой и больше нигде, – грустно сказал Ай. – Брось, Ашка. Глупая была затея. Может, этот зверик сам ничего не понимает, а лишь чувства Юма транслирует. Юмка ведь с нами есть за одним столом не станет.

– Дайка – единственный мостик. Другого не будет. Если Юмка его заберет...

Дай внимательно слушал. Что, интересно, произошло между ними и Юмом когда-то давно? Такое нехорошее, что даже Юм, такой добрый и ласковый, их – тоже ласковых – сторонится? В чем близнецы перед ним виноваты? Почему – такая пропасть? А сам Дай – мостик через нее? Ну да, ведь они только про самого Дая с Юмом и говорят... Боятся – про все остальное-то. Что-то они натворили, наверное, а Юм-то, по всему видно, существо беспощадное. Это самого Дая Юм непонятно за что любит и балует, но, может быть, только пока он маленький? А если он сделает что-то не так, вот как с превращением, – что тогда? А если ему не понравится, кто в итоге из Дая вырастет? Он ведь инородец. Или даже – василиск...

– Смотри, как уставился, – заметил Ай. – Соображает что-то. Гай говорит, он вообще-то очень умный.

– Я не заметил. Зачем он Юмке, как думаешь? – вздохнул Аш. – Генетика-генетикой, куда эти родные проценты

денешь, да, видно, Юму не это важно... Мы вон с Юмкой на сто процентов совпадаем, а толку-то... Что еще из этой генетики реализуется.

– Дайка, кто ты? – прямо спросил Ай. Дай метнулся меж ними, чтоб проскочить в коридор и убежать, но Ай поймал твердыми ладонями, аккуратно и почти не брезгливо оттолкнул на середину кухни. – Ну, ну, не бойся. Что, опять под кровать спрячешься? Да стой же! Не тронем... Зачем ты ему сдался, понять бы еще...

– Мне кажется, нам и самим на дайкину генетику плевать, – хмуро сказал Аш. – Потому что это... Это невыносимо знать, что он... Потому что тогда наше отношение к нему просто...

– Молчи. Этому зверенышу только нашей правды не хватает... Дайка, да постой же, не убегай, – Ай опять успел схватить попытавшегося проскользнуть меж ними Дая и теперь уже силой усадил на стул. – Сиди. Дай, а Юма ты боишься?

Дай вцепился в кромку сиденья и посмотрел в его мерцающие глаза тагета и не подал никакого знака. Не Юма он боится, а себя. Юм для него ничего не жалеет. Наверно, Дай – вовсе не это ужасное огненоносное чудовище, иначе Юм бы его уже убил... Кто такие эти василиски, что их все должны убивать? Он не василиск. Иначе бы не жил... Или Юм пожалел бы его? А если он все может, так может и спасти Дая от несчастья быть таким чудовищем? Так василиск он или нет? Как узнать?

– Да ладно, мы все равно боимся его больше, – усмехнулся Ай. – Только не знаю, что мы будем делать, если Юмка тебя заберет и навсегда исчезнет. У нас тогда ни единого шанса вообще с ним... хоть чтоб терпел нас.

– Пусти его... Смысла-то с ним разговаривать... Дайка, так что ты хотел-то, молока? Налить еще?

Дай подумал. Посмотрел в глаза Аю – тот вздрогнул. Взял свой хлеб и тарелку с ложкой. Может быть, близнецы натворили когда-то что-то такое ужасное, что Юм рассердится на Дая, если он с ними пообедает за одним столом. Но зачем тогда они с Юмом все еще живут в этом доме? Может, Дай – мостик и в другую сторону тоже? Юму тоже нужен мостик к братьям? Он пошел в столовую. Близнецы, переглянувшись, за ним.

После обеда Дай пошел в сад. Он старался провести день точно так же, как если б Юм был тут. Всегда после обеда они выходили в сад. Дай дремал на солнышке, Юм работал в тени. Дай улегся на свой горячий от солнца коврик, посмотрел на дерево рядом, чья крона образовывала шатер тени – место Юма. По телу прошел холодок и сердце словно пропустило один удар, такой жуткой показалась пустота над примятой травой. Дай рывком перекатился на спину и уставился в лазурную высь – на небе ни облачка. Волшебное, нескончаемое лето Берега. Неужели теперь – всегда тут? Здесь никто не взрослеет, может, Юм привез его сюда на-

рочно? Чтоб оставался маленьким и хорошим детенышем? Не вырастал бы в чужого страшного зверя василиска?

Над лицом качались изумрудные, нефритовые, малахитовые травинки с длинными метелочками. Он вспомнил про свои камешки в пещерке. Вспомнил про ребят – Уни, Эташу и других. Когда кто-то из них исчезал, другие им не интересовались. И им самим, наверное, тоже никто не интересуется. Разве что Уни. Но Юм сказал, что ни она, ни Дай не виноваты, что виноват он сам – Юм, и немного Гай, что это они должны были все возможное предвидеть, а Уни и Дай – всего-навсего два маленьких глупых ребенка. И наказывать он ее не стал. Если не считать наказанием то, что Гай отвез Уни в какую-то школу в Семиречье – место еще волшебное, но уже не Берек. И там уже понемножку надо взрослеть... Интересно, взяла ли она с собой свои корзинки с серебрястыми клубками? Дай перевернулся на живот. Как выбраться отсюда? Как стать собой, если здесь дети не растут? Не может быть, чтоб Юм хотел навсегда оставить Дая немым заморышем.

И еще было непонятно, почему теперь в дом близнецов никто не заходит, кроме Гая. Почему они никого, кроме Дая, теперь не лечат? И даже кажется, что дом стоит где-то далеко-далеко от остального Берега, словно отгорожен невидимой чертой? Ни в парке, ни на пляже Дай никого-никого теперь не видел. Или Юм отправил по школам весь Берек?

Над ним наклонился Ай:

– Пойдем купаться?

И при Юме они именно в это время ходили купаться. Возились с Даем все втроем по очереди, мокрые и неотличимые, даже смеялись. Он тоже смеялся, барахтаясь в упругой воде. Но потом все равно оказывалось, что Юм и близнецы по разные стороны невидимой преграды. Дай наблюдал – Юм при близнецах не расслаблялся ни на секунду, каким бы ленивым и безмятежным не выглядел. Хотя, конечно, это зоркое внимание ко всему вокруг Дай за ним всегда помнил. Даже пробовал подражать, но долго не выдерживал. А Юм, кажется, даже когда спал, выставлял какие-то единицы сознания в часовые. А наяву всегда был настороже. И за Аем, улыбчивым и нервным, почему-то следил пристальнее и зорче, чем за серьезным, всегда распоряжающимся Ашем. Даю почему-то хотелось плакать, если он долго за ними троими наблюдал.

Вечером Юм не вернулся. Дай пробыл в саду, пока прохлада не поползла из-под старых деревьев парка и не позвали ужинать, потом допоздна читал неинтересные сказки и до тошноты изучал яркие картинки к ним. Укладывание оттягивал, сколько мог – наконец смирился, и Аш быстро помог ему справиться с пижамой и простынками и сам ушел спать. Было уже поздно. Он старался лежать совершенно неподвижно, вытянув руки вдоль тела и неслышно дыша. Оцепенел почти от неподвижности, устал, изнемог – но сон

не шел. Пустота комнаты рядом казалась провалом в бездну. Слезы, как прибой, то подкатывались, то отступали. Иногда несколько минут, если он думал о камнях или математике, глаза спокойно таращились себе в потолок. Но, чуть только память выплескивала эхо голоса, тень, след на песке, узор жеста, шорох одежды, медленное движение ресниц, когда Юм поднимает взгляд от своего терминала – как в глазах горячо теплело. Он все-таки немножко поплакал. Потом уснул. Но приснилось, как Юм за руку ведет его по какому-то бесконечному зимнему берегу, где вместо песка ледяное крошево, и он проснулся в слезах. Успокаивался, успокаивался, даже звезды считал в том куске неба, что был виден за окном – и внезапно взорвался беззвучным визгом и плачем. Ревел и не мог остановиться. Хорошо, что не слышно. Он только захлебывался и жадно хватал воздух. Слезы лились неостановимо, и все тело тряслось от неровного, плохого озноба.

Потом в комнате постепенно стало сереть – к рассвету Дай лежал мокрой тряпкой, и безучастно смотрел, как нежно-нежно, едва уловимо, розовеет белая рама окна. Слезы кончились. Глаза царапало и щипало, как от соленого песка. Что-то он понял, пока плакал, что-то очень печальное – и безнадежное, как взгляд Аша или Ая на Юма. Он сам, наверное, когда-нибудь будет на Юма так – как через пропасть – смотреть. И так же прятать этот взгляд. Кто он – и кто Юм. Или – если он окажется василиском – его не будет.

Ни наутро, ни к обеду Юм не вернулся. Дай несколько раз заходил в его комнату, садился посередине на пол и смотрел, как за открытым окном ветерок с моря ерошит круглые жесткие листья старого дерева. Но близнецы звали то кушать, то купаться, то еще зачем-то – и так и не дали ему посидеть в тишине и сосредоточиться. А ему все мерещилось что-то важное в пустоте комнаты и в солнечном зное, разбивающемся о глянцевые беспокойные листья. Как будто эта комната, хранящая присутствие Юма, полная запаха моря, деревьев и лета, напоминала непонятное пространство, где он дышал таким же светлым солнечным воздухом – но воздух этот был – жизнь Юма. Как будто сам Дай жить еще не мог, а Юм жил за него... Дай потряс головой. Примерещится же! Разве так может быть на самом деле? Он, услышав зов Аша, встал с пола и поскорее вышел из комнаты – ведь он встревожил близнецов, когда утром поднялся едва живой и зареванный, значит, надо слушаться, успокоить их. Они покормили почти силой и снова спать уложили – полдня Дай, сдавшись усталости, проспал.

Чего-то они, когда он проснулся, поели, потом Дай хотел было взяться за учебники – но все слова казались бессмысленными. Он поплелся к близнецам на веранду. Близнецы тоже выглядели мрачными, то и дело хмуро переглядывались, разговаривали обрывками фраз. Но Дай не чувствовал, что им мешает. Они не хотят, чтоб он ушел. Наоборот, после нескольких совместных трапез близнецы даже

улыбались, а уж насколько искренне – их дело. Дай, правда, на всякий случай наблюдал за ними, не упуская ни звука, ни обрывка интонации – и что-то очень тоскливо этих наблюдений. Он думал о мостиках. Аш сидел в плетеном кресле с медицинским журналом, но смотрел в дрожащее марево над лужайкой. Ай вообще растянулся на циновке на полу – им было жарко. Сам Дай, как ящерица, лежал на широких, раскаленных каменных перилах в потоке солнечного огня. Так было легче ждать.

– Жара, – Ай перевернулся на спину. – Пекло.

– Седьмая луна на исходе, – успокоил Аш. – Еще недельки две-три, и будет легче. Грозы начнутся...

Седьмая луна? Дай сел. Древние легенды из книг ожили в голове. А почему бы нет? В тридцатый день седьмой луны день рождения бога, которого, может, давно нет, и даже леги о нем давно забыли. А между тем под маской этого божества скрывался кто-то из двоих первых. Скорей всего, именно Нирах Ниеигерен... И, если сделать все, как надо, то, возможно, он поможет... Даже если только близнецы и Юм хотя бы раз открыто взглянут друг на друга. А если нет, то это будет просто хорошая игра.

Дай ушел в сад и по обочинам дорожек набрал ровных продолговатых камешков. Расчистил площадку на пересечении двух идеально правильных, хоть географические меридиан с параллелью проводи, дорожек. Принес чистого белого песка с кварцевыми искринками, воды в пластмассовом

зеленом ведерке, и стал играть.

Через четверть часа подошли близнецы:

– Что это такое ты интересное затеял?

Дай нарисовал на песке. Им, наверное, тоже была тягостна жара и было некуда себя деть. Поэтому они принесли именно такую, как нужно, медную миску, плавучие фонарики, помогали мокрым песком слеплять камешки и придерживали их, когда Дай своим голубым огнем расплавлял песок в подобие керамлита, накрепко схватывая камни. Они этому огню не удивились, только переглянулись, и Аш пробормотал:

– Ты, ребенок, уж поаккуратней.

Дай выглаживал из расплавленного песка нужные изгибы арок, Аш и Ай таскали песка и камней – строительство приобретало размах и смысл. Надо, чтоб пагода получилась именно такой, как тысячелетия назад где-то далеко-далеко отсюда... Дай торжественно и старательно возводил северную башенку для фонарика, когда краем глаза вдруг заметил невозможные в такой жаре черно-серебряные ботинки и черный тяжелый узорный край подола – Юм!

Он вскочил, опрокинув ведро с водой, и не вцепился в Юма только потому, что весь измазался в мокром песке. Юм улыбнулся. Он выглядел как кусочек космоса в своих черных храмовых одеждах, от него веяло величием и волшебством – такого его Дай почти успел забыть. А близнецы застыли, как статуи, опустив выпачканные руки, и смотрели во все глаза. Еще бы не застыть – во всех этих своих много-

слойных доспехах Юм и человеком-то не казался. Одни глаза – синие, родные.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.